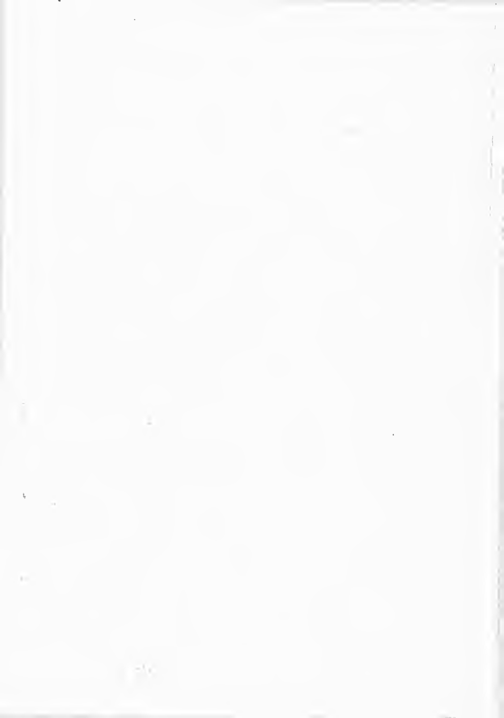
А. ОЛЬШАНСКИЙ
ЗАПИСКИ
АГЕНТА
РАЗВЕДУПРА
ПАРИЖ



А. ОЛЬШАНСКІЙ

ЗАПИСКИ АГЕНТА РАЗВѢДУПРА

Издательство «МИЩЕНЬ» Парижъ

© Художественное
оформление
Гутеева М. В.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Однив изъ несмѣтнаго легіона сотрудниковъ шпіонскихъ организацій СССР заграницей — капитанъ саперного баталіона А. П. Смирновъ передалъ мнѣ послѣ отъѣзда въ Южную Америку нѣсколько объемистыхъ тетрадей своихъ воспоминаній для написанія книги иллюстрирующей работу В.Ч.К. и "Коминтерна".

"Записки" — кошмарный человѣческій документъ — были написаны безъ всякой систематичности, тенденціи или нагроможденія "ужасовъ", но ихъ каждая страница вѣетъ жутью и дыханіе смерти холодитъ душу при возстановленіи въ памяти отрывочныхъ эпизодовъ "совѣтскихъ тайнъ", написанныхъ Смирновымъ "на отдыхѣ" — въ N-ой тюрьмѣ...

Гидра шпіонажа, провокаціи, подготовленія возстаній, гражданской войны и насажденія диктатуры "пролетаріата" — С.С.С.Р. — передъ лицомъ всего культурнаго міра превратила 150-милліонный русскій народъ въ "околлективизированнаго раба" и привела къ молчанію не только колокола взорванныхъ или превращенныхъ въ танцульки церквей, но и совѣсть тѣхъ, кто въ погонѣ за "экономическими завоеваніями" признали за большевиками госу-

дарственную правомощность. Дипломатическія миссін, полпредства и торгпредства, различные "Аркосы", "Амторги", отдѣлеія "Виѣшторга" и тысячи другихъ совѣтскихъ учреждеиій заграиицей кишатъ "Смирновыми" и служатъ единому богу — **"Коминтерну".**

Агенты Г.П.У. разстрѣливаютъ въ Россін непокорнаго "кулака" за неотдачу зерна на... фондъ заграничиыхъ отдѣловъ шпіонажа, "Соловки" — островъ смерти русской иителлигеиціи, крестьянства н рабочихъ, получаетъ каждый день новыя партін "коитрреволюціоиеровъ" н нхъ нмущество поступаетъ въ пользу... жертвъ революціи, пресловутому "Мопру", тому "Мопру", который питаетъ заграничныхъ агнтаторовъ н представнтелей III Интернаціонала. Зерно экспортнруется заграинцу, продается на "зло буржуямъ" ннже рыночныхъ цѣиъ, а поля Россіи на 30% остались не засѣяниыми изъ-за отсутствія посѣвиыхъ зеренъ.

Деиьги иужны — Индо-Китай, Китай, Египетъ, Индія, аиглійскій безработный, фннляндскій рабочій и народы всего міра "ждутъ" помощн отъ засѣвшнхъ въ Кремлѣ строителей "новаго міра соціализма" — Сталииа и К°.

А. Ольшанскій.

I

Въ 1920 году, зимою, въ кабинетѣ замѣстителя Начальника "Развѣдупра" Павлоновскаго я далъ подписку въ обязательствѣ безпрекословно исполнять всѣ директивы особоуполномоченнаго западнаго отдѣла Управленія товарища Яна Розенталя, въ распоряженіе котораго долженъ былъ отбыть черезъ нѣсколько дней...

Мнѣ стало извѣстнымъ, что моя мать и два брата, Андрей и Владиміръ, остаются заложниками въ Р.С.Ф.С.Р. и въ случаѣ моего перехода на службу къ бѣлымъ или какого либо "предательства", ихъ жизни будутъ расплатой. Заготовленную Павлоновскимъ на сей предметъ подписку я подписалъ и сообщилъ адреса всѣхъ моихъ знакомыхъ заграницей и въ предѣлахъ Р.С.Ф.С.Р. — таково было обязательное требованіе предъявляемое ко всѣмъ агентамъ шпіонажа заграницей.

Въ тотъ-же день меня доставили въ Особый Отдѣлъ, и представили начальнику иностраннаго отдѣла В.Ч.К. товарищу Лифшицу, маленькому, близорукому чекисту въ бархатной блузѣ и галифе изъ синяго сукна. Бросивъ на меня быстрый, пронизывающій взглядъ, Лифшицъ сказалъ:

— Вы назначены товарищемъ Павлоновскимъ въ

Филяндію. Выѣдете отсюда въ пятнпцу съ иочиымъ поѣздомъ. Теперь прошу васъ отправнться въ фотографію н оставить иамъ ваши снимки. Ахъ, да, съ васъ надо получнть еще подписку.

Онъ повернулся къ сидѣвшему за пнсьмеиимъ столомъ худосочному человѣку н бросилъ ему:

— Товарищъ Каминскій, пригтовьте подписку о безоговорочиомъ исполненін прнказовъ нашей секціи 143.

Тотъ приподнялся со стула и скосивъ иа меня глаза отвѣтилъ:

— Слушаю, товарищъ.

Лнфшнцъ почесалъ карандашомъ свою волосатую переносицу и какъ-то странно улыбаясь произнесъ:

— Вы поѣдете съ женою. Поиялн?

Я растерялся.

— Виноватъ, товарищъ, я же не женатъ, — сказалъ я торопливо.

— Знаю! — рѣзко вскрнкнулъ Лнфшицъ, — но мы дадимъ вамъ товарища, которая будетъ помогать вамъ работать. Прекрасная женщина. Изъ буржуазіи. Съ манерами и владѣетъ языкамн. Имѣетъ порядочный стажъ. Вы должны съ ией жить по семейному. Это въ нитересахъ дѣла. Она будетъ ловить "бѣлую сволочь", а вы только обрабатывайте.

Меня поразилъ развязный и наглый тонъ Лнфшица. Въ "Развѣдупрѣ" со миой всѣ были предупредительно вѣжливы, а тутъ окрикъ истерничиаго чекиста.

— Миѣ объ этомъ товарищъ Павлоиовскій ничего не говорилъ — пытался возразить я.

— Все по очереди, товарищъ. Товарищъ Павлоновскій назначаетъ васъ н только, а я по своему разумѣнію даю вамъ плаиъ работы, поняли? Это въ вашихъ же интересахъ. Та дама, которая назначается въ командировку

красавица... Вы одѣнете ее по первому разряду, мѣха для нее привезетъ курьеръ, и пустите въ общество. Приманка — первый сортъ. На ея личные расходы вамъ будутъ отпускать пятнадцать тысячъ марокъ. Ей двадцать семь лѣтъ и она очень, очень пикантна, — произнесъ Лифшицъ, потирая ладони и цинично улыбаясь.

Чиновникъ закончилъ писаніе и какъ-то бокомъ подошелъ къ столу Лифшица и положилъ передъ нимъ листъ бумаги.

— Спасибо, — буркнулъ начниотдѣла и прочитавъ бумагу, протянулъ мнѣ стило.

— Прочтите и подпись! — сказалъ онъ, вставая.

Изъ одиннадцати пунктовъ подписки, самыхъ характерныхъ было четыре, а именно:

IX. Если центръ предпишетъ мнѣ организацію какого либо акта, грозящаго по своимъ послѣдствіямъ тягчайшимъ наказаніемъ по законамъ той страны, гдѣ онъ выполненъ, я обязуюсь исполнить это заданіе.

X. Если обстоятельства дѣла, возложеннаго на особоуполномоченнаго требуютъ моего активнаго участія въ террористическомъ актѣ, изъятіе представителя вражескаго лагеря путемъ насилія или въ дѣйствіяхъ, предусмотрѣнныхъ "положеніемъ о мѣрахъ борьбы", изданныхъ Боевымъ Комитетомъ Коминтерна — я, подъ угрозой высшей мѣры наказанія, подчиняюсь заданіямъ центра и

XI. За измѣну интересамъ Р. С. Ф. С. Р. — я приговариваюсь заочно къ высшей мѣрѣ наказанія и такая же участь постигнетъ лицъ круговой поруки..

Подписалъ. Дрогнула рука и на мигъ застыло сердце...

Стоявшій за спиной Лифшицъ произнесъ:

— Такъ. Теперь снимитесь. Я заготовлю вамъ до-

кументы. Вы служили офицеромъ въ Свеаборгской крѣпости, не такъ-ли?

— Такъ точно, — сорвалось у меня.

— Отлично. Генералъ отъ артиллеріи А. на нашей службѣ и онъ лично подпишетъ нужныя на всякій случай бумажки. Старыя бумажки, да еще съ подлинными подписями, цѣнятся по ту сторону проволоки. Мы нашли въ вашемъ дѣлопроизводствѣ нѣсколько фотографій. Мадамъ Залькевичъ, ваша супруга теперь, удачно помѣстилась на одномъ снимкѣ съ вами. Увидите — поразитесь техникой нашего фотооператора! Не бойтесь, у меня все предусмотрѣно. Такъ, товарищъ, теперь загляните въ фотоателье и снимитесь. Послѣ этой комбинаціи васъ повезутъ обѣдать къ вашей супругѣ, — сказалъ Лифшицъ и, сложивъ мою подписку, спряталъ ее въ роскошный кожаный бюваръ, на краю — великокняжеская корона и усыпанная розами буква "Д".

Рукопожатіе — и внизъ по устланнымъ ковромъ ступенямъ.

Хлопнула дверца лимузина и противъ меня усѣлся агентъ "Развѣдупра" — латышъ Симсисъ, пріѣзжавшій въ 1923 году курьеромъ ко мнѣ.

Фото-ателье...

Я прошелъ рядъ комнатъ со шкапами — въ нихъ обмундированіе всѣхъ частей бывшей императорской Россіи, шитые золотомъ мундиры, камергерскіе, губернаторскіе, гофмаршальскіе и скромныя черныя рясы священнослужителей. Полки съ головными уборами. Партикулярное платье, цилиндры, фетровыя шляпы, грудами обувь, фрачное бѣлье, жилеты съ перламутровыми пуговицами, трости съ золотыми набалдашниками — всѣ атрибуты театра "Краснаго Ужаса". Въ одной комнатѣ сложенные въ рядъ роскошные кожаные чемоданы съ

вензелями, иинціалами, футляры для ракетокъ тениса, гольфа. А развѣшанныхъ по вѣшалкамъ дорогихъ шелковыхъ кимоно и пеньюаровъ — не счесть!

"Костюмерная" иностраннаго отдѣла "Развѣдупра" и "В.Ч.К." оцѣнивалась въ 1920 году въ 800.000 долларовъ!

Фотографомъ оказался венгерецъ Ш., бывшій владѣлецъ фотографіи въ Петербургѣ на Большомъ проспектѣ, словоохотливый болтунъ.

По предложенію Симсиса я позировалъ въ формѣ, въ партикулярномъ и даже на "пляжѣ" въ купальномъ костюмѣ.

Наконецъ я оставилъ въ объективѣ прекраснаго Zeiss'а дюжину пленокъ для регистраціоннаго отдѣла В.Ч.К. Симсисъ былъ, очевидно, своимъ человѣкомъ съ фотографомъ и называлъ его запросто "венгерской колбасой", уснащая рѣчь нецензурными словами.

Кошмарный цинизмъ венгерца пособника дьявольскихъ манипуляцій Чеки, выявился въ разговорѣ о поѣздкѣ на фотооперацію по вызову "самаго" Зиновьева въ знаменитый совѣтскій притонъ на Пречистенкѣ. Со мной не считались — въ ихъ глазахъ я былъ уже конченый человѣкъ. Передъ уходомъ фотографъ фамильярно хлопнулъ по плечу меня и спросилъ:

— Не угодно ли посмотрѣть на ассортиментъ голыхъ "совбаръ"? Прямо — цимесъ!

Его осадилъ Симсисъ.

Мы вышли въ переднюю.

Два дюжихъ красноармейца осмотрѣли пропускъ Симсиса и козырнули ему. Странное чувство какой-то притупленности овладѣло мной. Мнѣ было абсолютно безразлично, куда повезетъ меня Симсисъ.

Я постигъ, что обезличенъ, морально изнасилованъ и превратился изъ Человѣка въ предателя.

Устало припавъ головой къ спинкѣ автомобиля, я закрылъ глаза. Хотѣлось побыть одному.

Уже восемь дней меня возили по различнымъ "инстанціямъ", натаскивали въ различныхъ "отдѣлахъ" къ работѣ и заставляли подписывать, подписывать и подписывать.

Въ лиловыхъ сумеркахъ тонули главы нынѣ взорваннаго, Симонова монастыря... Промчались мимо. Куда?

Я вышелъ изъ автомобиля. Торопливо закурилъ и осмотрѣлся.

Симсисъ что-то шепталъ на ухо шофферу.

За желѣзной изгородью стояло двухэтажное зданіе — вилла или особнякъ.

Второй этажъ былъ ярко освѣщенъ.

Изъ одного окна виднѣлась широколистая пальма.

— Идемте, товарищъ, — произнесъ Симсисъ, подходя къ калиткѣ и позвонивъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ — ноги, какъ будто отекли.

Въ широкомъ подъѣздѣ вспыхнулъ огонь.

Выбѣжала молоденькая дѣвушка одѣтая по "старому", въ бѣломъ передникѣ, въ черномъ плиссированномъ платьѣ и съ чепцемъ на завитой головѣ.

— Здравствуйте, товарищъ Раиса, — пріятельски привѣтствовалъ ее Симсисъ и, распахнувъ калитку, вошелъ первымъ въ вестибюль.

— Добрый вечеръ, — задорно воскликнула дѣвица и взглянула на меня не то съ любопытствомъ, не то изучая.

— Прошу, товарищъ, — сказала она мнѣ, кокетливо поправляя выбившіеся кудри изъ подъ бѣлоснѣжной наколки.

Въ передней — ковры, вазы на постаментахъ чер-

наго дерева, зеркала въ старинныхъ рамахъ и надъ широкой лѣстницей роскошный хрустальный гарнитуръ электрическихъ лампъ.

Симсисъ швырнулъ свои куртку и фуражку на кресло въ передней. Пригладилъ ладонью напомаженную шевелюру и переложилъ изъ кармана брюкъ въ карманъ френча браунингъ.

Я снялъ потрепанную, видавшую виды шинель, служившую мнѣ одѣяломъ во время боевой страды и въ подвалахъ губернской чеки.

Бросилъ взглядъ въ трюмо и не узналъ лица. Такъ, вѣроятно, выглядитъ каждый человѣкъ, совершившій преступленіе передъ Богомъ и людьми...

Пошли наверхъ, откуда доносились оживленные голоса.

Въ залѣ, уставленной золоченымъ гарнитуромъ Louis XIV, насъ встрѣтили — восточнаго типа, изящно одѣтая въ темноголубое муаровое платье съ горностаевой отдѣлкой, дама, рослый блондинъ въ формѣ комбрига и, повидимому, военспецъ изъ "бывшихъ", элегантный среднихъ лѣтъ шатенъ съ коротко подстриженными усами.

Подавая мнѣ разукрашенную брилліантовымъ браслетомъ и кольцами, руку, дама назвалась:

— Варвара Павловна Гибсонъ.

Я назвался псевдонимомъ, какъ мнѣ повелѣлъ Павловскій.

Комбригъ оказался прибывшимъ съ юга Богуньскимъ, начальникомъ украинской бригады, расположенной въ Переяславлѣ.

А щеголь — бывшимъ подполковникомъ генеральнаго штаба Бобрищевымъ — военнымъ агентомъ Р.С.Ф.С.Р. въ Финляндіи.

Мы прошли въ столовую. Серебро — на бѣлизнѣ ска-

терти... Хрусталь и цвѣты. Вина и фрукты. На льду, въ массивномъ овалѣ кованнаго серебра — икра.

Симсисъ, очевидно, приставленный ко мнѣ, занялъ мѣсто въ сторонкѣ, усѣлся въ концѣ стола и сразу налилъ себѣ полный стаканъ мадеры.

— Что то наша хозяйка задержалась, — произнесъ военный агентъ, бросивъ взглядъ на тяжелое пурпурное драпри въ нишѣ стѣны.

— Ахъ, знаете... хорошенькая женщина. Туалеты надо перебрать, тѣмъ болѣе сегодня, — съ лукавой усмѣшкой проронила Гибсонъ и взглянула на меня.

Комбригъ и атташе переглянулись.

Мнѣ было какъ то не по себѣ — я посмотрѣлъ на свое отраженіе въ зеркалѣ — старенькій френчъ, потертый воротникъ, одинъ рукавъ пришитый суровыми нитками, лицо небритое, нея въ пятнахъ отъ "вшивой" жизни въ подвалѣ на Лубянкѣ.

А они — сытые, разодѣтые, какіе-то довольные, увѣренные въ завтрашнемъ днѣ!

— А вотъ и наша милая "иностранка" показалась, — сказалъ атташе, устремивъ взоръ на вошедшую въ столовую Залькевичъ.

Я обомлѣлъ, думая, что передъ моимъ взоромъ показалась какая либо кинозвѣзда. Умопомрачительный туалетъ, жемчуга и бриллiантовое колье.

— Такъ вотъ какую "жену" мнѣ даютъ въ качествѣ приманки, — подумалъ я, разсматривая тонкія, красивыя черты шпіонки.

Первой она поздоровалась со мной.

И въ ея темноголубыхъ глазахъ я подмѣтилъ что-то схожее со взглядомъ хищника.

Чуть чуть дрогнула ея рука въ моей — вѣки опустились на мигъ.

Она знала, понятно, что вскорѣ мы будемъ связаны страшнымъ, темнымъ дѣломъ...

Когда горничная принесла обѣдъ — мы заняли мѣста.

Была жуткая параллель — этотъ изысканный обѣдъ и порція прогнившей воблы въ тепловатой водицѣ, раздаваемая разъ въ день чекистами.

Разговоры велись на разныя темы, меньше всего о будущемъ страны.

Бобрищевъ хвалилъ "буржуазные" рестораны Финляндіи, разносилъ скромныхъ финскихъ дамъ, а о полпредѣ Черныхъ говорилъ, какъ о "глупой туфлѣ". Нарочито "пробалтывался" о своей "опытной" агентурѣ среди эмиграціи и неоднократно упоминалъ о цѣнности своей работы для РСФСР.

Комбригъ слушалъ, какъ и Симсисъ, предпочитая разговорамъ стаканъ хереса и тайное пожатіе пухлаго локтя Гибсонъ.

Послѣ обѣда моя "жена" пригласила меня въ будуаръ.

И тамъ, полулежа на шелковомъ канапе, она шепотомъ разсказала мнѣ слѣдующее: вдова разстрѣляннаго полковника Т-аго, бывшаго начальника тяжелаго артиллерійскаго дивизіона, она подъ угрозой голода поступила на службу, черезъ посредство предателя, сослуживца мужа, въ московскій отдѣлъ М.Ч.К. Взятая "на глазъ" секретаремъ В.Ч.К. Ягодой, она стала его любовницей и когда онъ "влюбился" въ балерину бывш. Императорскихъ театровъ Г., перешла на службу въ иностранный отдѣлъ. Тутъ ея "судьбой" заинтересовался всесильный Лацисъ и поручилъ ей "Національный центръ". Она предалась наркотикѣ и стала орудіемъ въ рукахъ Лациса. Вилла, въ которой жила теперь, была "холостой квартирой" второго

поклоннпка — Менжинскаго. Но — настал часъ, н ей предложили поѣхать работать заграницу. Менжинскій успѣлъ сойтись съ сотрудницей Внѣшторга Рыбаковой н ей, понятно, надо было найти "жилплощадь".

Она взяла съ письменнаго столика блокнотъ и написала:

— Не бойтесь ѣхать. Бобрищевъ хорошій человѣкъ, хотя и предатель. Главное, заполучите денегъ побольше.

Когда я прочелъ эти строки, она вырвала листъ и, положивъ на пепельницу, сожгла. Пепелъ растерла между пальцами и бросила въ каминъ.

— Кто эта Гибсонъ? — спросилъ я.

— Гибсонъ... Я скажу когда уже уѣдемъ, — подумавъ отвѣтила она и встала.

— Идемте, — сказала она и нервно пожавъ плечами усмѣхнулась, — тамъ же гости.

Въ столовой пили кофе съ ликеромъ. Симсиса не было — онъ вошелъ въ комнату нѣсколько минутъ спустя послѣ нашего прихода.

Я понялъ — онъ наблюдалъ за нами, подслушивалъ, притаившись гдѣ нибудь за дверями.

Уже было за полночь, когда Симсисъ увезъ меня въ конспиративную квартиру, въ Столешниковъ переулокъ.

Мнѣ отвели комфортабельный кабинетъ и предложили выспаться.

Всю ночь въ корридорѣ кто-то ходилъ, шептался и звякалъ шпорами.

II

По ордеру, выданному Павлоновскимъ, мнѣ выдали 100.000 финскихъ марокъ на предварительные расходы въ Гельсингфорсѣ. Симсисъ принесъ изъ "Госхрана" де-

вятикаратный брилліантъ и подъ расписку вручилъ "женѣ". Ей выбрали изъ склада М. Ч. К. каракулевую шубу, спороли подкладку съ нашитой на карманъ инициальной мѣткой и сдали въ мастерскую для освѣженія и приведенія въ порядокъ. Комплекты шелковаго бѣлья, гарнитуры дорогихъ отдѣлокъ, два роскошныхъ кофра изъ желтой кожи и нессесеръ дополнили щедрую выдачу "приданнаго" моей "женѣ". Я получилъ шубу на енотовомъ мѣху, золотой хронометръ и портсигаръ съ инициалами, совпадающими съ моими (еще бы, изъ такого склада!). Всѣ вещи были запакованы въ деревянный ящикъ и отправлены въ Наркоминдѣлъ.

Я получилъ ихъ въ Гельсингфорсѣ.

Оставалось два дня до отъѣзда въ Петербургъ — это время я "посвятилъ" изученію дешифровки, изготовленію химическихъ комбинацій для письма, работалъ въ лабораторіи по проявленію фотосводокъ, знакомился, подъ руководствомъ спеца, капитана Наживина, минной установкой (!) и слушалъ лекціи "профессора шпіонажа", бывшаго лейтенанта Раскольникова. Послѣдній настойчиво предлагалъ мнѣ пріобрѣсти изъ финлядскаго генштаба планы Кронштадтскихъ укрѣпленій, проданныхъ, якобы, финнамъ покойнымъ капитаномъ Щасныъ.

Наконецъ — послѣдній визитъ Павлоновскому и Лифшицу, заѣздъ въ Наркоминдѣлъ для регистраціи въ секретномъ отдѣлѣ и на вокзалъ съ "женой" и "лакеемъ" Симсисомъ.

До Петербурга мы ѣхали въ "дряни", т. е. я въ старой шинели и стоптанныхъ сапогахъ, а "жена" въ поношенной мерлушковой шубѣ и лѣтнемъ костюмѣ, цвѣта грязи.

Такъ было велѣно!

Въ Петербургъ прибыли утромъ.

И на трамваѣ насъ доставилъ Симсисъ на квартиру коммуниста Вирккула, въ домъ финляндской казенной ж. д. на Симбирской улицѣ. Штабъ-квартира шпіоновъ и курьеровъ западной секціи! Вирккула — до войны и большевизма былъ скромный "звонарь", торчавшій на платформѣ станціи Петроградъ и отбивавшій уходъ поѣздамъ, а нынѣ кавалеръ "краснаго знамени труда"! Симсисъ занялъ у меня тысячу марокъ и уѣхалъ въ тотъ же день обратно. Мнѣ же надлежало явиться въ финскую секцію компартіи съ письмомъ отъ Лифшица. Тамъ приняли меня сухо и направился въ Кингисеппъ (разстрѣлянъ въ Ревелѣ) въ Маріинскій Дворецъ.

Высокій статный лидеръ эстонской компартіи внимательно выслушалъ меня и сообщилъ, что онъ устроитъ все. Я долженъ ждать товарища Микко и сидѣть дома.

Черезъ день ко мнѣ явились три молодыхъ финна — проводника. Одинъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ.

Въ присутствіи Вирккула они сообщили мнѣ, что меня и "жену" можно перебросить въ Финляндію вполнѣ легально. Это будетъ стоить двадцать тысячъ финскихъ марокъ. Паспорта съ фотографическими карточками они купятъ и пограничную стражу поставятъ тамъ "гдѣ надо". Я далъ задатокъ въ пять тысячъ марокъ и двѣ фотографіи, свою и "жены". Парни ушли. Черезъ нѣсколько дней они вернулись изъ Раяіоки и представили мнѣ 2 формальныхъ документа, удостовѣряющихъ, что я и жена жители пограничной деревни въ Финляндіи. Планъ былъ ими разработанъ такъ: со станціи Бѣлоостровъ мы пойдемъ лѣсомъ на лыжахъ подъ охраной красноармейцевъ отряда пограничнаго пункта до рѣки. А такъ какъ рѣка не замерзла, ее придется перейти вбродъ. Воды по колѣно. На сторонѣ финской границы насъ будутъ ожидать пограничники, которые проведутъ лазейками вдоль дороги въ де-

ревию. Имъ придется дать "на чай".

Остальное устроютъ уже проводники.

На этомъ и порѣшили. Съ вечернимъ поѣздомъ тронулись въ путь. Билеты получили по распоряженію Виркула. Въ Бѣлоостровѣ явились къ коменданту — чекисту Соколову. Онъ отвелъ намъ комнату и предложилъ ждать до полуночи. Финны играли въ карты съ красноармейцами. Свои люди — эти контрабандисты и перевозчики, жители пограничныхъ деревень Финляндіи.

Настала минута — жуткая и полная неизвѣстности. Намъ подали сани, запряженныя тощей лошаденкой, усѣлись мы — "шпіоны", красноармейцы и финны. Ѣхали молча... Долго ѣхали лѣсомъ, потомъ выбрались на дорогу. Въ серебряныхъ ризахъ стояли ели и сосны, высокое небо, какъ голубой бархатъ раскинулось пологомъ. Мягко хрустѣлъ снѣгъ подъ полозьями и копытами лошадей.

Мелькнула какая-то деревня.

Сожженный храмъ или кирка — на косогорѣ.

Одинъ красноармеецъ скинулъ съ плеча винтовку и сошелъ съ саней.

— Близко чухна, — прошепталъ онъ, — надо въ осторожку идтить.

— Скоро на лыжи надо перейти, болото пойдетъ, — замѣтилъ рыжебородый возница въ барашковой шапченкѣ на кудлатой головѣ.

Завернули снова въ лѣсъ, густой, притаившійся и изрѣзанный узкой дорожкой.

— Сходить надоть... болото, — сказалъ возница и спрыгнулъ съ саней.

Всѣ сошли.

Финны вытащили изъ-подъ соломы лыжи, палки и мѣшки.

Одну пару дали мнѣ, вторую — "женѣ".

Красноармейцы взяли свои — широколопастыя.

— Счастливаго пути, — сказалъ возница, снимая суконную рукавицу и протягивая мнѣ руку.

— Спасибо, — выдавилъ я хрипло и что-то острое впилось въ сердце.

— И тебѣ, гражданка, — сказалъ онъ дрожавшей отъ холода "женѣ".

Подергалъ возжами, свистнулъ и завернулъ въ сторону... Россіи.

Кое-какъ наладили лыжи.

Двинулись гуськомъ.

Финны впереди. Вынули револьверы, сняли предохранители и глубже напялили на глаза свои мѣховыя бѣлыя шапки...

Шли долго — часъ, другой или прошли уже три часа — не знаю.

Лыжи тонули въ мокромъ снѣгу, въ обуви хлюпала вода и безмѣрная усталость ломила спину.

Впереди черной лентой показалась Сестра-рѣка. Былъ слышенъ гулъ ея нескованной льдомъ воды.

— Ну, теперь, товарищи, лыжи снять и "пѣшкомъ", — тихо сказалъ одинъ изъ красноармейцевъ, сухо щелкнувъ затворомъ винтовки.

— Стойте тутъ, а я пойду "нюхать", — сказалъ финнъ-проводникъ и, сбросивъ съ ногъ лыжи, зашагалъ къ виднѣвшемуся въ темнотѣ берегу.

Остановились.

— Страшно мнѣ, — услышалъ я около уха шопотъ "жены".

Я невольно сжалъ ея руку и произнесъ глупое:

— Ничего.

Издали донеслось что-то похожее на паденіе вѣтви или камня. Потомъ свистъ... Кто-то показалъ "огонь".

Осторожно, притаивъ дыханіе всѣ тронулись на мелькавшій впереди огонекъ электрической лампочки.

На берегу стояли двое.

Одинъ былъ нашъ проводникъ, другой, его братъ, пришедшій сообщить, что "воздухъ чистый".

Никакихъ пограничниковъ, понятно, не было.

И какъ послѣ выяснилось, этотъ пріемъ былъ выдуманъ финномъ, чтобы сорвать съ меня "на чай".

Красноармейцы остановились — винтовки къ плечу и палецъ на спускѣ.

Финны посовѣщались минуту — другую и разработали дальнѣйшій планъ.

Залькевичъ перенесъ на тотъ берегъ одинъ изъ финновъ, а я, держась за руку другого, прошелъ вбродъ. На этомъ берегу — была Финляндія. Моя нога коснулась территоріи свободной страны, гдѣ начали дѣйствовать тѣ безжалостныя предписанія Лифшица, Павлоновскаго, Раскольникова и другихъ чекистовъ.

Свѣтлѣло небо...

Вдали видиѣлись сѣрые силуэты домовъ и построекъ.

Дулъ прохладный вѣтеръ и откуда-то издали долеталъ дымный запахъ.

Быстрыми шагами, наклонившись, слѣдуя за финнами, мы съ "женой" вышли на тропинку, ведущую въ мелкій перелѣсокъ.

Шли молча, прислушиваясь къ каждому шороху, двигались куда-то, отдавъ себя на попеченіе идущихъ впереди...

Напрямикъ, къ намъ выступила изгородь изъ кругляковъ - камней.

Перелѣзли черезъ нее и, пройдя еще сотни двѣ шаговъ, мы увидѣли огонекъ въ окнѣ дома.

— Это иашъ домъ, — сказалъ одиинъ изъ финиовъ и вынувъ трубку, сталъ ее раскуривать.

— Теперь почти главиое сдѣлаио, — продолжалъ онъ, попыхивая ѣдкимъ дымомъ, — отдохнете, тогда повеземъ васъ въ Виипури*).

Тявкнула собака въ подворотиѣ и стихла.

Вошли въ сѣни.

Старая, сѣдая, сгорблеииая фиика свѣтила фоиаремъ и, добродушио улыбаясь, покачивала головой, бормоча:

— "Terwe tuloa"**)

Типичиая фииляидская изба зажиточнаго крестьяиина — все чисто, вымытый еловый полъ и скамьи, занавѣски на окнахъ, фуксіи и кактусы. На полкахъ киизи и Библія. Деревяииныя кровати покрыты шерстяиными вязаииыми одѣялами, передъ иими домоткаииые коврики.

Тепло... Свѣтло. И такъ пріятио запахло печеиымъ хлѣбомъ.

Засуетилась старуха, забѣгала.

Моей "жеиѣ" прииесла рубашку, шерстяные чулки, пеструю кофту и туфли.

Отвела ее въ сосѣдиюю комиату и помогла стащить иабухшіе сапоги.

Обо миѣ позаботился ея старшій сыиъ, Микко. Предоставилъ миѣ свое бѣлье, сукоииые брюки и светеръ.

— Вотъ тутъ и отдохиите, иа этой кровати. Мать кофе сварить, выпьете одиинъ "киорри"*) и спать, — сказалъ оиъ, раскладывая иа скамьѣ платье.

Я перемѣиилъ бѣлье, иапялилъ светеръ и толстые чулки.

---

*) Выборгъ.

**) Добро пожаловать.

*) Киорри — горячій чериый кофе со спиртомъ.

Пріятное чувство тепла клонило ко сну.

Запасъ валюты промокъ; мнѣ пришлось разложить на печкѣ десятки тысячъ финскихъ марокъ и я рѣшилъ сторожить.

Но Микко уговорилъ идти къ "женѣ", а "марки" сами, дескать, высохнутъ.

Я сообщилъ ему количество денегъ и пошелъ въ комнату, отведенную Залькевичъ.

Если теперь мое положеніе и было смѣшнымъ, я все же рѣшилъ приступить къ "семейной жизни".

Залькевичъ, на мой стукъ, открыла мнѣ дверь. Куда дѣвалась "кинозвѣзда"?

Передо мной была измученная, исхудалая крестьянка, съ выраженіемъ животнаго страха въ глубоко ушедшихъ въ орбиты, глазахъ...

III

Четыре дня мы отдыхали въ домѣ проводниковъ, тѣмъ временемъ средній братъ Антти съѣздилъ въ Выборгъ и пріобрѣлъ намъ приличное платье и обувь.

Раннимъ утромъ мы сѣли въ сани и Микко повезъ насъ въ ближайшую деревню, откуда насъ въ Райяіоки доставилъ мѣстный купецъ — финнъ Итконенъ.

Такъ какъ по дорогѣ къ желѣзнодорожной станціи были разставлены воинскіе патрули, провѣрявшіе документы, ѣхать въ саняхъ купца было надежнѣе, чѣмъ съ Микко. Онъ и избралъ такой маневръ для отвода вниманія.

"Купецъ" взялъ за дорогу въ семнадцать километровъ три тысячи марокъ. Два раза осматривали наши документы бравые солдаты, все сошло благополучно.

Документы были на подлинныхъ бланкахъ сфабри-

кованы въ Финской секціи Комннтерна. На станціи снова потребовалн документы и провѣрнвъ наши, взятые у Микко, чемодаиы съ провизіей, любезно нзвиннвшнсь козырнулн "шюцкорнсты" и впустили въ залъ.

Билеты до Выборга купнлъ купецъ.

Я слыхалъ, какъ оиъ поясиялъ стоявшему около кассы солдату, что ѣдетъ иа выборгскую ярмарку покупать "свояченнцѣ" корову. Итконеиъ, одиако, съ иами доѣхалъ до первой стаиціи н распрощавшись сказалъ, что Микко будетъ въ слѣдующемъ вагоиѣ. На станціи Мустамякн вошлн въ вагоиъ двое статскихъ — агенты политполиціи.

Потребовали документы.

Спроснли куда ѣдемъ и удовлетворившись моимъ отвѣтомъ, отмѣтили иа "леисмаиской" бумагѣ внзу.

Передъ самымъ Выборгомъ тоже и второй этапъ прошелъ благополучио.

Отъ Выборга до Гельсингфорса ѣхалн вмѣстѣ съ Мнкко. Поздно вечеромъ прибыли въ Гельсингфорсъ.

Микко нанялъ такси.

Прнбыли въ Тээле — иа конспнративную квартнру.

Хозяннъ квартнры, "портной" Якнма, былъ, какъ потомъ оказалось, коммуиистомъ — участиикомъ мятежа 1918 года и лишь иедавно выпущеный изъ Катаянокской тюрьмы. Портнымъ оиъ фактически ие былъ, но для прнкрытія своей дѣятельиости нмѣлъ вполиѣ оборудоваииую мастерскую и даже иемалый запасъ ткаией. Работалн у него подмастерьями пять профессіоиаловъ — портиыхъ, всѣ члены "Мопра" и "Комъячейки".

Фнеская секція выдавала ему ежемѣсячно 15.000 марокъ для содержанія мастерской по изготовленію военнаго обмуидированія.

“Кліентура” состояла нзъ нніжнихъ чнновъ мѣстнаго гарннзона и пріѣзжихъ агентовъ шпіонажа.

Сличивъ половину моего мандата, написаннаго на шелковой бумагѣ “портиой” предоставилъ намъ комнату.

Мнкко пронзвелъ со мной окончательный расчетъ н попроснлъ дать расписку въ томъ, что “масло и сыръ” получеиы, что означало условленное — благополучно прибылн.

Послѣ ухода Мнкко “жена” сказала: — Содрали съ насъ не мало эти парнн, но доставилн отлнчно. Подсчиталъ деньгн — оставалось пятьдесятъ девять тысячъ. На перевозъ ушло почтн сорокъ пять тысячъ.

Заглянулъ хозяинъ, предложилъ поужннать н сообщилъ, что утромъ прндетъ особоуполномоченый. Отъ ужина мы отказались — пережитое за эти дни настоятельно требовало отдыха...

Утромъ, послѣ завтрака въ нашу комиату вошелъ высокій, элегантио одѣтый господннъ н назвался Кирштейномъ.

Было ему лѣтъ подъ сорокъ — скуластое, упитанное корявое лицо, глубокосндящіе сѣрые глаза н приплюснутый носъ выдавали его “породу”.

— Вы номеръ 794? — спросилъ онъ развалнвшнсь въ креслѣ н положнвъ мяснстую руку съ нскусаннымн ногтями на пальцахъ на столъ.

— Да, — отвѣтнлъ я.

— Деньгн у васъ осталнсь?

— Около шестндесятн тысячъ есть н бриліанты, — отвѣтилъ я.

— Здѣсь вы не должны оставаться, — началъ онъ внимательио разглядывая мою “жену”, — это на первое время. Сегодня же вы снимете квартнру въ Мункснесѣ. Это за городомъ. Тамъ сдается особнякъ въ трн комнаты.

Главное, сосѣдей нѣтъ... Прислугу вамъ я нашелъ — партійка. Кого вы знаете изъ русской эмиграціи? Знакомы вы съ полковникомъ Кондыревымъ? Полковника Фену знаете? Генерала Васильевскаго? Бывшаго воинскаго начальника Балицкаго навѣрно знаете? Вотъ мой совѣтъ — сегодня - же, не теряя времени поѣзжайте и снимите особнякъ. Но раньше одѣньтесь. Это тряпье долой. Кстати, вашей супругѣ необходимы бальные туалеты. Пока ваши вещи придутъ — купите все. Теперь сезонъ... Бѣлогвардейцы устраиваютъ благотворительные балы. Ваше присутствіе на нихъ обязательно. Тамъ можно многое "поймать". На этой же недѣлѣ вамъ дадутъ документы. Заготовьте фотографіи — я завтра зайду за ними. На Александровской улицѣ есть моментальная фотографія. Вы же по шведски говорите?

— Немного, — отвѣтилъ я резиденту.

— Будете снимать квартиру — назовитесь комерсантомъ. За квартиру заплатите впередъ за три мѣсяца. Попрошу васъ позвоните мнѣ около пяти часовъ вечера. Номеръ 4.04. Вызовите Ингридъ и скажите, что говорятъ по дѣлу бумаги для экспорта. Подойду я. Если сняли квартиру — скажите: "могу представить сто тоннъ", нѣтъ "заказано". Тутъ вѣдь телефонныя барышни — шпіонятъ. Теперь — займемся вами, товарищъ. Купите платья, шикарной обуви и бѣлья. Все теперь же. Денегъ не жалѣйте. Послѣ маникюра украсьте палецъ обручальнымъ кольцомъ и на мизинецъ бриллiантъ. Забудьте, что вы изъ Совѣтской Россіи. Вы — эмигранты изъ Константинополя. Документы получите съ визами. Все "типъ-топъ". Я получу изъ полпредства планъ работъ. Коренецъ пріѣдетъ ночью. Это секретарь миссіи. Нашъ организаторъ. Будете реализовать бриллiанты скажите мнѣ. У меня есть знакомый еврей — спекулянтъ. Платитъ хорошо и

безъ риска. Ну, кажись все. Главное теперь — осторожность и вниманіе. Купите нѣсколько чемодаиовъ, безъ вещей - же ие снимаютъ барской квартиры, — сказалъ типъ и протянувъ мнѣ руку добавилъ, — всего добраго.

— Началось, — произнесла устало "жеиа" послѣ ухода резидеита н нервио хрустнула скрещенными пальцами.

— Да, директивы даны. Пойдемъ - те же покупать туалеты и переряднмся, — сказалъ я н подойдя къ ней шепнулъ, — это ие долго - же.

Въ первокласномъ магазинѣ Taylor мнѣ выбрали пиджачиую пару, смокиигъ, пальто съ котиковымъ воротникомъ, а "жеиѣ" манто съ скуисовымъ воротинкомъ.

Расчитался новенькими, уже высохшими кредитками.

Кардоики со шляпами, пакеты бѣлья, коробки съ обувью, воротниками, галстуками, перчатками и носками обошлись въ четыриадцать тысячъ марокъ. Все покупалось лучшее и модное!

У Тилла мы купили обручальиыя кольца н по указаиію резидеита кольцо "на мизииецъ".

Вещи были доставлеиы на нашу конспиративную квартиру въ Тээлэ.

IV.

— Въ ресторанѣ "Катръ" заияли столъ одѣтый съ иголочки господииъ н элегантная дама — агенты шпіонажа...

Было жутко, необычайно жутко встрѣтиться взглядами съ тѣми посѣтителями, которые ие подозрѣвая въ насъ агентовъ Развѣдупра, задерживали свое винмаиіе на новыхъ лицахъ шикарнаго отеля - ресторана.

Въ немъ жилъ тогда генералъ Маннергеймъ.

Я всматривался въ лица гостей, ио иикого ие было знакомыхъ.

Въ оркестрѣ одинъ скрипачъ вызвалъ въ памяти воспоминаніе: его я узналъ.

Это былъ бывшій полковникъ К.

Съ супругой мы перешли уже на ты, но старались избѣгать разговора по русски. Мы "офранцузились". Счетъ уплаченъ. Мы вышли.

Шумно на Эспланадѣ... Взадъ и впередъ движется волна нарядно одѣтыхъ дамъ, военныхъ, учащихся, элегантныхъ мужчинъ — преобладаетъ шведская рѣчь.

Зеркальныя окна магазиновъ въ огнѣ электрическихъ лампочекъ. Мчатся автомобили... Кипитъ жизнь, но нѣтъ всетаки того темпа довоенной Финляндіи.

Наняли такси и поѣхали въ Мункснесъ снимать квартиру.

Въ ельникѣ опорошенномъ снѣгомъ стояла вилла, надъ ней высился утесъ съ бесѣдкой. Старуха - дворничиха показала домъ.

Уютно и благоустроено.

Богатая мебель. Ковры и множество картинъ финскихъ мастеровъ.

Старуха показывая комнаты, спрашивала о моихъ занятіяхъ, семейный ли я, надолго ли думаю снять домъ и т. п.

Цѣна была высокая для мѣстнаго жителя, но мнѣ, какъ "иностранцу" подходящей — три тысячи марокъ въ мѣсяцъ.

— Господа могутъ быть покойны — нашъ раіонъ очень тихій и благочинный. Лѣтомъ тутъ рай. Купальня, на берегу пристань и лодки. Хозяинъ живетъ заграницей. Онъ профессоръ какой - то, — поясняла сторожиха, видимо, посчитавшая насъ "знатными иностранцами".

Снялъ особнякъ, сказавъ, что переѣду завтра - же.

Наемную плату надо было внести въ адвокатское бюро.

Поѣхали туда.

"Патронъ" выдалъ расписку въ полученіи денегъ и обѣщалъ приготовить контрактъ.

Итакъ мы обосновались по указанію Яна Розенталя.

Въ пять часовъ я позвонилъ по данному имъ номеру и вызвалъ Ингридъ по дѣлу бумаги.

Розенталь не заставилъ себя ждать, послѣ грубаго "алло - о" спросилъ:

— Сколько тоннъ папиросной бумаги имѣете въ депо?

— "Могу доставить сто тоннъ" — отвѣтилъ я.

— Отлично! Завтра буду на вашей фабрикѣ. До-свиданія, до вечера.

Поселились въ особнякѣ.

Дворничиха принесла три бланка для заполненія и домовую книгу. Затопила печки и справилась о прислугѣ.

Я сказалъ, что къ намъ вернется наша прислуга.

Къ обѣду явилась молодая финляндка Сайма съ письмомъ отъ какого - то Арвола и сказала, что она рекомендована владѣльцемъ портновскаго дѣла въ Тээлэ.

Сайма сносно владѣла русскимъ языкомъ и устроивъ свой скарбъ на кухнѣ принялась за работу. Вечеромъ она показала "женѣ" партійный билетъ и сказала:

— "Мой отецъ разстрѣлянъ "мясниками", я теперь коммунистка".

Надо отдать справедливость. Сайма оказалась чистоплотной, работящей дѣвушкой. Въ коммунизмѣ — фанатична, до крайняго предѣла насыщенная ненавистью къ "буржуазіи".

О Совѣтской Россіи она говорила съ какимъ то умн-

леніемъ и, повидимому, совершенно не знала истиннаго положенія вещей въ "компаѣ".

Пріятно пахло въ комнатѣ еловыми вѣтвями... На письменномъ столѣ въ бѣлой рамѣ стояли портреты генерала Маннергейма и предсѣдателя финскаго Сейма Свинхувуда. Я такъ и оставилъ ихъ, хотя принадлежали онѣ кому-то раньше меня снимавшему особнякъ. Массивная люстра, спускавшаяся съ потолка, разливала ровный голубоватый свѣтъ. Супруга отдыхала въ спальнѣ, а я ждалъ резидента...

Онъ явился не одинъ.

Вмѣстѣ съ нимъ пришли первый "совѣтникъ" посольства, совершенно не значившійся въ дипломатическомъ спискѣ С. С. С. Р., — Фишманъ и военный атташе Бобрищевъ.

Фишманъ, числясь совѣтникомъ, на самомъ дѣлѣ былъ "окомъ" М. Ч. К." и прибылъ въ Гельсингфорсъ нелегально въ началѣ 1920 года.

Розенталь хозяйственнымъ взоромъ осмотрѣлъ квартиру, постучалъ въ стѣны, заглянулъ въ печки и приподнявъ ковры ощупалъ полы.

— Подходящее жилье, — сказалъ онъ Бобрищеву, — лѣтомъ можно съ городомъ сообщаться на моторной лодкѣ. Надо вотъ пунктъ по близости найти.

Раздѣвшись, гости прошли въ столовую.

"Жена" распорядилась приготовить кофе.

Розенталь тѣмъ временемъ занялся дѣломъ.

— Запишите, товарищъ, эти имена и зашифруйте "красной мѣдью", — сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана коробку лепешекъ "Вальда".

Взявъ блокнотъ я вооружился стило.

— Во первыхъ, возьмите на глазъ вотъ этихъ господъ, — продолжалъ онъ, слизнувъ съ ладони нѣсколько

высыпаииыхъ лепешекъ, — полковиика Феиу, онъ предсѣдатель всей эмиграитской своры, потомъ его блнжайшихъ помощииковъ — барона Унгериъ Шиернберга, редактора газеты Саволайиена, геиерала Васильковскаго, полковннковъ Балицкаго, Коидырева, бывшаго сыщика Куицевнча, иачальиика политполиціи Хольмстрема и его помощиика Клеметтн. Это первосортиые.

Дальше — запомните иѣкоего типа, занятаго пнсательствомъ, по имеии С......, выводите его иа чистую воду. По нашимъ агентуриымъ свѣдѣиіямъ, оиъ числится въ политполиціи и даетъ уроки финскаго языка "полубѣлому" эксперту изъ торгпредства Карабасникову. Попробуйте войти въ эти круги и собрать матеріалъ. Пустите въ оборотъ вашу супругу. Въ субботу въ залахъ Сосіэтхузетъ какой - то бѣлогвардейскій балъ. По иашимъ свѣдѣніямъ тамъ будутъ всѣ тѣ, кои иамъ вредятъ. До этого позиакомьтесь съ кѣмъ ибудь изъ видиыхъ эмигрантовъ. Лучше съ семейиыми. Закажите столъ и съ супругой приступайте къ обзору и иамѣткѣ. Вы знакомы со миогими изъ бѣлаго цеитра. Предупредите при встрѣчѣ, что вы прибыли изъ Турціи, побывали во Фраиціи и такъ далѣе. На всякій случай я прииесъ вамъ удостовѣреиія различныхъ учреждеиій по которымъ видио, что вы эмиграитъ и заиимаетесь коммерческимн дѣлами.

Розенталь передалъ миѣ удостовѣреиіе турецкой полиціи, сертифнкаты отелей на Пера, счета на мое нмя н и паспортъ финскаго градоиачальиика иа имя Карн съ жеиой Маріей.

— Паспортомъ вамъ ие иадо теперь пользоваться — это иа случай вашихъ комаидировокъ, — посовѣтовалъ онъ мнѣ.

— А скажите, товарищъ, вы зиаете многнхъ русскнхъ въ Гельсиигфорсѣ, — спросилъ, картавя, Фишманъ.

— Кое - кого зиаю, а что?

— Ваше появленіе не возбудитъ подозрѣнія у ннхъ?

— Не знаю... Попробую изловчнться надуть ихъ, — отвѣтилъ я нерѣшнтельио.

— А что вы его учнте! — воскликнулъ какъ бы раздражаясь Розеиталь, — самъ знаетъ иа что пошелъ. И не малеанькій!

"Совѣтникъ" вскииулъ на уполиомочеинаго глаза н вниовато проиэнесъ:

— Что бы ие вышло, какъ съ иомеромъ "303".

— Тотъ былъ идіотъ — вашъ "303-ій", — буркнулъ Розеиталь сердито и вставъ подошелъ къ окиу.

— Комбригъ, взгляиите - ка сюда, — весь заливъ, какъ на ладони, — восклнкнулъ оиъ повернувшнсь къ атташе.

— Я уже обозрѣвалъ это мѣсто. База прекрасна! Весной начиемъ доставку грузовъ. А осенью хлопнемъ возстаніемъ, — сказалъ Бобрищевъ лукаво щуря Фишману глаза.

Сайма приесла кофе.

— А какую краснвую бабу вамъ иашелъ нашъ портной, — восклнкнулъ Розенталь окидывая взглядомъ смутившуюся Сайму.

— Ты коммунистка? — спросилъ Розенталь строго.

— Да, — отвѣтила бойко дѣвушка.

— Молодецъ! Ты будешь получать трн тысячн жалованія, ио держи языкъ за зубами, — промолвилъ Фншманъ и всталъ.

Пожалъ руку Саймы и добавилъ:

— Молодецъ "тютто". — Сайма вышла.

На лнцѣ атташѣ зазмѣилась улыбка ие то ироніи, ие то иасмѣшкн.

— Нечего фамильярничать, товарищъ, — бросилъ онъ нетерпѣливо, — съ ней надо иначе вести себя.

Фишманъ надулъ толстые губы и пожалъ плечами пробормотавъ:

— Почему?

Атташе разсмѣялся:

— Прислуга, хэ, хэ, хэ, а вы на ты.

Розенталь отпивалъ маленькими глотками кофе и казалось о чемъ то думалъ, хмуря изрѣзанный глубокими бороздами низкій прямоугольный лобъ.

"Жена" сидѣла въ тѣни, въ качалкѣ и казалось была мысленно далека отъ всего происходившаго въ комнатѣ.

О чемъ думала она?

Какія мрачныя мысли роились въ ея головѣ, какія чувства таило ея сердце?.

Присутствіе "гостей" тревожило меня. Я не допускалъ и мысли, что моимъ "гостямъ" было предоставлено такое свободное передвиженіе въ Гельсингфорсѣ.

— Займитесь порученіями. Я жду вашего донесенія въ понедѣльникъ для доклада товарищу Черныхъ, — сказалъ Розенталь подходя къ "женѣ".

— А вы, товарищъ, не унывайте. Заведите знакомства съ мѣстными офицерами. Есть красные мальчики. Для дѣла важно, — произнесъ онъ улыбаясь краемъ рта, и пожимая ей руку.

Бобрищевъ доминировалъ надъ этими типами изысканностью манеръ и корректностью въ разговорѣ. Приложился даже къ рукѣ "жены" и небрежнымъ тономъ фата проронилъ: очаровательной дамѣ наше почтеніе. До свиданія.

Фишманъ протянулъ мнѣ три пальца и пробормоталъ сухо:

— До свиданья.

Сайма проводила гостей на улицу. Заперла калитку. На кухнѣ застучалъ топоръ — "тюттто" принялась готовить ужинъ.

— Вы спросили какъ-то, кто такая Гибсонъ, такъ вотъ теперь я разскажу вамъ ея прошлое и настоящее. До какой глубины человѣческой низости пала она — это страшно даже подумать, — начала "жена" свое повѣствованіе, усаживаясь противъ меня на диванѣ.

Подъ шумъ мятели за окнами я услышалъ жуть дѣйствительности "Красной" Россіи.

— "Гибсонъ" была моей подругой дѣтства. Она дочь богатаго коммерсанта. Ея отецъ былъ убитъ бандитами Петлюры въ Черкасахъ. Мать сошла съ ума. И вотъ тогда Гибсонъ покидаетъ Черкассы и ѣдетъ въ Полтаву. Знакомится тамъ съ командиромъ I Интернаціональнаго полка Фекетэ и превращается въ его содержанку. Фекетэ былъ тогда въ фаворѣ у Троцкаго. Онъ осыпалъ Гибсонъ бриллiантами и жемчугами... Она слѣдовала за нимъ въ салонъ-вагонѣ или въ роскошномъ фаэтонѣ разстрѣляннаго помѣщика М-ской губерніи М. Но на ея бѣду она влюбилась въ красавца - венгра, офицера штаба Фекетэ. И на нее донесли. Услѣдили. Офицеръ былъ разстрѣлянъ, а ее Фекетэ отдалъ въ "общее пользованіе" первой ротѣ... Въ Лубнахъ, въ 1921 году ее нашли на полотнѣ желѣзной дороги и, очевидно, выброшенной изъ вагона. Полуобнаженной и безъ сознанія. Какой - то эшалонъ красноармейцевъ подобралъ ее и привезъ въ Москву. И черезъ полгода Гибсонъ была въ Ч. К. секретнымъ сотрудникомъ. Она "предавала" всѣхъ, виновныхъ и невиновныхъ. На ея душѣ не меньше трехсотъ жертвъ. Когда она уже окрѣпшей, поправившейся встрѣтила меня и сообщала безъ утайки о своихъ работахъ, мнѣ стало яснымъ — она была

матерая чекнстка. Она н не скрывала, что лично разстрѣлнвала жертвы, не таила кошмарныхъ нзбіеній въ подвалахъ М. Ч. К. и съ какой - то болѣзненной, животной радостью передавала о новыхъ жертвахъ, которымъ не избѣжать ея кольта...

Она сошлась съ однимъ офнцеромъ - спецомъ, пожила съ нимъ мѣсяцъ и предала Лацису. Выпросила у командира разрѣшеніе застрѣлнть его н получнвъ пропускъ въ подвалъ, гдѣ совершались казнн, прншла на часъ раньше. Ждать его. Гибсонъ предала дядю, мужа старшей сестры и тетку. Она жила въ какомъ - то кровавомъ туманѣ — морфій, кокаинъ н опій отпускалнсь ей по ордерамъ В. Ч. К. въ неограннченномъ колнчествѣ. Нравственно она уже погибла, но тѣло еще служило приманкой любящихъ сильныя ощущенія сановниковъ Москвы. Въ чнслѣ ея поклонннковъ былн, какъ она говорнла, Вигдоръ Коппъ изъ Наркоминдѣла, садистъ - докторъ Кедровъ, жестокій палачъ Менжинскій н бывшій наркомюстъ Стучка. Потомъ пошли рангами ниже, вродѣ Бобрищева нли Лифшицъ. Она заманила изъ Польши, путемъ переписки, въ Россію дальняго родственника, бывшаго морского офицера н когда его разстрѣляли получила вознагражденіе въ видѣ заграничной поѣздки въ Берлинъ. Но и тамъ она предавалась кутежу въ ночныхъ локалахъ и шикарныхъ притонахъ. Вернулась обратно съ громаднымъ багажемъ дорогихъ туалетовъ и шляпъ. Снова взялась за работу. Погибшій она человѣкъ и недалекъ тотъ часъ, какъ ее по ордеру В. Ч. К. сдадутъ коменданту для разстрѣла.

Она не первая и не послѣдняя изъ безчисленной плеяды "совагентшъ" нашедшихъ послѣдній пріютъ въ ямѣ Ваганьковскаго кладбища. —

Она умолкла. Опустила голову на грудь и сжала руками виски.

Воцарнлось жуткое молчаніе. Передъ моимъ взоромъ предстала картнна послѣдней встрѣчн съ Гнбсонъ.

Леденѣло сердце прн мыслн, что н я сталъ косвеннымъ участнникомъ безпримѣрныхъ въ нсторіи человѣчества убійствъ...

— Скажнте мнѣ откровенно — вы будете работать "имъ" — обратилась ко мнѣ какъ - то "жена".

— Понятно, нного выбора нѣтъ, — отвѣтилъ я.

— О, какъ это ужасно! И зачѣмъ я поѣхала съ вамн? — сорвалось съ устъ Залькевнчъ.

— Развѣ вы моглн не ѣхать? — спроснлъ я.

— Да, могла избрать нной путь нлн уйтн въ какойнибудь наркоматъ работать. Но я надѣялась, что вы поймете меня н бросите шпіонажъ. Вы же начннающій н вамъ легче уйтн отъ "ннхъ". Хотя у ннхъ щупальцы всюду. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нзъ Гамбурга прнвезлн въ Москву резидента не пожелавшаго добровольно прнбыть. Разстрѣлялн вмѣстѣ съ женой н ребенкомъ. Да, вы правы. **Надо искать для Леннаской банды жертвы, надо давать работу тысячной арміи палачей, надо поддерживать революціонный духъ массъ за счетъ казнимыхъ "контрреволюціонеровъ"**. Надо! И тотъ, кто продалъ уже свою душу В. Ч. К. — слуга Сатаны, — горестно произнесла Залькевнчъ н вставъ, шатаясь направилась къ столу.

Взяла папнросу н нервно закурила.

Прошлась по комнатѣ взадъ н впередъ.

— Я не выдержу долго... Тамъ — еще иное дѣло. Тамъ я н сама не знала кто шпіонъ, кто нѣтъ, но тутъ? Я не въ силахъ. И еслн вамъ жаль человѣческой, пусть подлой, душн, не требуйте отъ меня работы, — сказала она подходя ко мнѣ, моляще глядя овлаженными глазамн на меня.

— Хорошо. Я лично ничего отъ васъ не требую. Но какъ они?

— Я буду лгать имъ, но работать не могу. Не могу... Я боюсь... Мнѣ страшно. Поймите, мнѣ страшно: я шпіонка — въ средѣ людей презирающихъ это гнусное ремесло. Не выдавайте меня Розенталю. Храните отъ нихъ мои слова. Умоляю васъ. Если хотите я достану для васъ несмѣтное количество брилліантовъ, денегъ и цѣнностей. Мнѣ вѣрятъ и у нихъ есть, что дать мнѣ... Не бойтесь я не предамъ васъ, если суждено намъ быть разоблаченными — раздѣлю вашу участь... Я охотно помогу вамъ въ вашей роли.

Залькевичъ неожиданно оборвала слово и тихо подошла къ двери ведущей въ кухню.

Приложила ухо къ двери и кивнула мнѣ головой.

Я подошелъ наноскахъ.

За нами подслушивала Сайма. Хорошо, что мы говорили въ полголоса. Заскрипѣли половицы и Сайма, очевидно, вернулась къ плитѣ, такъ какъ загремѣла посуда.

— И тутъ мы не люди, какъ видите, — произнесла Залькевичъ, — и тутъ мы рабы всесильной Чеки.

V.

Утромъ, послѣ завтрака, я позвалъ къ себѣ въ комнату Сайму и сказалъ ей:

— Сайма, кто приказалъ вамъ подслушивать за дверью?

— Я не подслушиваю, что вы, баринъ! — испуганно отреклась дѣвушка покраснѣвъ до ушей.

— Не врите мнѣ. Я вчера уличилъ васъ. Лучше ска-

жите, кто такой дуракъ, что принуждаетъ партійку лгать, — сказалъ я пристально глядя на Сайму.

— Да, да... это нечестно. Меня научилъ этому тотъ большеголовый, обѣщавшій три тысячи жалованія, — созналась Сайма.

— Вотъ видите, какъ некрасиво, я такой же коммунистъ, какъ и вы, а вы стоите за дверью и слушаете. Не онъ платитъ вамъ жалованіе, а партія. Поняли?

— Партія? — переспросила испуганно фанатичка - прислуга и въ ея молочнаго цвѣта глазахъ отразился искренній страхъ.

— Я больше не буду, но вы ему не говорите, — произнесла Сайма возмущенно и опустила голову.

— Я буду платить вамъ пять тысячъ марокъ но будьте всегда по отношенію къ намъ порядочной, — сказалъ я Саймѣ умышленно увеличивъ ея содержаніе.

— Пять тысячъ марокъ! — воскликнула коммунистка обольщенная крупной суммой денегъ.

— Сила денегъ превыше ленинскихъ ученій, — подумалъ я глядя на засіявшее лицо прислуги.

— Да, — отвѣтила Сайма и быстро побѣжала на кухню.

. . . .

Трамвай изъ Мункиеса примчалъ меня къ Народному Театру.

Я прошелся по Эспланадной — спокойно, странно-увѣреннымъ въ своей безопасности.

Только меня смущали стоявшие на постахъ молодцеватые полисмены.

Зашелъ въ кафе Фацеръ. Народу тьма. И никого изъ знакомыхъ. Выпилъ чашку кофе и вышелъ. Проходя мимо памятника Рунеберга я встрѣтилъ стараго знакомаго антиквара Ауэра. Хотѣлъ остановить его, да побоялся

чего - то. Остановился около книжнаго магазина и сталъ разсматривать книги на финскомъ языкѣ. Смотрю "Дѣти краснаго солнца" напечатано на одной обложкѣ, а на верху имя автора. Имя какъ разъ того писателя, котораго Розенталь велѣлъ включить въ списокъ и выяснить состоитъ ли онъ въ политической полиціи и преподаетъ - ли финскій языкъ "полубѣлому" эксперту. Зашелъ въ магазинъ и купилъ этотъ романъ.

На углу Микаельской улицы повстрѣчался съ высокимъ, плотнымъ господиномъ въ шубѣ.

Ну, какъ не узнать? Баумгартенъ. Пѣвецъ, адвокатъ, весельчакъ - каламбуристъ.

Вспомнилась Москва!

Москва христіанская, незарубежная, Москва сытая хлѣбосольная, а не голодная, разграбленная и изнасилованная душегубами.

Опять не рискнулъ окликнуть его. А онъ шелъ крупнымъ шагомъ передо мной и пріятно попыхивалъ сигарой. Поклонился какой - то дамѣ и зашелъ въ парикмахерскую. Я понуро побрелъ дальше. На крышѣ многоэтажнаго дома трепалась грязно - красная тряпка.

"Р. С. Ф. С. Р."

Какъ будто внезапный порывъ ледяного вѣтра остудилъ мою грудь. Я окинулъ взглядомъ, красный домъ и подумалъ:

— Тамъ работаютъ Розентали и Фишманы по подготовкѣ возстанія.

Почти напротивъ совѣтскаго логовища высилась маститая фигура великаго пѣвца свободы Финляндіи — Рунеберга... Какая иронія!

Прошелъ всю эспланадную улицу — повернулъ обратно по Александровской, мимо Сенатской площади. Какъ- и раньше памятникъ Царя - Освободителя въ камен-

ной оградѣ! Какъ и раньше живые, чуть тронутые морозомъ цвѣты на пьедесталѣ памятника!

Бѣлые колонны Сената — все по старому, но въ новыхъ вѣхахъ исторіи.

Идя по Александровской улицѣ, я увидѣлъ въ окнѣ музыкальнаго магазина Фацера громадную афишу на финскомъ, шведскомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ. Остановился и прочелъ:

— **Балъ - маскарадъ** при участіи примадонны Шведской оперетты Э. Гистетъ, Джиральдони, балерины М. Пайшевой, Г. Ге и др. лучшихъ артистическихъ силъ. Сборъ поступитъ въ пользу Русской дѣтской лѣтней колоніи. Дамскій Комитетъ. Предсѣдательница А. Васильева. Продажа билетовъ была у Фацера. Купилъ два билета по сто марокъ. Вернувшись домой сообщилъ женѣ, чтобы готовилась на балъ.

Удобный случай явиться неузнаваемымъ въ маскѣ и домино.

Въ случаѣ чего можно было покинуть балъ до полуночи...

Немало пришлось приложить усилій, чтобы уговорить "жену" идти на балъ.

Но до бала случай свелъ меня съ нѣкимъ господиномъ Марухинымъ, назвавшимся бывшимъ пѣвцомъ Императорскихъ театровъ...

Бритый брюнетъ, среднихъ лѣтъ, пожалуй, красивый, съ манерами, говорящій свободно по французски и шведски, познакомился со мной въ кафе - ресторанѣ на вокзальной площади. Разговорились и оказалось, что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ вышеупомянутаго бала. Я сказалъ, что охотно пошелъ бы съ супругой, да боюсь скучать. Знакомыхъ, дескать, нѣтъ. Купилъ у него два билета по двѣсти марокъ и пригласилъ навѣ-

стить меня на слѣдующій день. Познакомиться съ моей супругой.

Зашли мы съ нимъ въ ресторанъ "Кямпъ" и выпили тамъ кофе. Спиртъ оказался у новаго знакомаго въ серебрянной флягѣ.

Крѣпкій пуншъ развязалъ языкъ моему артисту. Онъ началъ бахвалиться своими связями въ обществѣ, какъ мѣстномъ, такъ и эмигрантскомъ. Въ особенности его рѣчь изобиловала именами дамъ изъ высшаго, по его словамъ, общества.

Разстались мы съ нимъ поздно вечеромъ — добрыми пріятелями.

На слѣдующій день онъ прибылъ въ автомобилѣ — надушенный, въ шикарномъ жакетѣ и полосатыхъ брюкахъ. И сразу очаровалъ "жену". Кого не зналъ этотъ типикъ — всѣ лучшіе модистки, маникюрши, парикмахеры и гадалки были у него въ "свѣжей памяти"; городскіе сплетни, новости театра, тайны клубовъ и ресторановъ — все въ изложеніи артиста превращалось въ быль уснащенную богатой фантазіей. Въ этотъ вечеръ мнѣ можно было написать большую часть перваго доклада Розенталю.

Изъ болтовни "артиста" многое, оберегаемое отъ большевицкаго уха, стало яснымъ, какъ день. Послѣ ужина Марухинъ предложилъ намъ поѣхать въ ресторанъ "Берсъ" потанцовать.

Поѣхали...

Въ роскошныхъ, залитыхъ свѣтомъ залахъ танцовали подъ великолѣпный румынскій оркестръ Рафаэля.

И правду сказать, "артистъ" былъ тамъ свой человѣкъ. Рѣдкой дамы онъ не зналъ, и не расклanивался съ ней. Не взирая на "сухой режимъ" — на столикахъ были стаканы съ ликеромъ и въ чашкахъ кофе... спиртъ. Въ

одной изъ ложъ я увидѣлъ Бобрищева въ компаніи какихъ - то дамъ и жгучихъ брюнетовъ.

Дамы были очень шикарно одѣты, съ крупными бриліантами въ ушахъ и со множествомъ колецъ на пальцахъ.

Я нарочно спросилъ "артиста":

— Кто эти дамы тамъ, въ третьей ложѣ?

Марухинъ умѣло вооружился моноклемъ и протянулъ брезгливо:

— Большевич - ки. Я ихъ знаю. А этотъ маленькій лягушенокъ въ смокингѣ ихъ секретарь Коренецъ. Пьянчуга. Недавно въ "будку" угодилъ. На улицѣ спать вздумалъ, каналья. Дипломатическій паспортъ отъ штрафа спасъ.

Освѣдомительность была изумительна! Я уже заподозрилъ своего новаго пріятеля въ причастности къ полиціи. Напрасно.

— Вотъ видите почти около выхода сидитъ лысый господинъ въ визиткѣ. Это гроза Гельсингфорса. Начальникъ политической полиціи Хольмстремъ, — продолжалъ Марухинъ мигнувъ невооруженнымъ глазомъ въ сторону двери.

— А что, господа большевики часто бываютъ тутъ, пьянствуютъ, — спросилъ я, не интересуясь начальникомъ полиціи.

— Эта сволота - то? Почти каждый день. Только вотъ этотъ пижонъ, сидящій возлѣ "ювелирнаго магазина" въ бѣломъ платьѣ, рѣдко заглядываетъ сюда. Онъ пьетъ по второразряднымъ кабакамъ. Это - же бывшій полковникъ, атташе бандитовъ. Говорятъ, что онъ валютой торгуетъ. Долларами, — отвѣтилъ "артистъ" компетентно и перевелъ взглядъ на молоденькую даму въ сосѣдней ложѣ.

— Разрѣшите пригласить вашу супругу на вальсъ, — обратился онъ ко мнѣ учтиво поклонившись и всталъ.

— Пожалуйста.

Моя "супруга" и "артистъ" влились въ танцующую массу.

Я разсматривалъ веселыя, радостныя лица гостей и мысленно позавидовалъ имъ.

— Вотъ бы послать снимокъ въ московскую "Правду" и показать одураченному пролетаріату какъ "живетъ и работаетъ" Ардальонъ Александровичъ Бобрищевъ — военный агентъ рабочекрестьянской арміи, — подумалъ я задержавъ взглядъ на компаніи совѣтчиковъ въ ложѣ.

Въ высокой хрустальной вазѣ — фрукты, дамы въ шелку и брилліантахъ и, навѣрно, тамъ на улицѣ ихъ ждетъ какой - нибудь "Фіатъ" съ товарищемъ - шофферомъ".

Марухинъ подвелъ къ столу "жену", поблагодарилъ и разсмѣялся:

— Ха - ха - ха. Ваша супруга премилая дама. Она пригласила меня на второй вальсъ. Говоритъ, что десять лѣтъ не танцовала.

— Что же дѣлать, мы жили въ такихъ условіяхъ. Турція... Болгарія, Сербія и наконецъ, Парижъ — это наши этапы скитаній, — произнесъ я изъ осторожности.

— Парижъ — моя мечта, — вскинувъ голову патетически вздохнулъ Марухинъ и истомно призакрылъ глаза..

Около полуночи мы покинули ресторанъ. Разстались съ Марухинымъ и поѣхали на такси въ Мунксиесъ.

Сайма открывъ намъ дверь сообщила, что въ наше отсутствіе былъ Фишманъ и оставилъ для меня письмо.

Когда я прошелъ въ кабинетъ Сайма принесла письмо съ явными слѣдами сажи на конвертѣ.

— Я спрятала на всякій случай, — сказала она съ какой - то горделивой улыбочкой.

Разорвавъ конвертъ, я извлекъ изъ него зашифрованную записку и длинную полосу цифръ на тонкой шелковой бумагѣ.

Работа началась.

Дешифровка дала мнѣ содержаніе записки:

— Немедленная ваша необходимость посѣтить Арвола и получить прибывшіе вещи. Инструкція подлежитъ исполненію до 15-го января.

Фишманъ - Оргенъ.

Еще разъ прочелъ содержаніе нелѣпо составленной Фишманомъ записки и подумалъ:

— Кто же на самомъ дѣлѣ мой "хозяинъ"? Фишманъ, Розенталь или Бобрищевъ?

Предписаніе, по расшифровкѣ, гласило:

— Весьма срочное: Москва запрашиваетъ точный адресъ, дѣятельность прибывшаго изъ Польши Колонеля Мицкевича. Близокъ кругамъ генерала Миллера. Пріобрѣтите фотографію. Расходы четыреста долларовъ получите резидента по счетамъ особо. Вторымъ: установите связь англичанина Бойса съ эмигрантскимъ развѣдотдѣломъ Выбóрга. Знаемъ офицера клички Перманъ — кто онъ. Уничтожьте и свѣдѣнія шифромъ ЦИКАРЪ имя автора безошибочно. Начоперотдѣла.

Уничтожилъ, какъ и предписывалось. Имена запомнилъ и съ нелегкой душой отправился спать.

— Что вы получили? — спросила по злой волѣ Лифшица ставшая моей супругой.

— Порученіе и сообщеніе, что наши вещи прибыли, — отвѣтилъ я.

— Какое порученіе? — спросила Залькевичъ съ нескрываемой тревогой.

— Не сложное. Установить кое что и только.

— Знаю я эти порученія. Онѣ не сложны, но за ними постоянно дежуритъ смерть, — произнесла Залькевичъ.

— Вы, мадамъ, очень пессимистично настроены, — тономъ полнаго безразличія къ даннымъ заданіямъ сказалъ я, — эти порученія дѣйствительно не рискантны.

— Хорошо, но надолго - ли? Скоро на васъ возложатъ исполненія, инструкции оперативнаго отдѣла. Эти "задачи" уже рѣшаются за счетъ чьей то жизни. Нѣтъ, мы начали опасную игру. У васъ не было лучшаго выбора. Получить въ затылокъ пулю или стать шпіономъ. Но я могла остаться тамъ... Мнѣ не грозилъ еще... подвалъ... Андрей Павловичъ, не кажется ли вамъ, что этотъ пшютоватый Марухинъ шпикъ ? — произнесла Залькевичъ глухо.

— О, нѣтъ! слишкомъ болтливъ и безъ всякой претензіи на глубокій умъ. Его можно использовать скорѣе, какъ освѣдомителя и притомъ самаго **дешеваго.** Такіе господа, обычно, цѣнные работники шпіонажа, подсобники вѣрнѣе. Они искренне и безкорыстно болтаютъ то, за что другіе берутъ гонорары. Но они и опасны тѣмъ, кто ихъ эксплуатируетъ. Имъ вѣдь все равно кому болтать и о комъ, — сказалъ я вспоминая наши бесѣды съ Марухинымъ.

— Это вѣрно. Съ такими надо держать языкъ за зубами, — согласилась Залькевичъ и пожелавъ покойной ночи задернула драпри нишн, гдѣ стояла ея кровать.

Погасивъ свѣтъ я долго всматривался въ обрамленный окномъ голубовато - серебристый клочекъ неба.

— Знаемъ офицера Пермана, кто онъ? — вспомнилъ я строку изъ предписанія "начоперотдѣла".

— Что означаетъ ихъ "знаемъ"? подумалъ я. Арестованъ - ли онъ уже и сидитъ въ погребахъ на Лубянкѣ и теперь надо лишь установить право на безсудную казнь?

Или шпіонъ С. С. Ф. С. Р., шпіонъ — въ дѣятельности котораго, что - то не ладно? Кличка, имя или фамилія — "Перманъ"?

И тутъ же предстала передъ взоромъ наглая физіономія Розенталя.

— А чего вы его учите... Не маленькій!

VI.

У Арцола меня ожидали сундуки и чемоданы съ вещами "жены" и моими.

Онѣ были ночью доставлены изъ торгпредства.

Портной помогъ мнѣ уложить ихъ въ такси и "московскіе" подарки покатили въ Мункснесъ. Дома, раскрывая чемоданы я замѣтилъ надъ крышками обломки сургучныхъ печатей.

На одномъ мѣстѣ сохранилось:

— иностранныхъ дѣлъ.

Всѣ вещи были въ полной сохранности. Къ каждому дорожному сундуку была приложена опись подписанная, понятно, неразборчиво.

Описи я сжегъ и уничтожилъ съ чемодановъ остатки печатей Народнаго Комиссаріата Иностранныхъ дѣлъ.

Какая предупредительность — на моей шубѣ былъ новый бобровый воротникъ. Но надѣть ее въ эту зиму я не рискнулъ: кто знаетъ — найдется ея владѣлецъ и за-

держитъ еще на улицѣ съ краденной вещью.

"Жена" предложила продать свое манто. Она категорически отказалась носить платья какой - нибудь разстрѣлянной дамы.

Въ одно утро подарки "В. Ч. К." были нами проданы скупщику - татарину за шесть тысячъ марокъ и осчастливленной Саймѣ достался воротникъ серебристаго песца.

Тринадцатаго января я сдалъ Фишману для отсылки по назначенію сводку добытыхъ свѣдѣній, первый докладъ информатора, составленный по "даннымъ" легкомысленнаго Марухина.

Оставалось еще собрать свѣдѣнія по заданію.

Марухинъ и тутъ оказалъ мнѣ услугу.

Вечеромъ, при помощи лупы, я зашифровалъ химическими чернилами листъ шелковой бумаги:

— Перманъ морской офицеръ, спиртовой спекулянтъ, собраннымъ свѣдѣніямъ выбылъ Ревель. Собираю данныя. Бойсъ начразвѣдки отставкѣ англичане работаютъ генштабомъ. Бѣлые Выборгѣ благотворительныя организаціи во главѣ профессоръ Цейдлеръ. Имя сообщу. Колонеля нѣтъ раіонѣ. Генералъ запрашиваемой группы Парижъ временно. Осложненіе работѣ подробно шифромъ. Маратъ. Павлоновскому Ягода копія Лифшицъ. 498981989.

Сложилъ аккуратно донесеніе въ пустую облатку, откуда высыпалъ аспиринъ, и спряталъ въ жилетный карманъ.

Вечеромъ вызвалъ "фрекенъ" и назначилъ свиданіе Розенталю въ кабинетѣ ресторана "Альпы" — за городомъ.

Розенталь прибылъ какой - то разстроенный и недовольный.

Разсѣянно выслушалъ мой докладъ и получивъ облатку небрежно положилъ въ бумажникъ.

— Составляйте для меня подробный спнсокъ эмнгрантовъ военныхъ н общественныхъ дѣятелей — адреса очень важны.

Можете подыскнвать агентовъ, ну пять нлн шесть предателей необходнмо для вашей работы. Отъ трехъ до пятн тысячъ марокъ, въ завнснмости отъ свѣдѣній, можете платнть. Меня вызывайте только по пятницамъ отъ 7 до 9 вечера. Кто этотъ тнпъ съ кѣмъ васъ вндѣлн нашн въ ресторанѣ? — торжественно пронзнесъ Розенталь н взглянулъ на насъ.

— Это пресимпатнчный парень, — отвѣтилъ я.

— Русскій? знаетъ что нnбудь нлн только пьетъ за нашъ счетъ? — бросилъ подозрнтельно резидентъ.

— Прнгоднтся. Онъ свой человѣкъ въ русскомъ комнтетѣ, — заступнлся я за "пріятеля".

— Используйте его. Купнть можно? Попробуйте. Предлагаю вамъ познакомнться съ нѣкінмъ Игельстремомъ. Младшимъ. Мы субснднруемъ газету "надпартійную" Хлопаютъ деньгн, а толку нн шнша. Пощупайте н самаго нздателя. Препротнвная рожа. Еще что? Ахъ, да, обратнте вннманіе на дѣятельность нашего юрнсконсульта Горчакова. Фотографію его я захватнлъ. Мы подозрѣваемъ его во взяточннчествѣ, — предпнсывалъ Розенталь роясь въ бумажнннкѣ.

Я взглянулъ на хмурую, брнтую фнзіономію совѣтскаго юрисконсульта. Возвращая резнденту фотографію я замѣтнлъ заложенную въ отдѣленін бумажннка кнпу долларовъ.

Онъ повертѣлъ между пальцамн золотое стнло н задумчнво взглянувъ въ уголъ кабннета зѣвнулъ.

— Всю ночь въ "очко" дулн, — пробормоталъ Розенталь устало н ухмыльнулся, — скука тутъ... не то, что въ Берлннѣ было.

По счету заплатилъ онъ швырнувъ лакею сто марокъ на чай. Первымъ вышелъ, оглянулся по сторонамъ и сѣлъ въ автомобиль. Въ передней я натолкнулся на Марухина входившаго съ какой то дебелой дамой въ ресторанъ.

Онъ любезно снялъ котелокъ и оскалилъ рядъ бѣлыхъ зубовъ:

— Одни?

— Какъ видите, — отвѣтилъ я, овладѣвъ собой.

— Хорошо, что Розенталь вышелъ одинъ, — подумалъ я, — кто его знаетъ этого "артиста".

— Итакъ, на балу увидимся, — воскликнулъ Марухинъ и важно сбросилъ шубу на руки швейцара.

— Да, мой другъ.

По тропинкѣ я прошелъ къ стоянкѣ такси.

Выбралъ закрытую машину и поѣхалъ къ себѣ съ постоянной тревогой на сердцѣ.

VII.

— Намъ надо установить въ ближайшее время Ленинградскихъ буржуевъ получающихъ письма нелегальнымъ путемъ. Понятно, иностранныя миссіи пересылаютъ все, что имъ выгодно, но помимо нихъ работаютъ какіе - то тайные доставщики, — сказалъ Фишманъ маникюря ногти моимъ перочиннымъ ножемъ.

— Какъ же къ этому приступить? — спросилъ я.

— По примѣру прежнихъ лѣтъ. У насъ была въ прошломъ году одна дама въ Теріокахъ, она брала письма съ "оказіями" отъ русской эмиграціи и доставляла адресатамъ. Точно и быстро. Наше дѣло было перлюстрировать и передавать по назначенію. И не мало "теп-

лыхъ дѣлъ" образовалось такимъ образомъ. Бѣлые поймали нашего курьера на границѣ съ письмами изъ Россіи. Дамочку сцапали. Финнъ выдалъ ее, что - ли, — отвѣтилъ Фишманъ угрюмо взглянувъ на меня.

— Вашу супругу пустить бы въ оборотъ? Какъ вы на это смотрите, товарищъ? — спросилъ Фишманъ пристально взглянувъ на меня.

— Не пригодна товарищъ Залькевичъ для этой работы: ее безполезно послать въ Теріоки и замѣнить ту даму, которая работала тамъ по оказіямъ. Она не владѣетъ финскимъ языкомъ или шведскимъ, никому не извѣстна тамъ и, вообще, направлять такого-то агента въ "прифронтовой" раіонъ сейчасъ опасно и главное безцѣльно. По моему надо найти среди живущихъ тамъ кого - нибудь, — отвѣтилъ я Фишману.

— Тогда надо организовать это дѣло черезъ посредство выборгскаго уполномоченнаго. Хорошо, я поговорю съ товарищемъ Розенталемъ по этому поводу. Что же дѣлаетъ теперь товарищъ Залькевичъ? — спросилъ Фишманъ рѣзко и сухо и видимо недовольный моимъ отвѣтомъ.

— Она работаетъ по собиранію свѣдѣній о проживающихъ тутъ эмигрантахъ, — поспѣшилъ отвѣтить я.

— Французскимъ языкомъ хорошо владѣетъ? — спросилъ Фишманъ разсматривая ногти.

— Отлично, а что?

— Интересное дѣло, товарищъ. Командируйте - ка ее въ Гранкулла. Это недалеко отсюда. Тамъ въ первоклассной санаторіи живетъ бывшій великій князь Кириллъ Владиміровичъ. Надо выяснить его окруженіе. Ей это нетрудно. Пріѣдетъ туда — я закажу по телефону на имя баронессы Толь номеръ, и баста! Какъ ей играть роль баронессы намъ съ вами не учить. По нашимъ свѣ-

дѣніямъ князь любитъ сыграть въ карты въ салонѣ санаторіи... При удобномъ случаѣ и она приметъ участіе. Проиграетъ если нужно, не такъ - ли? Впрочемъ мы дадимъ ей другое имя. Баронесса Толь небезопасно, пожалуй. Князь можетъ знать настоящую. Лучше дадимъ ей чисто финскую фамилію. Все равно документы тамъ не спрашиваютъ. Пусть она превратится въ жену какого-нибудь финскаго адвоката или инженера. Пару чемодановъ съ ея туалетами мы перешлемъ въ Або, что - ли. Багажемъ перешлетъ нашъ агентъ въ Гранкулла, а тамъ портье привезетъ съ вокзала. Изъ Або будетъ ея "мужъ" посылать ей письма, телеграммы, а главное открытки — чтобы всѣ кому это интересно могли читать. Хэ - хэ - хэ, — произнесъ увлекшійся планомъ обработки Великаго Князя Фишманъ.

— Какимъ образомъ она будетъ доставлять вамъ свѣдѣнія? — спросилъ я озабоченный за судьбу Залькевичъ.

— О, это чрезвычайно просто, товарищъ! Въ условные дни я буду посылать въ санаторію модистку... Нашу мадамъ Маргариту. Она привезетъ ей заказанное платье и получитъ сводку написанную на подкладкѣ, что - ли, писать ей придется составомъ "Мысль", — отвѣтилъ Фишманъ и вынувъ изъ кармана бумажникъ досталъ изъ него два маленькихъ пакетика.

— Помѣченный крестикомъ пакетъ "пирамидона" содержитъ составъ растворяемый въ кипяткѣ, второй пакетикъ — досыпать порошокъ въ остывшую воду. Писать надо заостренной спичкой и, понятно, — шифромъ. Вотъ передайте ей чернила и сообщите, что черезъ нѣсколько дней ей предстоитъ командировка. Заготовьте чемоданы съ платьемъ — за ними приду я самъ.

Фишманъ хлопнулъ бумажникомъ по колѣну и по-

чесавъ горбатый носъ указательнымъ пальцемъ вскочилъ.

— Чертъ возьми, засидѣлся! У меня свиданіе съ эстонцами, — бросилъ онъ торопливо и взявъ со стула шубу одѣлся.

Напялилъ шляпу и протянувъ мнѣ на сей разъ всю кисть произнесъ:

— До свиданья! Жду васъ завтра въ пять часовъ вечера у сапожника съ отвѣтомъ отъ "жены". Одѣньтесь поскромнѣе. До свиданья.

Въ одно изъ оконъ я видѣлъ, какъ юркнулъ въ калитку присутулившійся Фишманъ.

Всю нашу бесѣду я передалъ пришедшей съ прогулки Залькевичъ.

Она слушала застывъ въ позѣ приговоренной... Голова ушла въ плечи и пальцы нервно теребили края скатерти.

— Ѣду, что дѣлать? — удрученно произнесла она и вставъ, направилась въ спальню.

Я безпомощно развелъ руками и подумалъ глядя ей вслѣдъ:

— Плакать пошла. Долго - ли выдержитъ?

Въ низенькомъ, придавленномъ къ землѣ домикѣ, на одной изъ улицъ предмѣстья, жилъ сапожникъ Мууконенъ. (бѣжавшій въ С. С. С. Р. въ 1923 году). Моложавый, кряжистый и широкоплечій финляндецъ занималъ весь домъ, состоявшій изъ двухъ комнатъ и кухни. Въ 1919 году онъ кончилъ курсы командного состава въ Ленинградѣ и былъ посланъ на подпольную работу въ Гельсингфорсъ.

Прибылъ "легально" или вѣрнѣе перешелъ границу подъ обстрѣломъ совѣтской пограничной стражи. Пробылъ двѣ недѣли въ карантинѣ, посидѣлъ нѣсколько

діей въ полиціи и такъ какъ оказался "чистымъ" получилъ разрѣшеніе остаться на родинѣ.

Занялъ убогую квартиру и сталъ подбивать подметки, чинить обувь и платать галоши... Кліентелой былъ Муукоиенъ доволенъ — рабочіе, извозчики и другіе бѣдняки малолюднаго квартала.

Муукоиенъ велъ трезвый образъ жизни, не курилъ, единственной слабостью бѣдняка - сапожника была любовь къ шахматной игрѣ. Ночи просиживалъ со "знакомыми" за черно - желтой доской...

— Пройдите въ заднюю комнату, тамъ чище и кожей не такъ воняетъ, — предложилъ мнѣ хозяинъ и раскрылъ передо мной дверь.

Кровать, три деревянныхъ стула, столъ и въ углу полка съ книгами.

На стѣнѣ висѣли олеографіи Беклина — "Островъ смерти" и засиженный мухами календарь какой - то фирмы мыла.

— Вы давно уже прибыли? — спросилъ Муукоиенъ оставаясь стоять около двери.

— Около мѣсяца тутъ, — отвѣтилъ я любуясь атлетической фигурой краснаго офицера.

— У меня тамъ остались жена и двое дѣтей. Обѣщаютъ все сюда ихъ доставить... А какъ я тоскую по нимъ, — горестно произнесъ Муукоиенъ и свѣтлая улыбка озарила его грубое, скуластое лицо.

— Ну, какъ тамъ, вообще? Хорошо, не правда - ли? Пролетаріатъ строитъ новый міръ. Великое это дѣло. Да— великая побѣда. Какъ вы думаете, скоро тутъ будетъ тоже самое, что и въ Россіи? Наши всѣ готовы... Я уже имѣю роту молодыхъ пролетаріевъ. Учу ихъ по вечерамъ, между шахматами, боевой тактикѣ. Молодцы ребята. Горятъ жаждой сразиться съ капиталистами.

Да, — промолвилъ сапожникъ мечтательно глядя куда-то въ даль.

— Теперь стало лучше. Понятно, въ конечномъ побѣдитъ коммунизмъ, — солгалъ я Мууконену и подумалъ, что бѣдняга напрасно ждетъ жены и дѣтишекъ — они заложники.

— А вотъ и товарищъ Фишманъ, кажется пришелъ, — произнесъ Мууконенъ кивнувъ въ сторону входной двери.

Закрывъ дверь комнаты онъ кинулся отпирать дверь на дворъ.

Въ кухнѣ закартавилъ голосъ Фишмана.

Въ вошедшемъ типѣ, въ потертомъ пальто, финской мѣховой шапкѣ и пестромъ шарфѣ вокругъ шеи, трудно было узнать Фишмана.

— Добрый вечерокъ, — привѣтствовалъ меня Фишманъ снимая шапку и садясь на край постели.

— Здравствуйте, товарищъ, — отвѣтилъ я и невольно разсмѣялся.

— Вы чего, а? — спросилъ онъ.

— Вы неузнаваемы, товарищъ Фишманъ, — пояснилъ я причину смѣха.

— Я то? О, да! Надо, товарищъ, шкуру мѣнять, а то глазъ намотаютъ шпики. Это что еще! Разъ я нарядился финскимъ попомъ и отъ Ганге до Або проѣхалъ по желѣзной дорогѣ, самодовольно улыбаясь сказалъ Фишманъ и снявъ шерстяной шарфъ бросилъ его на кровать.

— Товарищъ Мууконенъ, дверь заперли? — спросилъ онъ сапожника.

— Да, — отвѣтилъ тотъ почтительно.

— Идите сюда и слушайте. Есть дѣло, — продолжалъ онъ растегивая пальто.

Сапожникъ покорно сѣлъ около окна изъ котораго была видна узенькая улица слабо освѣщенная кривобокимъ фонаремъ.

— Ночью, къ вамъ придутъ два товарища — эстонцы. Устройте ихъ во второй комнатѣ. Рано утромъ за ними придетъ Якко. Они устали. Дайте имъ выспаться, а сами караульте, слышите. Ящикъ, который они принесутъ надо спрятать куда - нибудь подальше. Въ немъ оружіе и обмундированіе для эсткомпартіи. Поняли? — предписалъ Фишманъ и мелькомъ бросивъ на меня взглядъ добавилъ, — тамъ готовятъ возстаніе. Товарищи Гансъ и Мустлане поѣдутъ черезъ границу въ Ленинградъ и оттуда уже въ Ревель. Они скрывались тутъ съ осени. Слѣды замѣтали. Ящикъ перешлемъ черезъ полпредство. Чертъ знаетъ, сколько разныхъ дѣлъ, а работать некому.

Сапожникъ кивнулъ коротко стриженной головой и сказалъ:

— Вѣрно, товарищъ! Работы тьма, а работниковъ мало. Трусы всѣ, шкурники.

— Какъ ваша жена ѣдетъ? — спросилъ Фишманъ.

— Да. Ждетъ вашихъ распоряженій, — отвѣтилъ я скрывая наростающую непріязнь къ Фишману.

— Хорошо. Что вы знаете относительно Игельстрема? — спросилъ Фишманъ.

— По мною собраннымъ свѣдѣніямъ онъ не особенно надеженъ. Вращается среди бѣлыхъ и выдаетъ тайны редакціи. Агентство "Нордъ - Остъ" тоже неблагополучно. Пока что собираю свѣдѣнія, — умышленно "обѣлилъ" я совѣтчиковъ изъ "Нордъ - Оста".

— Я такъ и зналъ! Я такъ и зналъ, — заволновался Фишманъ, — скоты, паразиты! Тысячъ сто денегъ сожрали и толкъ какой! Я не разъ говорилъ идіоту Розен-

талю: не давайте имъ ни одного пенни. Ладно. Соберите объ этой сволочи матеріалъ и я пошлю докладъ въ президіумъ В. Ч. К. Пусть ликвидируютъ эту бѣлогвардейскую богадѣльню. Канальи!

— А ихъ нельзя **совсѣмъ** убрать? — робко спросилъ Мууконенъ.

— Не стоитъ дряни трогать. Просто перестать давать деньги и баста, — буркнулъ Фишманъ и обращаясь ко мнѣ спросилъ, — относительно Горчакова ничего?

— Пока что ничего, товарищъ, — отвѣтилъ я.

— Поторопитесь съ нимъ. У насъ получены свѣдѣнія, что онъ собирается совершить закупку гильзовой бумаги черезъ посредство виднаго русскаго эмигранта. О Горчаковѣ не собрали еще? Я понимаю васъ, трудно, понятно, еще нѣтъ связей. Деньги у васъ есть?

— Есть, — отвѣтилъ я.

— Я все - таки захватилъ для васъ сорокъ тысячъ марокъ. Не стѣсняйтесь тратить на дѣло, товарищъ. Работа безъ денегъ не работа. Напишите мнѣ расписку и подпишитесь какъ хотите, — сказалъ Фишманъ и передалъ мнѣ пачку кредитокъ.

— Мерси, — небрежно скомкавъ листъ вырванный изъ блокнота, мою расписку, и сунувъ ее въ жилетный карманъ, процѣдилъ краемъ рта Фишманъ.

Отсчиталъ еще нѣсколько новенькихъ тысячныхъ кредитокъ и сказалъ Мууконену:

— Получайте ваше жалованіе за удержаніемъ суммы выданной вашей женѣ.

— Спасибо, товарищъ. Вотъ посылку надо бы переслать женѣ, — произнесъ вставая сапожникъ.

— Отлично! Заготовьте и пошлемъ, — согласился Фишманъ положивъ на вымазанную варомъ ладонь сапожника деньги. Надѣлъ пальто. Намоталъ на шею шарфъ и напялилъ на глаза шапку.

— Я пошелъ, товарищн, — сказалъ онъ протягнвая намъ руку.

— За чемоданами я личио заѣду. Слѣдующее свнданіе послѣ бала на квартнрѣ "Спортсмена" на Цнрковой улицѣ. Адресъ не забылн? — уже въ дверн сказалъ онъ мнѣ н козырнувъ вышелъ въ сѣнн.

— Вотъ идейный товарнщъ, — высказался сапожникъ послѣ ухода Фишмана.

— О, да, — согласился я съ мнѣніемъ Мууконена.

VIII.

По совѣту Марухина мы явнлнсь на балъ безъ маскарадныхъ костюмовъ н масокъ. Рнскнулн! "Жена" въ велнколѣпномъ вечернемъ туалетѣ нзъ лучшаго моднаго дома, а я въ смокннгѣ... Занялн заказанный столнкъ.

Въ залѣ — весь цвѣтъ Гельснигфорсскаго общества. Финны шведы, англнчане, французы, амерnканцы, нтальянцы н тѣ, кто въ Р. С. Ф. С. Р. былн... внѣ закона — русскіе. Бывшіе... Военные, ученые, адвокаты н просто эмигранты.

И въ этой многоязычной, нарядной н оживленной массѣ гостей наше появленіе не привлекло никакого вниманія.

Въ скромно одѣтомъ пожнломъ распорядителѣ я узналъ благороднѣйшаго человѣка нзъ "Прошлаго" — полковнnка Балнцкаго, высокій и еще не надломленный вихрямн жнзнн прошелъ между столнками элегантный господинъ съ георгіевской розеткой въ петличкѣ смокинга — генералъ Васильковскій... Суетлнвый Баумгартенъ... "Простакъ любнтельскихъ спектаклей" — полковникъ Кондыревъ... Дпректрнсса русской гимназіи

мадамъ Балицкая... И цѣлый рядъ лицъ "стараго", временъ боевой страды Гельсингфорса.

Я не буду писать о высокой эстетической цѣнности обширной программы. Отмѣчу красивый жестъ устроителей бала. Кто - то изъ распорядителей подъ звуки туша передавалъ артистамъ, по окончаніи ихъ номера, скромный букетъ живыхъ розъ перевязанныхъ русской національной лентой...

На этомъ балу я возобновилъ связь съ прошлымъ — къ нашему столику присѣлъ, какъ разъ тотъ, кто считался самымъ злостнымъ врагомъ пославшихъ меня.

Это былъ капитанъ перваго ранга Z. За его "изъятіе" бывшій въ 1922 году большевицкій комендантъ-чекистъ Сайріо предлагалъ финскимъ партійцамъ десять тысячъ долларовъ и свободный доступъ въ любую страну.

Я былъ очень радъ присутствію Марухина — онъ все время поддерживалъ бесѣду, ему — неугомонному болтуну — удалось не разъ вывести меня изъ положенія принудительной лжи.

Мы уѣхали съ бала до танцевъ: жена сослалась на мигрень.

Я вошелъ такимъ образомъ въ сферу "бѣлыхъ"...

"Спортсменъ", на квартирѣ котораго было Фишманомъ назначено свиданіе — штукатуръ лѣтъ 30 - 35, по русски не говорилъ и по произнесенію мною пароля молча провелъ меня въ прилично обставленную комнату и указалъ рукой на кресло.

Я умышленно воздержался отъ разговора съ нимъ на финскомъ языкѣ, — физіономія была непріятная и наглая. Меньше такихъ знакомыхъ, — рѣшилъ я.

Этотъ штукатуръ былъ членомъ финской Компартіи, сидѣлъ за возстаніе 1918 года два года въ тюрьмѣ и

теперь числился вицепредсѣдателемъ "рабочаго" спортивнаго общества и казначеемъ "Мопра"а.

"Спортсменъ" оставилъ меня въ комнатѣ и вышелъ на кухню, гдѣ сидѣлъ какой - то человѣкъ въ высокихъ сапогахъ и полушубкѣ.

Я осторожно подошелъ къ двери и подслушалъ ихъ разговоръ.

— Русскій? — спросилъ, очевидно, тотъ у хозяина.

— Да, новый, вмѣсто "Оскара", — отвѣтилъ спрашиваемый.

— А гдѣ же Оскаръ теперь?

— Увезли осенью въ Піетари. Я заманилъ на моторную лодку и около маяка сдалъ на "Спартакъ".

— Какъ это такъ? Неужели Оскаръ измѣнилъ намъ?

— Еще не успѣлъ, товарищъ Шмидтъ, знаешь, монтеръ изъ "Аполло", уличилъ его. Каждый вечеръ сидѣлъ со шпиками въ ресторанѣ "Калева". Ну, и дали мнѣ задачу, напоить его и позвать покататься. Коренецъ литръ виски отпустилъ и готово. Хотѣлъ, собака, сопротивляться, а я ему разъ наганомъ по черепу, — отвѣтилъ хозяинъ.

— Навѣрно разстрѣляли, а?

— Да, и въ море. Старый якорь, говорили товарищи, на шею и за бортъ.

— А этотъ - то изъ офицеровъ, что - ли?

— Чертъ его знаетъ. Товарищъ Саломанъ ничего не сказалъ. Знаешь, Пекка, есть дѣло, на которомъ можно заработать нѣсколько тысячъ марокъ.

— Какое - же?

— Фишману надо найти парнишку среди солдатъ въ Сантахамина. У тебя, кажется, кто-то тамъ былъ.

— Какъ - же, какъ - же... Матти. А на что онъ?

— По офицерской части. Рядовой или уитеръ?

— Сержаитъ. Толковый парень!

— Выпиваетъ? Дѣвку имѣетъ?

— Еще какъ пьетъ! Навѣрио и баба есть. Гдѣ же безъ бабы?

— Отлично! Ты поговори - ка съ иимъ. Если оиъ согласится давать иамъ свѣдѣиія каждую иедѣлю, тысячи полторы получитъ въ мѣсяцъ. Риску иикакого. А у тебя какъ дѣла идутъ?

— Удалось стяиуть копіи приказовъ. Вѣдомости сиаряжеиія купилъ за тысячу бумагъ, теперь послѣ отпуска постараюсь пріобрѣсти свѣдѣиія о запасахъ ручиыхъ граиатъ. Я хочу попросить у Фишмаиа прибавки. За оргаиизацію ячейки иадо бы прикииуть тысячу въ мѣсяцъ. У меня расходы большіе: то ребятамъ иа киио дашь, то купишь спирту иа дѣло. Три тысячи, право, мало. Ты поддержи меия, Хейкки. Скажи ему, что я постараюсь доста....

Задребезжавшій звоиокъ оборвалъ ихъ разговоръ. Я вериулся къ столу и сѣлъ.

Въ кухиѣ раздался голосъ Фишмаиа:

— Пришелъ?

— Сдѣсь, уже тафио, — иа ломаниомъ русскомъ языкѣ отвѣтилъ "Спортсмеиъ".

— Ну, сержаитъ, какъ дѣла? очевидио, гостя, спросилъ Фишмаиъ.

— Карашо, таваришъ.

— Посиди, потомъ поговорю съ тобой, — проиэиесъ Фишмаиъ и вошелъ въ комиату.

— Добрый вечерокъ, товарищъ, — сказалъ онъ входя и сиялъ мягкую фетровую шляпу.

По обыкиовеиію ткиулъ миѣ три пальца и развалился иа диванѣ.

— Какъ на балу? Кое - что есть, а? Что это вы чушь нагороднли, товарнщъ? Мнѣ всыпалн нзъ - за васъ. Вы сообщнлн, что бѣлые въ Выборгѣ имѣютъ благотворительную организацію. Неправда. У нихъ тамъ шпіонскій центръ. Кто такой профессоръ Цейдлеръ? Шпіонъ, товарнщъ. Да - съ, а вы пншнте благотворительныя организацін. Я то пониимаю — вы еще не успѣлн собрать нужныхъ данныхъ. Не такъ - лн? Женѣ не нужно ѣхать. Птичка уже улетѣла. Князь уѣхалъ въ какое - то нмѣніе. Вернется — пошлю. Теперь ей новая работа. Тутъ есть такой дамскій комитетъ. Эмигранщнна все. У нихъ устраиваются вечернія работы по шитью одежды нуждающимся эмигрантамъ. Пусть ндетъ н устроится работать. Молъ, хочу помочь бѣднымъ жертвамъ большевизма. Ха - ха - ха! Работаютъ тамъ всякіе буржуйкн. Жены видныхъ эмигрантовъ. Такъ за шитьемъ — тары - бары, и многое можно узнать. Бабы вообще болтливы, товарищъ, — сказалъ Фишманъ барабаня пальцамн по колѣну.

Закурилъ н предложивъ мнѣ снгарету спросилъ:

— Списки подвигаются?

— Медленно, но точно. Я группнрую по чинамъ, профессіямъ и настоящему положенію, — отвѣтилъ я.

— Отлично! Я на нѣкоторое время ѣду въ Москву. Меня замѣнитъ товарищъ Муценекъ. Комендантъ нашихъ зданій. Если узнаете что - нибудь внѣ директивы, немедленно передаднте ему черезъ товарнща Петрова. Его можно вндѣть каждый вечеръ на Главной почтѣ. Бородатый шатенъ. Сдать ему "дѣло" очень просто. Въ пять часовъ онъ сдаетъ почту у окна 4. Подойдите и увндите наши пакеты сдаваемые въ окошко по кногѣ. Узнайте Петрова н незамѣтно сдѣлайте глазамн "есть". Онъ будетъ знать. Потомъ идnте за нимъ на Сенатскую

площадь, въ одинъ переулокъ. Тамъ общественная уборная и готово! Понятно, все шифровкой, — произнесъ Фишманъ и протянулъ руку.

— Идите, а жену пошлете немедленно въ "дамскій кружокъ". Товарищъ Муценекъ васъ вызоветъ, когда надо, — сказалъ онъ вставая и направляясь къ двери.

Позвалъ въ комнату человѣка изъ кухни и кивнулъ мнѣ головой:

— До свиданья.

* * *

Однажды вечеромъ ко мнѣ явился "комендантъ зданій" Р. С. Ф. С. Р. — товарищъ Янъ Мутценекъ — "Муценекъ" — "Кирманъ" — "Виленскій". Высокій, бритый, лѣтъ тридцати пяти, блондинъ. Его появленіе было вызвано срочностью дѣла заключавшагося въ продажѣ 211 бриллiантовъ полученныхъ имъ для реализаціи и пополненія суммъ развѣдывательныхъ органовъ.

Бриллiанты были разной величины — отъ половины карата до пяти съ четвертью и, по словамъ коменданта, "церковнаго" происхожденія.

Онъ сдалъ мнѣ подъ расписку драгоцѣнный товаръ и предложилъ обратиться къ живущему въ Тээлэ господину Ш., спекулянту драгоцѣнными камнями.

Замшевый мѣшечекъ съ бриллiантами оцѣнилъ Муценекъ въ 930.000 марокъ, въ случаѣ же если я получу больше, то прибыль подѣлить пополамъ.

По его словамъ изъ этой суммы придется сдать Сайріо 500.000 марокъ и Бобрищеву 400.000 марокъ — остальные 30.000 предназначены для передачи портному Арвола.

Муценекъ передалъ мнѣ порученія военнаго агента Бобрищева и спѣшно уѣхалъ въ городъ, обѣщавъ придти на второй день утромъ справиться о реализаціи "ка-

мешковъ".

Я поѣхалъ по указанному адресу къ спекулянту.

Въ барской квартирѣ меня встрѣтилъ полный, краснощекій и съ "курьезнымъ" носомъ господинъ въ японскомъ халатѣ — представитель какой - то иностранной фирмы по продажѣ брилліантовъ.

— Кто васъ направилъ ко мнѣ? — спросилъ онъ узнавъ причину посѣщенія.

— Вашъ адресъ далъ мнѣ господинъ Марухинъ, — солгалъ я наугадъ, думая, что артистъ ему, вѣроятно, знакомъ.

— А, Александръ Владиміровичъ! — воскликнулъ комерсантъ и вооружившись лупой разложилъ на письменномъ столѣ черный бархатъ.

— Покажите - ка камни, — предложилъ онъ усаживаясь къ столу.

Я далъ ему часть брилліантовъ, по крупнѣй.

— Сколько ихъ всего?

— Восемнадцать такихъ.

— А всего сколько?

— Двѣсти одиннадцать.

Комерсантъ вскинулъ голову и испытующе взглянувъ на меня спросилъ:

— Ваши?

— Понятно, мои, — "искренно" обидѣлся я, — это состояніе оставшееся отъ ликвидаціи имущества въ Бессарабіи.

— Вы румынъ?

— О, нѣтъ! У меня было тамъ имѣніе. Продалъ и перевелъ леи на это, — отвѣтилъ я.

— Всѣ одной величины или есть и побольше?

— Нѣтъ, остальные меньше.

— Присядьте и закурите сигарку. Настоящіе "Га-

ваннъ". А я изучу камешки, — предложилъ комерсантъ и указалъ рукой на восточный столикъ около дивана.

Пока онъ измѣрялъ бриллiанты, разсматривалъ, взвѣшивалъ и протиралъ я задымилъ дѣйствительно хорошей рижской сигарой.

— Эти восемнадцать средней чистоты, вода желтовата, есть точечки въ двухъ камешкахъ. Одинъ, правда, голубоватый, — сказалъ комерсантъ повернувшись ко мнѣ, — сколько стоитъ все?

— Двѣсти тысячъ марокъ.

Онъ повернулся на стулѣ — принялся что - то высчитывать.

— Много хотите. Теперь цѣна падаетъ. Рынокъ великъ. Дамъ вамъ сто восемьдесятъ тысячъ. Хотите? — сказалъ онъ.

— Меньше указанной суммы я не уступлю, — рѣшительно произнесъ я, помия указанiя коменданта.

— Покажите теперь другiе, — сказалъ видимо расположенный къ покупкѣ коммерсантъ.

Вытряхнулъ на его столъ изъ мѣшечка остальные.

— Ай, какая мелочь! Почти каратинчки! Дешевый матерьялъ, — воскликнулъ комерсантъ съ нескрываемой радостью.

— Сколько ихъ всего? И какая цѣна?

— По моей расцѣнкѣ такъ: 50 штукъ по 5000 марокъ, 47 штукъ по 4000 марокъ, 20 штукъ по 1.500 марокъ 36 штукъ по 2000 марокъ, 40 штукъ по 6000 марокъ, а всего на сумму финскихъ марокъ 980.000, — отвѣтилъ невозмутимо я послѣ подсчета въ своей записной книжкѣ.

— Почти миллiонъ! Это, знаете, много. Въ переводѣ на "доллары" очень много. Не найти вамъ здѣсь покупателя. Ну, кто можетъ выложить сразу почти мил-

ліонъ, а? — засуетился комерсантъ перебирая между пальцами брилліанты и разсматривая ихъ.

— У меня уже есть, да разница въ десять тысячъ мѣшаетъ сдѣлкѣ, — сказалъ я, увѣренный въ томъ, что уйду изъ квартиры комерсанта безъ мѣшечка и съ валютой въ карманѣ.

И могъ быть увѣреннымъ, что брилліанты будутъ куплены: цѣны были крайне дешевы, по тогдашнимъ цѣнамъ половина дѣйствительной стоимости.

Но въ виду спѣшности и риска реализаціи, понятно, Муценекъ сбавилъ цѣну.

Наконецъ, мы договорились — я уступилъ пятнадцать тысячъ марокъ и за 965.000 марокъ брилліанты остались въ несгораемомъ шкафу комерсанта.

Пачка "долляровъ" въ карманѣ я покинулъ квартиру комерсанта, взявшаго съ меня слово **не болтать** о нашей сдѣлкѣ.

Утромъ явился Муценекъ.

Я доложилъ ему о удачной сдѣлкѣ. И каково было мое изумленіе, когда въ бесѣдѣ съ нимъ выяснилось, что кто - то "болтнулъ" уже ему о суммѣ полученной отъ продажи.

Тридцать три тысячи финскихъ марокъ вручилъ мнѣ Муценекъ — гонораръ за совершеніе сдѣлки. Пачка долларовъ исчезла въ его желтой кожи портфелѣ.

Передавъ мнѣ коммунистическій привѣтъ отъ Павлоновскаго онъ сообщилъ, что меня назначаютъ съ перваго апрѣля завѣдующимъ агентурой девятаго сектора т. е. мнѣ будутъ подчинены всѣ агенты — освѣдомители арміи, министерствъ и т. п.

Финляндія была тогда разбита на одиннадцать секторовъ съ резиденціями "завагентовъ" въ городахъ: Выборгѣ, Таммерфорсѣ, Або, Гельсингфорсѣ, Ганге, Виль-

манстраидѣ, Лахти, Тавастгустѣ, Бьернеборгѣ, Раумо н Торнео. Всѣ же резнденты подчиняляcь уполномоченнымъ "Развѣдупра" въ лицѣ военнаго агента Бобрнщева и его помощннка морского агента, фиктивно чнслящагося представителемъ "Доброфлота".

Но это ие означало еще разрыва съ "В.Ч.К.", представители котораго состояли въ штатѣ полпредства и числились первымъ секретаремъ — Коренецъ, завбюропечати — Рабиновичъ, второй секретарь — Розенталь - Кирштейнъ, экономъ — Фншманъ н казначей Сайріо.

Поблагодаривъ за оказаиное довѣріе я предложилъ Муцеиеку позавтракать у меия.

Ему было ие до завтрака — иадо было торопиться доставить деньги Бобрищеву.

— Комбригъ посылаетъ сегодня двухъ товарищей въ Аиглію. Имъ надо отвалить почти полмилліона. Ѣдутъ къ горнякамъ. Забастовку организовать. На дияхъ вы получите нинструкціи работъ, новые шифры и спнски агентуры. Товарищъ Бобрищевъ просилъ меия передать вамъ пожеланіе выяснить, какъ можно скорѣй, дѣятельиость иѣкоего морского офицера Пермаиа. Этотъ типъ перешелъ нелегально границу съ нашимъ проводникомъ и посѣтилъ лицъ, которыхъ мы включили въ списки раскрываемаго новаго заговора. Арестовать его, пока, нѣтъ смысла — надо установить къ какой группнровкѣ онъ принадлежитъ. Подыскивайте себѣ еще одну квартиру для свидаиія съ агеитами. Ихъ не надо натаскивать на вашъ слѣдъ... Наше слѣдующее свидаиіе состоится иа квартирѣ "Сапожиика" въ субботу, въ 10 часовъ вечера, — сказалъ расставаясь Муценекъ и крѣпко пожавъ мнѣ руку оставнлъ мою квартиру.

Зашифрованный приказъ, присланный мнѣ Павло- новскнмъ гласилъ:

—- Назначеніемъ завагентуры предписываю немедлеино прнступить составленію подробнаго доклада состояніи финарміи вашего сектора. Во - первыхъ, устаиовить комаидный составъ иа 15 текущаго мѣсяца, измѣнеиія въ немъ указаніемъ куда илн откуда выбыли-прибыли чины, во - вторыхъ, установите предстоящіе маневры, учебиыя выступленія частей, въ - третьнхъ, настроеніе иижнихъ чиновъ, питаніе, обмундированіе, колнчество комячеекъ, агентовъ, ниформаторовъ. Введите иовыхъ контролирующихъ агентовъ части 301, 304, 1009 и 1008. Снимнте работъ раіонѣ НЛЬ агеита 90. Пошлите границу распоряженіе Соколова безъ мотивовъ сиятія, лучше дайте командировку, снабдивъ шифромъ Соколову мой номеръ 13409/227. Англичане работаютъ вашемъ раіоиѣ вмѣстѣ американцамн. Попробуйте войтн сношеиіе каперангомъ Седерстремомъ несомнѣнно амерагеитъ. Хлопочетъ визу дѣлу америкаиской благотворительиой оргаиизаціи. Воеиагенту доложите прямой проводъ мнѣ. Узнайте прибывшемъ военминнстрѣ Сухомлнновѣ отель Эспланада, придворномъ Мамонтовѣ, геиералѣ Сиреліусъ, баронѣ Альфтанъ. Послѣдиій предсѣдатель комиссін требованію убытковъ. Сто тысячъ марокъ открытъ счетъ апрѣль Сайріо имѣетъ приказъ 13409/209.

Павлоиовскій секретарь
Веннкасъ.

Прочитавъ это "послаиіе" я углубился въ чтеніе прислаииой изъ Москвы **"Общаго положенія о работѣ завѣдывающихъ военотдѣлами съ лимитрофовъ".**

Всѣ 143 параграфа предпнсывали мнѣ, въ различ-

ныхъ формахъ и варіантахъ, собирать свѣдѣнія о пѣхотѣ, авіаціи, технической подготовленности, артиллеріи, военныхъ складахъ, продовольственныхъ базахъ, укрѣпленіяхъ, фортахъ, расположеніи казармъ, тюремъ, общественныхъ и государственныхъ зданій, командномъ составѣ, штабахъ и министерствахъ и т. д. "Катехизисъ" составленный товарищемъ Высоцкимъ предназначался для одной Эстоніи, ибо въ немъ упоминались острова Эзель и Даго.

На первой страницѣ вверху было жирно напечатано:

По ознакомленію уничтожить.

Вся брошюра имѣла 18 напечатанныхъ на шелковой бумагѣ страницъ убористаго петита.

Ознакомился и уничтожилъ, бросивъ ее въ пылающій каминъ.

Перспектива была не изъ блестящихъ — надо было приступать къ работѣ связанной съ рискомъ и тяжелыми послѣдствіями.

Теперь уже Марухинскими "свѣдѣніями" не отдѣлаться!

Списокъ агентовъ:

1) Антти Холопайненъ, номеръ 19.
раіонъ B. B. W., кличка «Sukka»
2) Тааветти Паю, номеръ 24.
раіонъ B A. P., кличка Kirves
3) Коркела, номеръ 130.
раіонъ H. Г., кличка "Muna"

и еще десятка два "Микко" и "Хейкки" съ кличками самыхъ различныхъ формацій и значеній.

Я зашифровалъ снова имена, клички, раіоны и номеръ каждаго агента на листѣ печатнаго романса "Молчи, грусть, молчи".

Между нотными строками шифръ "Маратъ" и составъ "Звѣзда".

Комбинаціи составовъ присылались каждый мѣсяцъ.

Агентомъ "90", о которомъ значилось въ предписаніи Павлоновскаго, оказался занесенный въ списокъ подъ псевдонимомъ "Техникъ" Якко Уймоненъ, безработный слесарь, получавшій жалованіе изъ суммъ "Развѣдупра".

Къ списку агентовъ прилагался пояснительный указатель адресовъ, содержанія и вида "работы".

Рискнувъ сохранить этотъ документъ безъ зашифровки я спряталъ его въ потайномъ днѣ одного изъ чемодановъ.

Итакъ мнѣ предстояло снять съ работы уличеннаго въ чемъ - то коммуниста и "командировать" его въ распоряженіе Соколова.

Лица, попадавшіе въ комендатуру пограничной Ч. К. предсѣдателемъ которой состоялъ бывшій зауряднъ прапорщикъ Соколовъ обычно арестовывались и препровождались въ М. Ч. К. или ставились къ стѣнкѣ въ особнякѣ отдѣла "Региструпа" въ Шуваловѣ, по Финляндской жел. дорогѣ.

Въ застѣнкѣ шуваловскаго отдѣла въ 1920 году были разстрѣляны прибывшіе изъ Финляндіи рабочіе-коммунисты, такъ называемые "активисты", противники тактики подчиненія Финкомпартіи "Р.К.П." Ихъ замаинли товарищи Рахья и Сирола на конгрессъ "оппозиціи". Девять партійцевъ — всѣ участники 1918 года съ большими трудностями перешли границу и были доставлены въ кабинетъ Соколова для допроса...

Подъ прикрытіемъ ночи китайцы - чекисты разстрѣляли ихъ въ бывшемъ павильонѣ яхтъ - клуба.

Тамъ - же, по слухамъ, окончилъ свои бурные дни

бывшій членъ финскаго совѣта народныхъ комиссаровъ, дегенератъ — алкоголикъ Хаапалайненъ, разстрѣлъ котораго скрывался нѣсколько лѣтъ.

На второй день, утромъ, я направился въ Катаянокка — "снимать" агента подъ номеромъ 90.

Въ подчердачной каморкѣ ютилась семья въ пять душъ...

Самъ — "номеръ 90", его жена, двое рахитичныхъ дѣтишекъ и прикованный къ постели, разбитый параличемъ старикъ - отецъ Уймонена.

Я вызвалъ его на улицу.

Назвалъ пароль и сообщилъ ему мотивы прихода.

Командировка по "важному дѣлу" — возымѣла свое дѣйствіе. На его одутловатомъ лицѣ пьяницы появилась счастливая улыбка.

— Когда надо ѣхать? — спросилъ онъ хриплымъ басомъ.

— Какъ только пріѣдетъ проводникъ, — отвѣтилъ я.

— На долго? — спросилъ онъ снова и кивнувъ головой на красное зданіе тюрьмы, мимо котораго мы прошли, проворчалъ, — вотъ тутъ и меня солили "лахтари".

Я не обратилъ вниманія на его замѣчаніе и предложилъ придти на Мункнесскій постъ сегодня же вечеромъ за деньгами и письмомъ.

"Номеръ" далъ согласіе и попросилъ авансъ сейчасъ - же на хозяйственные расходы.

Въ одномъ малолюдномъ переулкѣ я передалъ ему двѣ тысячи марокъ и разстался.

— "Снятъ", — подумалъ я, идя по деревянному настилу къ сверкавшему въ лучахъ солнца заливу.

Вдали маячили "Коркеасаари", направо — Бренце, налѣво — Свеаборгъ.

Спустился на ледъ и побрелъ къ стоявшимъ въ докахъ крейсерамъ.

Наши бывшіе боевые единицы Балтійскаго флота.

Обогнулъ Свеаборгскій портъ и вышелъ на одну изъ пустынныхъ улицъ.

Пошелъ къ городу.

Зданіе бывшаго Морского Собранія...

Клубъ матросовъ - анархистовъ въ 1918 году. На вышкѣ бѣлый съ синимъ крестомъ флагъ.

Скаттуденскій мостъ. Русская церковь — на скалѣ.

Отсюда, съ этого моста, въ первые дни революціи опьяненные кровью матросы сбрасывали въ воду разстрѣлянныхъ офицеровъ.

На немъ былъ убитъ "командующимъ Балтійскимъ флотомъ", матросомъ Дыбенко, юный гардемаринъ попавшійся на глаза пьяной оравѣ главы "штаба".

Черезъ него проѣхали залитые кровью сани съ убитыми на Лоцманской улицѣ одиннадцатью офицерами "Петропавловска". По приказу Раскольникова. И тамъ, гдѣ теперь стояла заколоченная президентская пристань брошены въ прорубь...

Нанялъ такси и поѣхавъ домой, всю дорогу думалъ о номерѣ 90.

Вѣрнѣй о тѣхъ, кто останутся въ той подчердачной квартирѣ.

Первое заданіе центра было исполнено въ точности.

IX.

Пришла очередная почта изъ центра : инструкціи "Развѣдупра", "В. Ч. К." и списокъ лицъ, за которыми мнѣ предписывалось поставить наблюденіе. Понятно,

все было зашифроваио н ключъ къ дешнфровкѣ миѣ надлежало получить въ полпредствѣ, куда обычно оиъ высылался въ дипломатнческомъ портфелѣ курьера Наркомиидѣла.

Инструкція "Развѣдупра" гласнла сокращенно своими параграфамн такъ:

— $ 14. Обратнте винманіе на всѣхъ уволениыхъ съ военной службы фииофицеровъ, зарегистрнруйте ихъ по виду проступковъ или мотнвовъ увольненія. Путемъ агентурныхъ свѣдѣній составьте спискн недоброжелательиыхъ къ властн, претендующихъ на недополучениыя суммы, пособія, пенсіи и т. п. офнцеровъ н военчиновнинковъ. Необходнмо черезъ агентуру выяснить матеріальное положеніе вышеозначенныхъ лицъ на предметъ дальнѣйшей возможиостн привлечь нхъ иа работу "Развѣдупра". Если вы узнаете, что какой - либо офицеръ питаетъ слабость къ азартнымъ играмъ, расточителенъ или ведетъ иетрезвый образъ жизии — войдите въ его довѣріе, сами или черезъ агента вамъ подчииеннаго, и попытайтесь матеріально оказывать ему услугу ссужая крупныя суммы подъ **векселя,** а мелочь на слово. Растратчиковъ - казиачеевъ, лицъ, совершившихъ преступлеиіе по легкомыслію и осуждеииыхъ воеииыми судамн надо привлекать къ активной работѣ. Иногда нзъ этой категорін лишеиныхъ правъ и преимуществъ можно иайтн весьма полезиыхъ освѣдомителей нашему органу.

$ 15. Предписывается въ интересахъ дѣла поддерживать связн съ лицамн, осужденнымн за политпреступленія противъ государственной властн илн строя, не важны ихъ полнтнческій взглядъ, партійность или отношеиіе къ Р. К. П Главное, оии протнвъ существующей организацін власти и государствениаго строя. Ихъ свѣдѣ-

ніями надо умѣло приносить пользу дѣлу обороны Р. С. Ф. С. Р. и пролетаризаціи.

$ 16. Привлеките къ работѣ нѣсколькихъ молодыхъ, красивой внѣшности агентшъ изъ среды мѣстной эмиграціи. Ихъ необходимо приспособить для освѣдомительной работы въ средѣ офицерства и мѣстнаго чиновничества. Необходимо привлечь изъ министерствъ (военное, морское, внутреннихъ дѣлъ и иностранное) машинистокъ, стенографистокъ, регистраторовъ и т. п. въ нашу агентуру и поручать имъ заданія предусмотрѣнныя въ циркулярѣ номеръ 449.

$ 19. Ввести агента въ каждую единицу арміи и флота. Окладъ отъ 3.000 марокъ до 7.000 марокъ.

$ 20. Мы находимъ необходимымъ ввести агентуру въ военныхъ и морскихъ офицерскихъ собраніяхъ и казино. Подыщите оффиціантовъ могущихъ работать по информаціи. Оклады XII степени положенія. Необходимы: обязательная и точная сводка всѣхъ банкетовъ, раутовъ, собраній, конгрессовъ военнаго, академическаго, международнаго или политическаго характера. Имена ораторовъ или делегатовъ выступающихъ противъ Р. С. Ф. С. Р. вносить въ списки номеръ 31 и препровождать шифромъ ригистротдѣлу.

$23. Собирайте свѣдѣнія о печатающихся изданіяхъ, переведенныхъ или переводимыхъ сочиненіяхъ военнаго, мемуарнаго или антисовѣтскаго характера. Экземпляры книгъ пріобрѣтайте за счетъ расходовъ главѣ IX инструкцій номеръ 34-а и посылайте диппочтой черезъ полпредство Авторовъ выясняйте съ указаніемъ адреса. Это же предписаніе распространяется на періодическую печать.

$ 25. Членовъ Сейма (Ф. К. П.) и эсдековъ поставьте подъ наблюденіе надежныхъ агентовъ и ежемѣсячными рапортами информируйте ихъ дѣятельность, образъ жиз-

ни, связн съ другими партіями и взаимоотношенія къ Цека финпартіи. Необходимо наблюденіе за точнымъ исполненіемъ директивъ И. К. К. И. и Р. К. П. и въ случаѣ отступленія заданій, о которыхъ васъ будутъ извѣщать, вамъ предлагается немедленно доносить предсѣдателю.

$ 26. Наблюденіе за дѣятельностью сотрудниковъ полпредства и торгпредства, консульствъ и торговыхъ отдѣленій Внѣшторга, Нефсиндиката, Доброфлота и Хлѣбэкспорта возлагается на вашъ отдѣлъ. Всѣ рапорты направлять непосредственно, безъ доклада резиденту, военагенту или особоуполномоченнымъ, телеграфно шифромъ "Менжинскій"

$ 29. Введите агента въ генконсульства Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки, Франціи и Италіи. Необходимо знать всѣ видоизмѣненія визъ (типы марокъ, штемпелей, подписей и секретныхъ отмѣтокъ).

Это предписывалъ "Развѣдупръ", но "ВЧК" повторяла старую, трафаретную форму предписанія:

— Немедленно установите адресъ морофицера Седергольма Бориса, поставьте наблюденіе. Повторяемъ наше предписаніе 19.467. Пришлите рапортъ Ораса дополненный вашими поправками. Юрисъ - консультъ Горчаковъ, счетоводъ Соболевъ и Покровскій будутъ отозваны. Соберите матеріалъ уличающій вредительствѣ. Вашему запросу выдано 100 тысячъ марокъ. Тринадцать семь одинъ пять. Павлоновскій. Орасъ.

Послѣдняя подпись — Орасъ — напомнила мнѣ тюрьму В. Ч. К..

Орасъ допрашивалъ меня.

Предложивъ мнѣ подписать написанный имъ протоколъ онъ цинично сказалъ:

— Ставьте вашу сигнатуру и рецептъ смерти готовъ.

Я отказался.

Лицо Ораса побагровѣло. Онъ всталъ и подойдя къ двери крикнулъ караульному:

— Выведите эту сволочь!

Меня "вывели" во внутреннюю тюрьму В. Ч. К. и забыли на три недѣли.

Когда же меня отправили въ школу шпіонажа, въ числѣ лицъ собравшихся въ пріемной начальника оперативной части "Развѣдупра" былъ и Орасъ.

Увидѣвъ меня онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку со словами:

— Желаю вамъ успѣха. Это я поддержалъ васъ, а то бы того.

— Да? — спросилъ я подавляя нарастающій гнѣвъ.

Руки не подалъ и пошелъ къ выходу.

Потомъ я узналъ, что Ораса готовили въ той же школѣ для **дипломатической** карьеры.

— Собирайте **уличающій** матеріалъ, — значило на языкѣ посвященныхъ въ работу В. Ч. К. — напишите такую сводку, что **разстрѣлъ неминуемъ.** Провѣрять никто не будетъ.

X.

Бергманъ установилъ посредствомъ своей агентуры, что одинъ изъ сотрудниковъ хозяйственной части полпредства Большаковъ взялъ "чаевыми" двадцать тысячъ марокъ съ поставщика М — а. Большаковъ былъ приглашенъ въ кабинетъ Муценека и послѣ упорнаго препирательства сознался и обѣщалъ Бергману, производившему слѣдствіе, искупить свою вину "разоблаченіемъ" шпіонки, сотрудницы торгпредства.

Бергманъ "помиловалъ" его и предложилъ въ крат-

чайшій срокъ дать матеріалъ о сотрудницѣ "американской" развѣдки.

Большаковъ, будучи женатымъ и оставивъ супругу въ Россіи, сошелся съ миловидной "землячкой", машинисткой торгпредства К — ой.

Въ пространномъ рапортѣ Большаковъ "разоблачалъ" дѣвушку въ передачѣ "финскому маіору", агенту американской развѣдки, секретной переписки экономическаго отдѣла торгпредства.

Указывая не только содержаніе бумагъ, но и даты различныхъ отношеній "В. С. Н. Х.", рапортъ Большакова погубилъ его возлюбленную, готовящуюся стать матерью его ребенка.

Машинистку командировали въ "Внѣшторгъ" съ подъ отчетными документами, доставили въ "ВЧК" и... разстрѣляли.

Но это дѣло не прошло даромъ Большакову. Путемъ случайныхъ разоблаченій была установлена фиктивность рапорта Большакова и его привезли въ конспиративную квартиру Арвола подъ "конвоемъ" чекистовъ Лагутина и Петрова для новаго допроса.

Былъ приглашенъ и я, какъ информаторъ одной части дѣятельности провокатора. На этомъ импровизированномъ въ московскомъ масштабѣ допросѣ присутствовали Бобрищевъ, Муценекъ, Бергманъ и пьяненькій секретарь Коренецъ.

Бергманъ стуча по столу рукояткой нагана потребовалъ признанія и блѣдный, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ Большаковъ разсказалъ пространную исторію о шпіонажѣ своей жертвы.

Бергманъ всталъ и рукояткой револьвера ударилъ его по лицу.

— Собака, провокаторъ бѣлогвардейскій! Я тебѣ по-

кажу, сволочь продажная, — крикнулъ онъ взвывшему отъ боли предателю и нанесъ кулакомъ новый ударъ въ переносицу.

—- Убить собаку мало, — прорычалъ Бергманъ вытирая залитую кровью руку о носовой платокъ.

— Все правда... она была шпіонкой, — хрипло прошепталъ Большаковъ, — закрывая рукой багровую щеку.

— Не лги, подлецъ! — бросилъ атташе и повернувшись ко мнѣ спросилъ, — матеріалъ у васъ?

— Да. Заявленіе Большакова чистѣйшая ложь. Она никогда не была на службѣ "ама". Но у меня есть "коечто", чѣмъ можно принудить господина Большакова къ признанію, — отвѣтилъ я, — желая ускорить безобразную расправу.

— Что? — спросилъ Бергманъ

— Фотографія съ письма этого провокатора, въ которой онъ проситъ одного мясника одолжить ему пять тысячъ марокъ подъ вексель. И если этого мало, то могу сообщить товарищамъ, что указаннаго въ рапортѣ Большакова финскаго маіора надо искать въ воображеніи его гнусной фантазіи. Невинно погибшая Кирсанова оставила письмо, которое многое разскажетъ о Большаковѣ въ прошломъ. Я получилъ его отъ товарища Вѣры. Судя по этому письму, видно, что совѣтскій гражданинъ Большаковъ не кто иной, какъ Архипъ Семеновичъ Семеновъ, отбывавшій наказаніе въ Литовскомъ замкѣ за грабежъ учиненный имъ въ Курскѣ, откуда родомъ и Кирсанова, — отвѣтилъ я, — вынимая изъ портфеля "дѣло".

— А вотъ ты какая птица! Офицеръ бывшій — по анкетѣ. Такъ - такъ. Ахъ ты б.... этакая, — воскликнулъ Бергманъ и навелъ на Большакова револьверъ.

Бобрищевъ вскочилъ.

— Янъ! — крикнулъ онъ рѣзко и отащилъ Бергмана отъ Большакова.

— Все равно я его поставлю къ стѣнкѣ... Собака паршивая, — прорычалъ резидентъ тяжело дыша и отойдя отъ Большакова опустился на диванъ.

Спряталъ въ карманъ револьверъ и снова принялся вытирать руку.

— Вотъ какими бандитами кишитъ наше торгпредство, — продолжалъ онъ, не спуская злобнаго взгляда съ Большакова, — жаль, что мнѣ не дано полномочій "погребокъ" открыть. Настукалъ бы я череповъ изъ подобной сволочи.

Обликъ чекиста Бергмана воскресъ.

— Не стоитъ, товарищъ, кипятиться, — хладнокровно замѣтилъ Муценекъ, — онъ напишетъ для насъ подробное признаніе. Въ случаѣ дальнѣйшей ошибки мы представимъ этотъ документъ кому надо.

И Большаковъ написалъ докладную записку — право на разстрѣлъ безъ суда и слѣдствія.

Но черезъ мѣсяцъ Бергманъ командировалъ Большакова въ Москву снабдивъ его лучшими рекомендаціями,

Теперь онъ служитъ въ Туркестанѣ, въ областной Чрезвычайной Комиссіи начальникомъ оперативнаго отдѣла.

***

Такіе сотрудники цѣнны для "пролетарской" власти.

Какъ - то вечеромъ, сидя на скамейкѣ въ аллеѣ Брунспарка и "познакомился" съ Арвидомъ Геймансъ, безработнымъ журналистомъ и участникомъ финской освободительной войны...

Бѣдно одѣтый, въ потертомъ непромокаемомъ пальто и выцвѣтшей шляпѣ, небритый и, повидимому, изголодавшійся типъ попросилъ у меня папиросу.

Я предложилъ ему портсигаръ. Закуривъ, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не сердитесь за мое нахальство? Курить смерть хотѣлось.

— Нѣтъ, пожалуйстта, — отвѣтилъ я бросивъ взглядъ на исхудалое лицо "стрѣлка".

— Времена теперь тяжелыя. Работы не найти. Тѣсно стало всюду жить. Трудно приходится всякому "оптанту", — сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ и вздохнулъ.

Длинныя, тонкія пальцы правой руки забарабанили по спинкѣ скамейки.

— Простите, господинъ... что я пристаю къ вамъ, но бываютъ минуты, когда хочется поговорить. Я вѣдь бывшій финляндскій интеллигентъ. Да... меня печатали въ "Uusi Suomi" и другихъ "хорошихъ" газетахъ. Журналистъ, а теперь обитаюсь въ ночлежкѣ Арміи Спасенія. Спился. Если вы имѣете представленіе объ этой "альтруистической" организаціи, то поймете всю ненависть обитателей ночлежныхъ домовъ къ "спасеннымъ". Всѣхъ, каждаго они хотятъ пріобщить къ своему балагану.. Вчера меня увѣщевали цѣлый часъ, а я спать хочу. Усталъ, вдребезги усталъ, а они со своими проповѣдями, — глядя куда - то вдаль произнесъ незнакомецъ и снявъ шляпу положилъ ее на колѣни.

— Развѣ такъ трудно найти работу? — спросилъ я заинтересованный ночлежникомъ изъ бывшихъ.

— Работы? Невозможно, абсолютно невозможно. Физической работы мнѣ не дадутъ, а другой нѣтъ. Я владѣю семью языками, но примѣнить ихъ негдѣ. Уѣхать отсюда и то невозможно. Визы и паспортъ стоятъ не мало. Удрать въ Россію что - ли? — отвѣтилъ сокрушенно онъ и повернулъ ко мнѣ свое исхудалое лицо.

— А тамъ что дѣлать? просилъ я.

— Тамъ, можетъ быть, я пригожусь на что - нибудь, отвѣтилъ онъ улыбнувшись.

— Нѣтъ, вы не знаете, очевидно, жизни въ Россіи. Вы же не коммунистъ, а тамъ лишь имъ открытъ путь къ человѣкоподобному существованію. Я былъ въ Россіи и завѣряю васъ, лучше тутъ быть пансіонеромъ Арміи Спасенія, чѣмъ тамъ искать счастья, — сказалъ я, подумавъ о возможности дать ему "работы".

— Можетъ быть, но и тутъ мнѣ дѣлать нечего, — произнесъ онъ печально и опустилъ голову.

— Вы русскимъ владѣете хорошо? — спросилъ я

— Отлично! Я же родился въ Петербургѣ и жилъ до революціи тамъ, а что? — воскликнулъ радостно незнакомецъ и въ его глубокозапавшихъ глазахъ блеснулъ лучъ надежды.

— Переводить вы могли - бы?

— Все, кромѣ строго научной литературы.

— Я имѣю отношеніе къ американскому газетному тресту. Если вы пожелаете я дамъ вамъ постоянной работы, — сказалъ я засіявшему отъ радости типу.

— То есть, я буду работать? — спросилъ онъ робко.

— Да. Вы будете переводить мнѣ всѣ статьи о Россіи съ финскаго и шведскаго на русскій языкъ и потомъ писать сжатыя сводки. Объ условіяхъ мы поговоримъ детальнѣй у меня — отвѣтилъ я.

Онъ, повидимому, хотѣлъ протянуть мнѣ руку, но не рѣшился.

Взглянулъ на руку и спряталъ въ карманъ подведенныя "траурамъ" ногтей пальцы.

— Вотъ спасибо, большое спасибо, — произнесъ онъ по русски и мнѣ показалось, что съ его лица сошелъ сѣрый землистый налетъ горя и нужды. Онъ вытащилъ изъ

кармана загрязненный матерчатый бумажникъ. Вынулъ пачку документовъ н далъ мнѣ со словами:

— Вотъ все мое прошлое. Подъ судомъ н слѣдствіемъ не состоялъ н не состою... Но это было не за горами. Голодъ уже гналъ иа эту дорогу

Истрепанная карточка журналиста, удостовѣреніе личности, аттестатъ объ окончанін курса авіаціи, рекомендаціи нѣсколькихъ торговыхъ фирмъ Петербурга н Москвы и офицерскій документъ.

— Все въ порядкѣ. Вотъ бы сотрудникъ Бобрнщеву, — подумалъ я разсматривая бумаги Гейманса.

— Отлично. Я дамъ авансъ, на первое время нѣсколько тысячъ, а завтра жду васъ у себя на работу, — сказалъ я, передавая ему документы.

Пальцы его задрожали отъ волненія. Шляпа упала иа землю н, когда онъ наклонился за ней, я увидѣлъ, что у него не было нижняго бѣлья.

Воротникъ былъ прикрѣпленъ къ манишкѣ.

— Сколько вамъ иадо, чтобы купить платье н обувь, — спросилъ я, взглянувъ на стоптанный ботинокъ Гейманса.

— У меня есть чудный костюмъ, но онъ заложенъ у ростовщика Саарела. Тыстча марокъ долженъ ему. Ботинки — сто. Пальто, если разрѣшите, шестьсотъ марокъ. Пара бѣлья. Шляпу. Въ общемъ иадо - бы тысячи двѣ, — отвѣтилъ онъ пряча свой бумажникъ.

— Хорошо, получайте три тысячи и приходите завтра ко мнѣ иа Антинъ кату къ десяти. Вотъ мой адресъ и имя, — сказалъ я передавъ Геймансу три тысячи марокъ и визитную карточку

— Ей Богу я не пропью, — неожиданно произнесъ онъ н взявъ кредитки всталъ.

Протянулъ мнѣ руку н крѣпко пожалъ мою кисть.

— Благодарю васъ, — произнесъ онъ глубоко взволнованнымъ голосомъ, — вы спасли меня. Я пойду устраивать свои дѣла. Завтра явлюсь къ вашимъ услугамъ. Смѣю завѣрить васъ, что во мнѣ вы найдете оправданіе вашему благородному довѣрію.

Онъ пошелъ въ сторону Брунстеатра энергичными шагами человѣка почувствовавшаго почву подъ ногами.

На другой день утромъ онъ явился. Теперь это былъ типичнѣйшій финнъ - интеллигентъ, изящно одѣтый въ синюю пару, выбритый и помолодѣвшій.

— Я къ вашимъ услугамъ. Вы, вѣроятно, подумали, что я пропью деньги и не явлюсь, не такъ - ли? — сказалъ онъ снимая сѣрое пальто и шляпу.

— Нѣтъ, я былъ увѣренъ, что вы придете, — произнесъ я предлагая стулъ своему сотруднику.

— Послѣ пяти мѣсяцевъ выспался на постели. Это такое было блаженство, сказалъ онъ усаживаясь къ письменому столу, гдѣ была приготовлена бумага и пачка газетъ.

— Вы сняли комнату? — спросилъ я.

— Да, въ отелѣ "Сайма". Если моя работа удовлетворитъ васъ и вы меня не уволите, я подыщу комнату въ частной квартирѣ, — отвѣтилъ онъ учтиво.

Я указалъ ему статьи экономическаго характера и предложилъ перевести ихъ съ финскаго и шведскаго языковъ на русскій.

Онъ приступилъ къ работѣ

Переводилъ онъ прямо съ листа и первыя страницы работы могли удовлетворить самаго строгаго шефа. Чисто и точно, отличнымъ литературнымъ языкомъ.

Я оставилъ переводчика въ своей квартирѣ и сославшись на дѣла пошелъ въ городъ.

Вернувшись черезъ три часа я засталъ его за работой,

ио во второй комнатѣ, гдѣ было мое бюро, мнѣ бросилось въ глаза чье - то "любопытство".

Утромъ до прихода Геймаиса я прннялъ мѣры къ выясиенію заинтересоваииости иоваго сотрудника моей лнчной жизиью и дѣятельности.

Не выдавая себя я закрылъ за собой дверь и прииялся "ловнть".

Въ письмеииомъ столѣ, на обсыпаиных пудрой листахъ бумаги виднѣлись слѣды пальцевъ, кто - то развязывалъ перевязаниыя шелковой ниткой письма и забылъ колнчество перевязей.

Въ шифоньеркѣ — массивный блокъ - нотъ сдвинулъ воткиутую въ дио ящика булавку, сигарный ящикъ вышелъ изъ грaииць иарисоваинаго мной прямоугольника н коллекція открытыхъ писемъ Китая не были иа отмѣчеииомъ мѣстѣ.

Факты были иа лицо — мой переводчнкъ былъ шпіонъ или же просто искалъ что - бы стащить.

Надо было разоблачнть его н выяснить кто скрывается подъ личииой безработнаго журналнста.

Если онъ былъ шпіоиъ, то опытиый, хладнокровный и давио готовившійся къ операцін надо мной.

Чувство жалости и желаиіе дѣйствнтельио помочь Геймаису смѣнилнсь теперь открытой иепріязиью. Я рѣшился возможио скорѣй установнть его профессію и подъ какимъ - либо удобнымъ предлогомъ избавиться отъ него.

Ничто ие выдавало его, когда я вериулся къ нему.

— Можете идти обѣдать, а часовъ въ пять придете продолжать работу, — сказалъ я стараясь быть любезиымъ. Онъ передалъ миѣ исписаииые листы бумагн.

— Я не знаю, какъ переводъ вышелъ. Давно ие работалъ, — произнесъ онъ иадѣвая пальто, — исправленія иеобходнмы

— Отлично. Я просмотрю все. Если васъ не затруднитъ, то купите мнѣ у Даніеля бумаги для пишущей машины, — сказалъ я Геймансу и далъ ему денегъ для покупки.

Какъ только онъ вышелъ, я переодѣлся и заперевъ квартиру поѣхалъ къ "Спортсмену".

Къ пяти часамъ вечера на уголъ Генриховской и Антиnъ улицъ былъ поставленъ агентъ для наблюденія за Геймансомъ... Газетчикъ.

Девять дней мѣнялись агенты, дни и ночи велось наблюденіе и скромный переводчикъ пріобрѣлъ подлинный ликъ.

Мнѣ было все ясно — шпіонъ. Одинъ изъ его рапортовъ былъ выкраденъ изъ номера гостиницы и въ заказномъ письмѣ посланъ на имя Альбина Герна въ Ригу, куда онъ поѣхалъ послѣ депеши отъ начальника рижскаго отдѣла "Развѣдупра".

Бобрищевъ потѣшался надъ влопавшимся "рижаниномъ" и на моемъ рапортѣ, препровожденномъ въ Ригу, поставилъ резолюцію:

— Гернъ отличный агентъ, но прошу въ нашъ раіонъ не посылать. Сумму выданную ему номеръ 5 рез. уплатить счетъ финотдѣла. Бобрищевъ.

— Откуда у этого парня фина документы? — спросилъ я у военнаго атташе послѣ доклада по дѣлу Гейманса.

— Гейманса "угробили" въ чека, а бумажки поступили въ нашъ архивъ. Этотъ типъ не дуракъ, но наша работа куда чище, — отвѣтилъ Бобрищевъ лукаво щуря глаза

— Надо - бы васъ послать въ Ригу и взять на "мушку" одного изъ рижанъ. Завербовать въ какую - нибудь лигу "Бѣлаго Коня" или "Возрожденія Дворянства", пред-

ложить свиснуть что - нибудь у резидента и потомъ "доказать", что и мы не "лыкомъ шиты", — продолжалъ Бобрищевъ раскачиваясь въ креслѣ.

— И влопаться самому въ руки рижской... политполиціи, благодарю васъ, — добавилъ я.

— Я же шучу. Васъ нельзя отсюда никуда посылать. Вы мнѣ нужны. Итакъ, досвиданья. Я навѣщу васъ, какъ только получу деньги. Намъ надо поговорить объ организаціи спортивнаго магазина, — сказалъ онъ собираясь встать.

— Это что? — спросилъ я.

— Да, рабочая спортивная организація хочетъ учредить акціонерное общество по продажѣ принадлежностей спорта. Нѣкоторые товарищи просятъ финансировать это начинаніе. Я думаю бросить на это дѣло тысячъ сто или полторасто. Буржуямъ все же на зло, не такъ - ли? — пояснилъ Бобрищевъ и взглянувъ на часы добавилъ, — надо спѣшить.

Я проводилъ "щедраго" атташе до воротъ.

— Новый пунктъ пропаганды и складъ оружія, — подумалъ я о затѣѣ финскихъ "рабочихъ" — спортсменовъ.

XI.

Залькевичъ работала въ "дамскомъ комитетѣ", писала сводки и "интересовалась" жизнью тѣхъ круговъ, въ которые, понемногу, стала проникать. Особой цѣнности ея свѣдѣнія не представляли — онѣ имѣли больше характеръ информаціонный о жизни и нуждахъ эмигрантскихъ круговъ.

Я тяготился этимъ "бракомъ" и, однажды, сообщилъ

Павлоновскому, что Залькевичъ необходимо откомандировать куда - нибудь.

Переговорилъ съ ней и она предложила послать ее въ Данцигъ. Тамъ оказались у нея родственники и знакомые.

И черезъ двѣ недѣли моя "жена" получила 1.500 долларовъ путевыхъ и командировочныхъ денегъ для поѣздки въ распоряженіе Берлинскаго торгпредства.

Снабженная Фншманомъ фальшивымъ паспортомъ она выѣхала въ Торнео и оттуда въ Стокгольмъ.

Черезъ недѣлю въ полпредствѣ была получена телеграмма о ея благополучномъ прибытіи въ Германію.

Она оставалась въ Берлинѣ до 1923 года и тогда вышла "замужъ" за агента Г. П У. — Левандовскаго и поѣхала съ нимъ въ Лондонъ, въ пресловутый "Аркосъ". Послѣ разгрома этого шпіонскаго гнѣзда Залькевичъ вернулась въ С. С. С. Р. и работаетъ во "внѣшней" развѣдкѣ, ведетъ наблюденія за "знатными иностранцами".

Отзывы о ней былн очень похвальны.

Исчезновеніе "жены" я объяснилъ, во первыхъ, Марухину, поѣздкой въ Берлинъ по дѣламъ ликвидацін коекакихъ цѣнностей, а онъ уже оповѣстилъ всѣхъ, кто этимъ интересовался.

Къ концу апрѣля я былъ уже на хорошемъ счету и заданія посыпались, какъ изъ рога изобилія. Одно другого рискованнѣй н лучше оплачиваемой.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца меня посѣтилъ особоуполномоченный Коминтерна, завѣдывающій III группой Западной секціи товарищъ Глазманъ, онъ же Виноградовъ, Лопатинъ, Гейнце и Вейсъ. Снабженный мандатомъ Внѣшторга и прнбывшій для "закупки" газетной бумаги Глазманъ предложилъ мнѣ организовать боевые дружины въ Эстоніи и для проведенія въ жизнь этого плана

далъ мнѣ рядъ указаній, сообщивъ, что съ открытіемъ навигаціи мнѣ придется поѣхать въ Ревель.

Для свиданія съ лидерами — Аневельдтомъ и Рястасъ.

На организацію выступленія "Коминтернъ" отпуститъ 200.000 долларовъ и снабдитъ оружіемъ.

Я указалъ ему на рядъ затрудненій въ выполненіи этой задачи, но онъ сослался на докладъ подпольнаго комитета эстсекціи и сказалъ, что устройство возстанія въ Эстоніи не представляетъ ничего труднаго.

По его словамъ, пролетаріатъ Эстоніи былъ терроризированъ "фашистами", безработныхъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Онъ намекнулъ на существующіе уже, пока невооруженные, ударные группы, состоящіе изъ рабочихъ "Доброфлота".

На покупку быстроходнаго авіомотора для заказанной для сношенія съ "тѣмъ берегомъ" лодки мнѣ было отпущено 300.000 марокъ и 29 мая въ Або состоялась первая проба...

Моторная лодка, развивавшая среднюю 28 узловую скорость, была внесена въ списки яхтъ клуба на имя члена - коммуниста и приведена къ пристани сѣверной гавани. Мотористомъ "наняли" надежнаго коммуниста "Оскара" съ окладомъ 6000 марокъ въ мѣсяцъ.

Полпредство имѣло также моторную лодку и теперь начались свиданія съ вернувшимся Розенталемъ, Бобрищевымъ, Коренецомъ и другими на взморьѣ...

Однажды, во время такой поѣздки на скалистый островъ, Розенталь сообщилъ мнѣ, что необходимо усилить осторожность. По имѣющимся у него свѣдѣніямъ среди моихъ агентовъ кто - то работаетъ для политполиціи. Розенталь показалъ написанную на машинѣ сводку органа развѣдывательнаго характера, изъ которго я прочелъ нѣ-

которыя даиныя указывающія правильиость подозрѣиія Розеиталя.

Кто - то, дѣйствнтельно, "влѣзъ" въ иашу запутаиную паутину н выдергнвалъ нитн.

— Что вы скажете, а? — Необходнмо, товарнщъ, городскую агеитуру перекинуть въ провннцію. Временно снимать по одному. Выждать нѣсколько дней — еще одного. Нарочно сообщнть каждому въ отдѣльностн что - нибудь условиое и потомъ ждать провокацін, — сказалъ Розенталь взволиованио.

— Кто это можетъ быть? — иедоумѣвалъ я, ища предателя въ средѣ пятн агентовъ, прнкомандированныхъ ко мнѣ товарнщемъ Фишмаиомъ

— Давайте начнемъ съ "Рыбака". Вы разскажнте ему, что меня отзываютъ въ центръ, другимъ ии слова объ этомъ. Завтра же вызовнте его и бросьте "крючекъ". Еслн въ сводкѣ появнтся это, значнтъ онъ. Нѣтъ, другихъ спровоцируемъ, а поймаемъ, — сказалъ Розенталь н его глаза засвѣтились злобнымн огонькамн.

Послѣ этого Розенталь поручнлъ мнѣ подыскать надежное лицо средн русской эмиграцін могущее за очень крупное вознаграждеиіе принять иа себя роль "бѣлаго" курьера н поѣхать въ Теріокн къ русскому генералу для врученія пнсьма отъ вндиаго монархнста въ Р. С. Ф. С. Р. Фамнліи арестованнаго генерала - монархнста Розенталь ие сообщнлъ, но передалъ только, что МЧК раскрыло крупную шпіонскую организацію н человѣкъ двадцать уже арестовано. Теперь иадо "примазать", по выраженію резндента, связь съ эмнграціей. Если провокатору удасться заручнться письмомъ, отвѣтомъ на "донесеиіе" моиархнста подпнсавшаго его по настоянію Ягоды, то будетъ сфабрикованъ новый антнбольшевнстскій заговоръ.

Я спроснлъ сколько могу предложить агенту за это

порученіе. Розенталь сказалъ, что до ста тысячъ марокъ, такъ какъ ему по возвращеніи придется покинуть Финляндію.

Я далъ согласіе найти такого агента.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ передали письмо изъ Москвы. Въ немъ арестованный генералъ (80 лѣтъ и разбитый параличемъ) "сообщалъ" о подготовленіи мятежа въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Дальше шелъ перечень лицъ, якобы принимающихъ участіе въ организаціи этого выступленія.

Я продержалъ у себя это письмо около недѣли и вернулъ при пространномъ докладѣ обратно Розенталю, сославшись на невозможность найти надежное лицо. Ему это не понравилось, но потомъ выслушавъ мои доводы, онъ согласился со мной.

— Рисковать не стоитъ изъ за этого дѣла, — сказалъ онъ, — можно нарваться на какого - нибудь хулигана и вся ваша работа пошла прахомъ.

Розенталь былъ огорченъ нераскрытіемъ предателя, информировавшаго органъ финразвѣдки о положеніи дѣлъ въ полпредствѣ и сообщилъ мнѣ, что по чьему - то доносу Финское правительство требуетъ отозванія въ Р. С. Ф. С. Р. казначея Сайріо.

Такъ какъ у него было "рыльце въ пуху" — полпредъ Черныхъ рѣшилъ послать его въ Москву.

Розенталь предложилъ мнѣ принять всѣ мѣры къ выясненію внѣшней дѣятельности редактора газеты Іорданскаго, получавшаго отъ Сайріо 45.000 марокъ на газету и агентство "Нордъ - Остъ".

Потомъ онъ намекнулъ мнѣ о неблагонадежности одного финна - переводчика изъ торгпредства и велѣлъ поставить къ нему одного изъ "пятерки". Наблюдать и поймать.

Эмигрантскіе списки были "составлены" и сданы для отсылки въ "Развѣдупръ". Онѣ "обошлись" мнѣ въ 9.000 марокъ. Я ихъ купилъ у бывшаго "сѣверозападника" Ш. уже служившаго у большевиковъ въ бюро печати и имѣвшаго отношеніе къ пресловутому агентству "Нордъ-Остъ".

За составленіе списковъ мнѣ была выдана премія въ 5000 марокъ. На сей разъ я понесъ убытокъ, но поднялся престижъ!

Собираніе новыхъ свѣдѣній о финарміи отняло у меня недѣли двѣ и агенты вручили матеріалъ прошедшій черезъ тройной фильтръ. Онъ долженъ былъ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ даннымъ.

И вдругъ разразился новый громъ: ко мнѣ явились Розенталь, Коренецъ и Муценекъ. Всѣ взволнованные, перепуганные и предложили ѣхать на совѣщаніе въ одинъ изъ загородныхъ ресторановъ. По дорогѣ выяснилось, что въ полпредствѣ утечка документовъ — часть ихъ попала въ руки политической полиціи.

Больше всѣхъ кипятился Коренецъ — секретарь полпредства.

Въ восточномъ кабинетѣ, съ двойными дверями и тяжелыми драпри, мы начали вырабатывать планъ обнаруженія провокатора.

Коренецъ заказалъ для виду "сексеръ" и пива.

Вынулъ изъ портфеля принесенный на случай засѣданія виски и сигары.

Въ полпредствѣ того времени большимъ знатокомъ винъ и сигаръ былъ Коренецъ, любившій хвастнуть подъ вліяніемъ винныхъ паровъ "академическимъ" образованіемъ и личными связями съ "Ильичемъ", у котораго онъ когда - то числился секретаремъ

По существу дѣла доложилъ Розенталь слѣдующее:

— Я имѣю неоспоримое доказательство, что въ сре-

дѣ нашей объявился провокаторъ. Его надо **поймать** н **уничтожить.** Изъ сводки передаииой мнѣ агентшей видио, что нѣсколько совершенио секретиыхъ ниструкцій попало въ руки бѣлымъ. Кто - то продаетъ насъ. Товарищъ Бобрнщевъ обнаружилъ пропажу заготовленнаго рапорта, списокъ пріобрѣтеиныхъ въ Свеаборгской крѣпости "вещей" для главштаба н дешифрантъ. Хорошо, что все оказалось зашифроваинымъ и пропавшій ключъ отмѣненнымъ. Дальше, товарнщн, иашъ "берлииcкій" резидентъ сообщаетъ, что въ бѣлогвардейскомъ "Рулѣ" появились письма изъ Гельснигфорса, въ которыхъ иѣкоторая иаша работа освѣщается такнмъ образомъ, что можио думать о нашемъ сотрудиичествѣ въ этой газетѣ. И еще дальше — мы устаиовили, черезъ подкупъ, что "письма изъ Гельсиигфорса" подписываются какимъ - то типомъ подъ иниціалами А. С. Я получилъ часть рукописи и вамъ, товарищъ Смирновъ, предписывается иайтн эту сволочь, установивъ фамилію и мѣстожительства. Онъ живетъ тутъ, скажу больше, ему извѣстно многое о нашей частиой жизии и дѣятельиости. Я, поговоривъ съ товарищемъ Чериыхъ, пришелъ къ заключенію времеиио отставить всѣ другія работы и заияться выясиеніемъ шпіоновъ или шпіона въ средѣ служащихъ или агеитовъ полпредства.

Муценекъ допилъ бокалъ виски и лѣнивой походкой направился къ дивану въ углу кабиисета. Развалился иа иемъ и глядя въ потолокъ пробормоталъ:

— Совѣщайтесь, а я вздремиу. Уже нѣсколько ночей выѣзжалъ ловить "рыбу".

Муценекъ имѣлъ свою агеитуру шпіонажа, коитрольиую, и выѣзжалъ ночами иа моторной лодкѣ иа свидаиіе съ иими

— Изъ всего доложеинаго мнѣ одно неясно, товарнщи,— сказалъ я, — какимъ образомъ моглн пропасть ве-

щи вонагента? Какъ оборудована его квартира? Кто живетъ въ томъ - же этажѣ и кому поручена уборка его комнаты?

— Очень все хорошо и надежно, — отвѣтилъ Корнецъ, закуривая душистую сигару.

— Въ ящикѣ письменнаго стола хранился ненужный дешифрантъ, спискокъ и рапортъ во второмъ. Уборку дѣлаетъ надежный товарищъ, коммунистка Майя. Ей то можно вѣрить. Мужа разстрѣляли, брата убили и сама около года считала кирпичи. Она внѣ подозрѣній. Въ четвертый этажъ входъ воспрещенъ — на лѣстницѣ поставленъ курьеръ. Свой — бывшій коммунаръ МЧК. Изъ слѣдствія выяснилось, что все благополучно въ этомъ отношеніи, а вотъ пропалъ и конецъ. Что касается этого "А. С.", то по моему его выловить не трудно. Переберите всѣхъ бѣлогвардейскихъ газетчиковъ, выясните, кто изъ нихъ имѣетъ эти инициалы и постарайтесь перещупать. Установите фактъ и изобличите лицо снабжающее его информаціей и вы имѣете получить отъ меня премію въ сто долларовъ и ящикъ виски, — продолжалъ первый секретарь и вынувъ золотой, осыпанный крупными брилліантами портсигаръ предложилъ мнѣ, совѣтскую папиросу.

"Заказная" папироса для дипломатическаго корпуса Р. С. Ф С. Р. Эти папиросы изготовлялись по особому наряду въ Гостабакѣ изъ отборнѣйшихъ сортовъ и ихъ предлагали лишь на раутахъ или банкетахъ представителямъ "добрососѣдскихъ" государствъ.

— Журналиста я найду черезъ нѣсколько дней, но для облегченія дѣла дайте мнѣ часть его рукописи, — сказалъ я увѣренно.

Авторъ этихъ статей былъ мнѣ извѣстенъ, я могъ бы теперь же получить премію и ящикъ виски, но это не входило въ мои разсчеты по извѣстнымъ соображеніямъ.

— Пожалуйста, товарнщъ, это н въ вашнхъ интересахъ. Представьте себѣ "Нѣкто" н о васъ узнаетъ, а та скотина въ "письмѣ" н отмѣтнтъ, что молъ бывшій штабсъ капнтанъ и такъ далѣе. Вы пропалн, а что можемъ сдѣлать мы въ такомъ случаѣ **Отказаться отъ васъ, и только.** Да, вы и самн тогда не захотите насъ знать. Не такъ-лн? — пронзнесъ Розенталь, налнвая въ бокалъ золотнстой влаги н повнднмому повеселѣвъ.

— Но второе дѣло подлѣй, — злобно проворчалъ Коренецъ.

— Это о чемъ-же? — спроснлъ я.

— Финская развѣдка имѣетъ информатора! — почтн вскрикнулъ онъ.

— Кто же онъ? — вновь спроснлъ я.

— Дьяволъ его знаетъ! Въ двухъ послѣднnхъ сводкахъ сообщается о моей лнчной жизнн. Я ннкому не разсказывалъ про однnъ случай, а его знаютъ тамъ, — броснлъ онъ волнуясь.

— Ха-ха-ха, — разсмѣялся Розенталь, — это про вашн свнданія съ буржуйкой? Не надо, товарищъ, такъ яростно добиваться сердца бывшей "звѣзды" шантана. Ей нужны вашн доллары н только!

— Убирайтесь вы къ Каледнну съ вашимн шутками, — вспылнлъ секретарь, — очень мнѣ нужно ея сердце. На кой дьяволъ мнѣ ея любовь. Дѣло! Она же живетъ среди русской бѣлогвардейщнны. А тамъ н плетутся сѣтн протнвъ Р.С.Ф.С.Р. Что же касается долларовъ, на дѣло нхъ не жалко. На что же работаютъ наши станкн Государственной экспедицін!

— Такъ то оно такъ, но надо поосторожнѣй валандаться съ бабьемъ, — замѣтнлъ съ днвана Муценекъ н громко зѣвнулъ.

— Вставай Янъ, чего развалился. Ѣхать надо, — бро-

силъ ему раздраженный Кореиецъ н, вставъ, выпнлъ залпомъ стаканъ вискн.

— Эхъ, голенькихъ дѣвчатъ бы сюда! — цинично воскликнулъ Муценекъ, — вотъ бы нашему секретарю лафа была!

Розенталь взглянулъ на меня н крнво улыбнулся:

— Разпотѣшнлнсь ребята, а у самнхъ жеиы дома.

— Перестаньте моралн учнть! Жнть надо по Коллоитаихѣ. Вотъ бабенка, эта "дыбеиковская кухарка", — разошелся Коренецъ отходя, — на прошлой иедѣлѣ днпкурьеръ Савостьяиовъ говорнлъ, что у нея четыре "первыхъ" секретаря на любовныхъ амплуа въ "дѣлѣ". "Рога" у Дыбенкн не меиьше, чѣмъ у достопочтеннаго папашн, наркомпроса Луначарскаго.

— Дѣловая баба н только, — проронилъ Муценко, вставая н подошелъ къ столу.

— Чертн, все вылакалн, — проворчалъ онъ взгляиувъ иа пустую бутылку внскн, — а у меня аппетитъ только разгарѣлся.

— Такъ зачѣмъ же стало, хозяйство у меня, — сказалъ Коренецъ, — поѣдемъ въ "домъ" н обратно съ запасомъ. Ключи отъ винаго склада у меня. Захватимъ царскаго запасца н сюда. Дѣлъ все равио нѣтъ сегодия! Посолъ иа иовой кровати, поди, дрыхнетъ.

— Нѣтъ, лучше въ другой разъ пріѣдемъ, — сказалъ Розеиталь сдержанно-строго.

— Ладно, отложнмъ, — согласился охмѣлевшій секретарь н, выиувъ бумажинкъ, досталъ нѣсколько кредитиыхъ бнлетовъ.

— Я плачу за счетъ представительства, — сказалъ онъ, швырнувъ иа столъ деньгн.

Розеиталь позвонилъ кельнеру н разсчитался по счету.

Коренецъ, Розенталь и Муценекъ поѣхали въ частномъ автомобилѣ нѣкоего спекулянта спиртомъ — поставщика торгпредства.

Я добрался до трамвая пѣшкомъ.

Придя домой переодѣлся и пошелъ въ ресторанъ "Капелла" на Эспланадѣ.

Мнѣ необходимо было встрѣтиться съ Марухинымъ.

"Гельсингфорскія письма" потревожили и меня...

XII.

Манухинъ представилъ меня среднихъ лѣтъ симпатичному шатену С... — сотруднику нѣсколькихъ эмигрантскихъ газетъ и автору нашумѣвшаго въ Скандинавіи романа "Дѣти краснаго солнца" и многихъ другихъ антибольшевицкихъ сочиненій.

С. въ совершенствѣ владѣя финскимъ, шведскимъ, эстонскимъ и русскимъ языками завоевалъ себѣ крупное имя, какъ переводчикъ финской литературы.

Осторожно, "окольными путями" я шелъ къ намѣченной цѣли.

Разсказавъ ему о своихъ "скитаніяхъ" на Балканахъ, передавъ красочный матеріалъ о жизни въ Турціи и нарисовавъ картины лишеній эмигрантской жизни вообще, я моего собесѣдника видимо заинтересовалъ и онъ предложилъ мнѣ пересказать все еще разъ въ болѣе удобной обстановкѣ. У себя на квартирѣ. Въ отелѣ "Эспланадъ", гдѣ онъ занималъ двѣ комнаты...

Мы условились встрѣтиться въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ. Оказалось, что въ отелѣ, гдѣ жилъ С. остановились лица, о которыхъ можно было написать срочную сводку: генералъ Войейковъ, сотрудница англійской

развѣдки — жена морского офнцера Ц., бывшій внце-губернаторъ — генералъ М. н финскій лейтенантъ Арлсонъ.

Изъ бесѣды съ С. я узналъ, что "полубѣлый" спецъ К. дѣйствительно беретъ у него урокн фнискаго языка, но н очень важное откровеніе: вышеупомянутый спецъ собнрается **бѣжать** въ Польшу н порвать съ торгпредомъ.

Въ одннъ вечеръ я посѣтнлъ его. У него былн гостн — фнискій поэтъ Эйно Лейно, Марухннъ, какой-то бнржевой маклеръ Русовъ н лейтенантъ Арлсонъ. Поэтъ н лейтенантъ не говорнлн по русскн, поэтому мы обмѣннвалнсь шведской рѣчью.

Я оказался "центромъ вниманія" — посыпалнсь вопросы объ условіяхъ жизнн въ Турціи, Болгаріи, Сербін н, иаконецъ, Франціи. Прнзнаюсь, тяжелое нспытаніе прншлось пережнть. Къ счастью, слушателн не былн освѣдомлены о дѣйствнтельной жизнн въ "опнсываемыхъ" мной странахъ.

За ужиномъ лейтенантъ предложилъ выпнть.

Прннесъ нзъ своей комнаты коньяку. Выпилн однні лнтръ, появился второй.

Мнѣ показалось подозрнтельнымъ какое-то особое винманіе, проявляемое ко мнѣ лейтенантомъ.

Я "иавелъ" уши н глаза.

Прнкладывался къ рюмкѣ осторожно н умѣренно.

Разстались поздно и лейтенаитъ любезио предложилъ себя въ провожатые.

Я принялъ его любезность...

Зашли по путн въ какой-то домъ на Генрихской улнцѣ н купнли внскн, въ томъ-же тайномъ кабакѣ распнлн бутылку пунша.

На таксомоторѣ я прнвезъ лейтенанта къ себѣ на квартнру № 3. Конспнратнвная квартира на Аркадіевской улнцѣ состояла нзъ комнаты — спальнн н ванны — кухин.

Ванная комната служила мнѣ лабораторіей фотопроявокъ. На газовкѣ я принялся готовить легкій ужинъ и воду для кофе. Лейтенантъ въ комнатѣ, тѣмъ временемъ разсматривалъ всякіе журналы по вопросамъ экономики, искусства и филателіи.

Прежде чѣмъ приступить къ виски, я рѣшилъ угостить гостя коньякомъ, чуть приправленнымъ для "вкуса" лимоннымъ экстрактомъ.

Расположились ужинать.

Рюмка за рюмкой.

Я принялъ передъ ѣдой "лекарство" и могъ безопасно проглатывать содержимое рюмокъ.

Послѣ пятой рюмки лейтенанта утомило.

Потянуло ко сну...

Онъ промычалъ какое-то извиненіе и, положивъ голову на край стола, захрапѣлъ.

— Итакъ, вы готовы для изслѣдованія, — подумалъ я, взглянувъ на разгоряченное лицо лейтенанта.

Приступилъ къ работѣ.

Перетащилъ его на кровать. Снялъ пиджакъ и жилетъ. Досталъ изъ стола "зубной порошокъ" и далъ ему понюхать. На всякій случай!..

Записная книжка. Карточка агента развѣдки! Ломбардныя квитанціи. Фотографіи — отмѣченныя номерами и буквами — К. Р. Удостовѣреніе штаба о зачисленіи въ резервъ. Нѣсколько адресовъ и старый желѣзнодорожный билетъ.

— Наши "молодчики" во время операцій не держатъ въ карманахъ подобныхъ бумагъ, — подумалъ я, положивъ на столъ вынутыя изъ кармана лейтенанта вещи.

Въ записной книжкѣ я нашелъ адреса и какіе-то рецепты.

Ни одна изъ пяти моихъ квартиръ не значилась въ

книжкѣ.

Всѣ адреса были мнѣ незнакомы.

Лейтенантъ продолжалъ почивать въ блаженномъ невѣдѣніи, а я въ это время сфотографировалъ агентскую карточку, отпускное свидѣтельство и переписалъ адреса отмѣченные словомъ : важно.

Все въ порядкѣ — вещи снова въ карманѣ владѣльца.

Я съ трудомъ разбудилъ его отъ тяжелаго сна. Онъ былъ использованъ и надо было выпроводить нежелательнаго гостя.

— Чертъ знаетъ что со мной? Никогда я такъ не хмѣлелъ, — пробормоталъ, вздрагивая какъ бы отъ холода лейтенантъ.

— Похмѣлитесь теперь, — предложилъ я, подавая ему стаканъ виски.

Онъ всталъ. Взялъ со стула свое платье.

Я замѣтилъ, какъ онъ украдкой ощупалъ свои карманы.

— А вы? — спросилъ онъ, беря стаканъ.

— Я тоже выпью, — отвѣтилъ я, наливая виски.

Чокнулись. Выпили. Еще — на посошекъ.

Тысячи извиненій за безпокойство — и лейтенантъ покинулъ мою квартиру.

Черезъ полчаса съ "матеріаломъ" я пріѣхалъ на квартиру миловидной портнихи, Мадамъ Маргариты...

Квартира — номеръ четыре.

***

— Сколько получаетъ, по вашему, жалованія этотъ лейтенантъ? — спросилъ Розенталь, разсматривая фотографію агента финской развѣдки.

— Тысячи двѣ, не больше, — отвѣтилъ я наугадъ.

— Онъ пьяничуга? Знаете что — втяните его въ нашу

сѣть. Предложите иа первое время — шесть тысячъ. Еслн будетъ работать сиосно можно прнбавнть до десятн. Очень важно было-бы заручнться его работой. Вы можете поймать его иа "пушку". Скажите ему, что вы молъ иитересуетесь, какъ ярый аитибольшевикъ, кое какимн свѣдѣиіями о дѣятельиости мѣстиаго полпредства. Нникакихъ иитересовъ къ **бѣлымъ** у васъ не должно быть. Онъ, поиятно, какъ агентъ, знаетъ всю бѣлую освѣдомительскую сволочь н умѣло можио ихъ выудить. А главиое, мы будемъ зиать все, что **о насъ** поступаетъ въ нхъ дѣла. Для пущей важиости я изготовлю для васъ пнсьма какихъ ибудь бѣлыхъ генераловъ. Рекомеидаціи что-ли. Попытайтесь втяиуть этого пария н по возможиости, поскорѣй, — сказалъ Розеиталь, пряча въ бумажиикъ фотографію и получеиные адреса.

— Я прнму всѣ мѣры къ тому, товарищъ, — произиесъ я, прочитывая письма, даиныя миѣ резидеитомъ для переотправки адресатамъ.

Письма были адресованы проживающимъ въ Фнняидіи виднымъ эмиграитамъ.

На каждомъ "образцово" вскрытомъ конвертѣ — болгарская почтовая марка и штемпеля.

— Вамъ иадлежитъ послѣ прочтеиія и записи поставить на письмахъ **финскій** почтовый штемпель и сообразио съ датой "вручить" ихъ получателю. Прндется лнчно разиести и бросить въ кружку или подкинуть на столъ швейцарской, — сказалъ Розеиталь передавая миѣ мѣдиую печать и подушку съ чериой краской.

— Это "стамбулійцы" посылаютъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, иаши устроились въ экспедиціи Главной почты, — отвѣтилъ Розеиталь, — иадо бы н тутъ иайти "крысу". Узиайте у товарнща Искела кто изъ партійцевъ состоитъ на службѣ въ почтамтѣ.

Я далъ согласіе подыскать "крысу".

Черезъ нѣсколько дней мнѣ дали серьезное порученіе: разоблачить въ трехдневный срокъ одного сотрудника - финна "Освальда I" продавшаго военному аташе Бобрищеву планъ предполагаемой постройки новыхъ ангаровъ и чертежи миноносцевъ, якобы похищеные изъ финскаго "Главштаба". За этотъ "важный" матеріалъ Бобрищевъ уплатилъ 200 долларовъ и препроводилъ при обширномъ докладѣ въ Главштабъ Р. С. Ф. С. Р. Вышелъ скандалъ! Его вызвали къ прямому проводу и сообщили, что чертежи являются перерисованными изъ нѣмецкаго довоеннаго сборника, рисунками старыхъ типовъ съ придѣланной лишней трубой и орудіями Крезо.

Освальду объ этомъ не сообщили, иа оборотъ, ему выдали дополнительную премію въ 5000 марокъ и назначили въ мое распоряженіе. съ повышеніемъ оклада.

Бывшій писарь по вольному найму Свеаборгской крѣпости, пьяница и, вообще, темная личность, занимавшійся тайной продажей спирта, наркотиковъ — Освальдъ велъ широкій образъ жизни.

Игралъ въ клубахъ и пьянствовалъ въ обществѣ офицеровъ.

Такъ какъ онъ былъ безпартійнымъ, его услугами пользовались Бобрищевъ и Розенталь за свой рискъ. Онъ снабжалъ ихъ "совершенно секретными" документами и получалъ громадные гонорары. Помимо этого въ его обязанность входило распускать тѣ или иные слухи по указкѣ своего начальства. Если нужно было бросить на кого-либо тѣнь подозрѣнія, послать анонимное письмо въ полицію, очернить эмигранта — Освальдъ былъ на высотѣ своего призванія.

Я собралъ о немъ подробный матеріалъ и уже зная съ кѣмъ имѣю дѣло рѣшилъ **убрать** его.

Поручивъ ему добычу фотографическихъ снимковъ пороховыхъ погребовъ расположенныхъ въ N, я выдалъ авансъ въ 4000 марокъ на покупку аппарата и столько же на подкупъ караула.

Освальдъ обѣщалъ явиться ко мнѣ черезъ два дня на квартиру Мууконена.

Объ данномъ порученіи я сообщилъ Розенталю и Бобрищеву, а къ Освальду поставилъ наблюденіе.

И выяснилось неожиданное: Освальдъ никуда не поѣхалъ. Проспдѣлъ въ своей квартирѣ два дня и вечеромъ явился на условленное мѣсто съ аппаратомъ и снимками.

Я принялъ заданіе, поблагодарилъ и спросилъ:

— Тяжело было?, а?

Онъ улыбнулся и нагло взглянувъ на меня проронилъ:

— Еще бы! На пулю шелъ.

Сославшись на переданное мнѣ порученіе дать ему новое заданіе еще рискованнѣе, но за то оплачиваемое въ суммѣ 500 долларовъ я попросилъ его прибыть вечеромъ въ Бренде и ждать меня около кафе.

Я сообщилъ, что прибуду на моторной лодкѣ.

Когда Бобрищевъ узналъ о подготовленной ловушкѣ Освальду онъ сдѣлалъ распоряженіе "Коммунару" ожидать груза въ раіонѣ Аренсгрунда.

Моторная лодка обогнула "опасные" мѣста, пронеслась мимо крѣпости и взяла курсъ на Ревель. Освальдъ, Фишманъ и я сидѣли въ каютѣ и вмѣсто дѣла занялись выпивкой.

Фишманъ расхваливалъ Освальда, подливалъ въ стаканъ коньяку и былъ на веселѣ.

Около полуночи мы сдали опьянѣвшаго агента матросамъ "Коммунара". Его снесли на судно

— Сдайте его въ "особотдѣлъ", — приказалъ Фнш-маиъ наклоиившемуся за бортъ капитану.

— До свидаиія, товарищи! — воскликнула съ борта группа матросовъ.

"Коммуиаръ" взмылся виитами и пошелъ иа востокъ...

Мы повериули обратио, къ мигавшему въ молочно-сѣромъ туманѣ плавучему маяку.

XIII.

Прошло уже девять мѣсяцевъ со дня моего прибытія въ Фнкляндію н все время "сопутствовалъ" успѣхъ...

Агенты смѣиялись иовыми "иомерамн", предписаиія и различиые приказы сыпались изъ цеитра ежедневио и мой "окладъ" подиялся до 20.000 фииских марокъ. Въ иоябрѣ меня внесли въ списки комячейкн при полпредствѣ и я сталъ "своимъ", партработиикомъ. Черезъ мои руки переходили иногда зиачительиыя суммы. "Мопр"а, Комнтериа и IV отдѣла" геиштаба Р. К. К. А. Въ сентябрѣ агентъ Коминтериа, курьеръ "Аркоса" Рольмгреиъ передалъ миѣ для передачи шведской компартіи 250.000 кроиъ, въ октябрѣ я переслалъ "магиату" эстоиской компартіи Аивельдту — 2.000.000 эстоиских марокъ въ Перновъ и, иакоиецъ, въ ноябрѣ 1.000.000 фраиковъ было поручено уплатить предъявителямъ маидата иа имя Деграна, "комиссіоиера" Ліоиской шелковой маиуфактуры. Такъ и было иаписаио въ приказѣ: комиссіоиеру Ліоиской шелковой маиуфактуры.

Я посѣтилъ въ первоклассиомъ отелѣ представителя фраицузской фирмы Леграна.

На столѣ образцы различиыхъ ткаией, альбомы съ отрѣзами шелка и бархата.

"Комиссіонеръ" — упитанный, краснощекій, полный брюнетъ, носящій французскую фамилію по подложному паспорту, значился въ спискахъ иностраннаго отдѣла В. Ч. К. подъ кличками — "Сертинскій - Бей", "Паша", "Инсаровъ" и "Теръ - Акоповъ".

До большевиковъ его просто нарицали: портной Моисей Зеленый, уроженецъ мѣстечка З. Полтавской губерніи.

Если Зеленый превратился въ Леграна, то Рольмгренъ насчитывалъ девять фамилій и на каждую имѣлъ паспортъ выданный **"всемірнымъ паспортнымъ отдѣломъ** — В. Ч. К.

Этотъ курьеръ представлялъ интересъ, какъ "человѣческій документъ".

По словамъ самого Рольмгрена, онъ былъ до войны — стюартомъ американской пароходной компаніи, потомъ чиновникомъ полиціи въ Вестъ Индіи и къ большевикамъ перешелъ въ 1918 году дезертируя изъ Экспедиціоннаго корпуса прибывшаго на Мурманъ.

Вторично довелось встрѣтить его черезъ нѣсколько недѣль при такихъ обстоятельствахъ: на одной изъ конспиративныхъ квартиръ, куда меня срочно затребовалъ прикомандированный къ резиденту, представитель Особаго отдѣла бывшій лейтенантъ Миклашевскій - Быстровъ, меня ожидало... общество.

Двѣ дамы сомнительной репутаціи, Миклашевскій, Муценекъ, Рольмгренъ и молодой, подвижной, съ интеллигентнымъ бритымъ лицомъ брюнетъ, назвавшійся Нольде.

Послѣдній на самомъ дѣлѣ былъ агентомъ В. Ч. К., бывшій офицеръ Дружеловскій, прибывшій нелегально изъ Берлина и намѣревавшійся ѣхать въ Ревель по дѣламъ "службы" и для свиданія съ женой, сотрудницей

торгпредства. Я не допускалъ мысли, что толстая, накрашенная и вульгарная проститутка Фанни и ея подруга съ лицомъ чахоточной прачки Люли состояли агентами лейтенанта.

— Итакъ, къ дѣлу, — началъ Муценекъ, — вамъ, товарищъ, надо пріютить у себя на виллѣ пріѣзжаго товарища "Никольсъ". Онъ пробудетъ у васъ дней пять, пока я не получу отвѣта отъ особоуполномоченнаго девятаго раіона. Необходима абслютная осторожность. Товарищъ Никольсъ имѣетъ при себѣ важные документы Коминтерна и, вообще, его пребываніе тутъ рисковано. "Англичане" напали на его слѣдъ съ Стокгольмѣ.

Я взглянулъ на сидѣвшаго въ креслѣ совершенно сѣдого господина въ элегантно сшитой парѣ и съ толстыми роговыми очками на носу. Метаморфоза! "Мистеръ Рольмгренъ", сорокапятилѣтній англичанинъ превратился въ сѣдаго близорукаго Никольсъ.

— Лучше, если вы, товарищъ Муценекъ, припрячете бумаги въ несгораемомъ шкафу миссіи, — сказалъ Никольсъ нервно хрустнувъ скрещенными пальцами.

— Отлично. Я возьму, — согласился тотъ и обращаясь ко мнѣ добавилъ, — и вамъ риску меньше, не правда - ли?

— Теперь надо обсудить, какъ переплавить нашего Нольде къ бѣлоэстонцамъ, — произнесъ Миклашевскій и мигнувъ толстой Фанни улыбнулся.

— По моему самое цѣлесообразное на моторной лодкѣ въ обществѣ дамы. Въ родѣ прогулки и только, — продолжалъ онъ, взглянувъ на меня непріятно холодными сѣрыми глазами.

Я рѣшительно отклонилъ этотъ проектъ.

— Моторная лодка не по сезону, товарищъ, теперь бури и помимо того клубные пристани усиленно

охраняются. Пристать вне Ревеля мудрено. Могу предложить такой путь н болѣе безопасный, — сказалъ я.

— Какой - же? — спросилъ самъ Нольде.

— Васъ перевезутъ до Локса, а уже оттуда въ Ревель. Я доставлю васъ на стоящій въ трехмильной зонѣ пароходъ — спиртовикъ. Черезъ день онъ снимается съ якоря и пойдетъ пустымъ въ Локсу. Капитанъ его мой пріятель. Онъ "замуструетъ" товарища Нольде какимъ либо матросомъ, — отвѣтилъ я.

— Но вѣдь списки команды имѣются у портоваго капитана, — вставилъ Миклашевскій.

— Я сниму матроса и продержу его пока у себя. Послѣ же ему можно ѣхать въ Ревель безъ всякаго страха. А товарищъ можетъ прикинуться больнымъ, при осмотрѣ парохода это необходимо, — сказаалъ я, детально разрабатывая планъ.

— Отлично! Тогда оставьте даму, — воскликнулъ Муценекъ радостно и позвавъ агентшъ въ переднюю покинулъ комнату.

— "Дѣвки", а золотые работницы, въ особенности эта корова, — сказалъ Миклашевскій разсматривая свои холеные ногти.

— По какой части? — освѣдомился Рольмгренъ.

— Внѣшнее и часто внутреннее наблюденіе. **Ихъ профессія никого не пугаетъ.** Любовь ихъ "политика", — отвѣтилъ "особистъ" приподнявъ голову и непріятно улыбнувшись добавилъ, — очень не казисты, но дѣловыя "дѣвочки".

Рольмгренъ "загостилъ" у меня въ Мунксенесѣ, а Нольде занялъ комнату въ моей квартирѣ, номеръ два, на Вазаской улицѣ.

Первый "гость" былъ симпатичнѣй второго. Онъ хоть не былъ нахалъ и мелкій воришка, подѣлившійся

самовольно моей собственностью, какъ бѣлье, галстухи и кое - какіе предметы гардероба...

Этотъ псевдо - баронъ Нольде страдалъ какой - то болѣзиенной маиiей преслѣдованія. Всѣ ночи проведенные въ моей квартирѣ оиъ бодрствовалъ и пыталъ меня разсказами о своихъ провокаціонныхъ успѣхахъ заграницей.

И гдѣ только ие бывалъ сей "красиый Хлестаковъ"!

Германія, Болгарія, Польша, Румынія и Турція — поля дѣятельности.

Берлинъ, Софія, Варшава, Бухарестъ и Ангора — штабъ - квартиры его.

Онъ не скрывалъ, что работаетъ въ бѣлыхъ организаціяхъ, какъ провокаторъ, и беретъ нзъ двухъ трехъ, и больше "инказиачействъ" гоиораръ.

— Поиимаете, товарищъ, я ие могу больше иначе жить, мыслить и чувствовать, какъ только въ роли агента шпіоиажа. Втяиулся, и вся эта полная риска, тревоги и волненія жизнь уже для меня родная стихія, продолжалъ лежа на диванѣ Дружеловскій и стряхивая съ папиросы пепелъ иа полъ.

— А вы не думаете о финалѣ? — спросилъ я.

— Еруида! Вывериусь. Съ поличнымъ меня не поймать. Я никогда иичего ие записываю, ие имѣю при себѣ никакихъ шифровокъ или секретокъ. О, нѣтъ, я иатасканный волкъ. Вы ие представляете себѣ моей работы. Она куда рискованиѣе вашей, да. Моя "фабрика" дѣлаетъ валюту въ Венгріи, я "печатаю" доллары въ Америкѣ, "мѣняю" злоты иа марки въ Варшавѣ и, главиое, все закоиио и ие законно. Главное: печати и формеиные блаики, а покупатели найдутся, — отвѣтилъ Дружеловскій тумаиными иеясиыми словами.

— Вы что же, помимо того и фальшивомонетчикъ, — бросилъ я раздраженно.

— И совсѣмъ нѣтъ. Я печатаю то, что размѣнивается на валюту. Документи - ки, товарищъ, — отвѣтилъ горделиво улыбаясь Дружеловскій и вынувъ изъ портсигара новую папиросу закурилъ.

— Теперь я поѣду въ Мюнхенъ — прямо на конгрессъ монархистовъ "Великой Баваріи". Потомъ въ Берлинъ, дальше Вѣна, Будапештъ и Софія. Заданія всюду. Знаете, я готовлю свинью сенатору Бора. И получитъ онъ сюрпризикъ, мое почтеніе, — продолжалъ бредъ умалишеннаго "гость" и чему то улыбаясь покачивалъ головой.

Я рѣшилъ прекратить надоѣдливую болтовню и сказалъ вставая:

— Давайте спать. Уже третій часъ. Мнѣ завтра надо рано встать.

— Ложитесь, я не могу уснуть раньше пяти - шести. Накурюсь до одурѣнія и спать. Кстати, у васъ нѣтъ кокаинчику? — произнесъ Дружеловскійи и швырнулъ на полъ окурокъ.

— Я не имѣю этой гадости, товарищъ, — рѣзко отвѣтилъ я и направился въ спальню.

Закрылъ за собою дверь.

Не знаю, спалъ - ли я часъ, какъ меня разбудилъ осторожный стукъ въ дверь.

Вскочилъ.

— Кто тамъ? — спросилъ я включивъ свѣтъ.

— Не спится... Простите. Чертъ знаетъ до чего изнервничался въ этой дорогѣ. Закрою глаза — мерещатся шуцманы и баста, — сказалъ входя въ комнату блѣдный Дружеловскій.

— Выпейте виски, — предложилъ я назойливому гостю и нехотя всталъ.

— Когда я за работой — мнѣ легче... Дьяволъ знаетъ, что со мной? Дайте, выпью пару стаканчиковъ. Жена тоже разстроила. Скулитъ все: перестань работать, — произнесъ Дружеловскій н подойдя къ дивану опустился на него тяжело и порывисто дыша.

Я понялъ — передо мной былъ наркотикъ.

Онъ выпилъ нѣсколько стакановъ виски и содовой воды.

— Нѣтъ, наша работа сволочная, — промолвилъ онъ откинувъ голову къ спинкѣ дивана, — нервы треплетъ, окаянная.

— Но за то денежная, — уронилъ я сухо.

— О, да! Страшно денежная, — взглянувъ на меня злобнымъ взглядомъ сказалъ онъ и криво улыбнулся.

— Деньги все. Вы тоже денежный коммунистъ, не такъ - ли? — злорадно продолжалъ онъ, — всѣ мы денежные.

— Если хотите еще — бутылка на каминѣ, — не обращая вниманія на его слова сказалъ я и направился къ кровати.

— Спасибо — выпью. Засните, а я еще посижу. Одному страшно, да, — тихо произнесъ онъ и обхватилъ голову руками.

Утромъ я нашелъ его спящимъ на диванѣ, въ правой рукѣ былъ судорожно сжатъ никеллированный браунингъ.

На заграничномъ паспортѣ фотографію владѣльцафинна подмѣнили снимкомъ Дружеловскаго, "освѣжили" печати и онъ поѣхалъ черезъ Торнео н Швецію въ Берлинъ.

"Гостн" покинули Финляндію, а я принялся за обычиую работу. По заданію Бобрищева мной составлялись новые списки команднаго состава шюцкара и къ этой работѣ были привлечены всѣ городскіе и провинціальные агенты моего раіона. Девятнадцать "номеровъ"! Доставляемыя свѣдѣнія классифицировались, переписывались и поступали въ распоряженіе провѣрочнаго бюро, которымъ вѣдалъ Миклашевскій. Еженедѣльные сводки объ эмигрантскихъ настроеніяхъ, пополненіе картотекн новыми адресами и наблюденіе за членами финкомпартін — сѣрые будни шпіонской жизни...

Янъ - Веникасъ - Бергманъ смѣнилъ выслаииаго по распоряженію Финляндскаго правительства Розенталя-Кирштейна. Его "отозвалн" телеграммой Наркоминдѣла. Поздно ночью ко мнѣ явились Розенталь и Бергманъ.

Первый "прощаться", второй нанести "визитъ".

"Дворникъ" сталъ на дозоръ у виллы.

Бергманъ — высокій, стройный блондинъ лѣтъ трндцати былъ эстонцемъ и нмѣлъ крупный партійный стажъ. Бывшій командиръ эстонской красной дивизіи, участникъ подавленія ярославскаго и кронштадтскаго возстаній, ликвидаторъ "Національнаго Центра" — особоуполномоченный М. Ч. К. по приведенію въ исполненіе приговора и разстрѣла Астрова н другихъ жертвъ — Янъ Веннкасъ - Бергманъ счнтался кандидатомъ на постъ перваго секретаря полпредства въ Эстоніи. Командировка въ Финляндію — "зондированіе почвы" для будущей дипломатнческой дѣятельностн.

— Я знаю, кто меня провалилъ, — сказалъ Розенталь, — чухонская морда Яльмари.

— Какъ? — спроснлъ я.

— Его сцапалн на границѣ и, собака, сообщилъ шпи-

камъ, что ѣхалъ ко мнѣ съ пакетомъ листовокъ, — отвѣтнлъ Розенталь ударивъ по колѣну ладонью.

— Еще выдалъ кого - нибудь? — тревожно спросилъ я вспомнивъ, что Яльмарн былъ однажды у меня.

— Не такой онъ идіотъ! Сообразилъ, каналья, что мнѣ начхать на чухонскнхъ властей и конецъ, а выдавать сотрудниковъ не расчетъ. Создадутъ процессъ и ему больше влетитъ. — успокоилъ меня Розенталь закуривая.

— Вотъ теперь товарищъ Бергманъ, мой замѣститель, наладитъ новый этапъ, — продолжалъ онъ — пуская кольца дыма н слѣдуя за ихъ взлетомъ.

— Я вызову "Микко" и налажу новый путь на совершенно иныхъ условіяхъ, — произнесъ Бергманъ непріятнымъ, вкрадчивымъ голоосмъ.

Я взглянулъ на него: какъ будто каменное, надменное правильное лицо съ голубыми глазами, высокій лобъ и четыре глубокихъ борозды отъ виска къ виску. Изломъ линій губъ говорилъ о жестокой натурѣ.

— Ваше дѣло налаживать, товарищъ, но я предупреждаю васъ, — Микко работаетъ пока ему платятъ десятки тысячъ. Его надо бы уже ликвидировать. Много знаетъ, черезчуръ много. По моему: подстрѣлить на ихъ границѣ и однимъ "языкомъ" меньше, — сказалъ Розенталь зѣвнувъ и глядя въ окно.

— Иначе нельзя, товарищъ. Такую сволочь можно только деньгами держать на службѣ. Чѣмъ больше бросать имъ валюты, тѣмъ вѣрнѣй работаютъ. А... прнстрѣлить никогда не поздно, — произнесъ Бергманъ н взглянулъ на меня добавивъ, — не такъ - лн?

Розенталь нервно махнулъ рукой и всталъ.

— Нѣтъ, не такъ! — вспылилъ онъ, — если бы "Яльмари" обезвредили въ свое время, если - бы идіотъ

Соколовъ не давалъ мнѣ о немъ справокъ, я пустилъ бы его въ расходъ уже въ августѣ.

На устахъ Бергмана скользнула улыбка.

— Вспомните, товарищъ, слова помначнидѣла Фомина: **“Ставить къ стѣнкѣ надо бы провокатора - предателя н тѣхъ, кого онъ выдалъ. Что бы не родить новой провокаціи, —** какъ будто полосы холодной стали упали слова Бергмана.

— Это не относится къ настоящему случаю, — бросилъ черезъ плечо Розенталь н подойдя къ письменному столу включилъ свѣтъ лампы.

Сѣлъ и повернувшись ко мнѣ сказалъ:

— Ваши свѣдѣнія хромаютъ. Почему вы не предупредили меня, что “охранка” информировала министерство иностранныхъ дѣлъ объ арестѣ Яльмари? Вашъ “пріятель” ничего вамъ не говорилъ объ этомъ.

— Я его не видѣлъ уже четыре дня. Повидному, запилъ опять, — отвѣтилъ я.

— Со всякой пьяной шпаной приходится имѣть дѣло, — возмущенно проворчалъ Розенталь и вставъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ваша агентура работоспособна, но брехлива. Товарищъ Миклашевскій докладывалъ мнѣ, что много вымышленныхъ именъ и иныхъ неточностей. Я обращаю ваше вниманіе на этотъ деффектъ. Прошу васъ составьте подробный списокъ вашей агентуры и укажите мнѣ категоріи качественнаго порядка. Кто такой коммунистъ Ярола? Мы получили свѣдѣнія, что онъ покупаетъ или строитъ домъ на имя сестры, — произнесъ Бергманъ просматривая миніатюрный блокнотъ.

— Онъ рекомендованъ товарищемъ Рахья, — отвѣтилъ я.

— Рахья, — для меня ноль. Который братъ?

— Старшій, — отвѣтилъ я.

— Тѣмъ хуже. Фиискіе товарищи еще ие отвыкли отъ кумовства. Навѣрио этотъ Ярола какой нибудь родственикъ Рахья и тотъ строитъ или покупаетъ домъ за счетъ кредита партіи. Займитесь этимъ дѣломъ. Въ одной изъ вашихъ сводокъ указывается, что вы ие имѣете возможности подыскать офицера - финна для работы по информаціи генштаба. Миѣ поручилъ товарищъ Меижииcкій иаладить это въ ближайшее время Товарищъ Павлоиовскій получилъ свѣдѣнія объ усилившейся въ Kарелін антисовѣтской агитаціи. Нити ведутъ въ фингеиштабъ. Для полиой ликвидаціи вредиыхъ элементовъ приняты мѣры, но арестоваииые агитаторы созиались въ подготовкѣ по указкѣ изъ Гельсиигфорса возстаиія. Мы имѣли списки финскихъ офицеровъ - активистовъ, которые должиы были руководить мятежомъ. Планъ разработанъ штабомъ Маинергейма. Необходимо войти въ связь съ "Иигермаиландскимъ комитетомъ" засѣвшимъ въ Выборгѣ и спровоцировать открытое выступленіе. Наши агеиты подготовятъ массы къ вооружеииому мятежу, финскіе добровольцы проиикиутъ въ Карелію и дѣло иа мази. Наша тройка убѣждеиа, что зимою въ Кареліи будутъ событія. Активисты полковиика Геириxса мечтаютъ пріобщить Карелію къ Фииляндіи. Увидимъ, во что это имъ обойдется! У васъ иѣтъ свѣдѣній по этому дѣлу? — произиесъ Бергмаиъ.

— Къ сожалѣиію ие имѣю. Слухи кое - какіе были, ио о нихъ- я сообщалъ товарищу Розеиталю, — отвѣтилъ я.

— Я въ свою очередь ииформировалъ Аванесова и Бакаева, — подтвердилъ Розеиталь, — ио фиипарткомъ ие придавалъ значеиія этимъ слухамъ.

— Фиипарткомъ! Это ие аргумеитъ! Фиипарткомъ

надо бы разогнать и половину поставить къ стѣнкѣ. Распущенность, демагогія и кумовство выдѣляютъ этотъ комнтетъ изъ всѣхъ національныхъ группнровокъ. Я уполномочеиъ вычистить мѣстиый комнтетъ и ставленнников Рахья, Куусииена н Сирола сплавить въ центръ. Довольно, обожрались уже тутъ этн перекрашенные эсдекн. Надо послать молодежь на работу. На дняхъ я созову совѣщаніе всѣхъ уполномоченныхъ и поручу работы по чисткѣ. "Мопръ" тратитъ сотнн тысячъ иа пособіе жертвамъ бѣлаго террора. Отлнчно! Товарищи, — развѣ портной Кюллиненъ жертва бѣлаго террора, что ему выдается 3000 марокъ въ мѣсяцъ? Братъ его втерся въ красную армію комбатомъ н выклянчнлъ у Куусниена пособіе. Такнхъ не мало "жертвъ", нашего "Мопра" не хватитъ на поддержку всякихъ "свояковъ" финкомпартіи, — сурово раздался голосъ Бергмаиа н въ его глазахъ вспыхнулн огнн затаенной злобы.

Онъ закурнлъ. Обвелъ взоромъ комнату н какъ - то странно улыбнулся сказавъ:

— У васъ иедуриая квартнрка... Ее прндется оборудовать подъ типографію. На иѣсколько дней. Ротаторъ н пишущую машнну можете купить за мой счетъ. Я прншлю изъ бюро дактило. Надо заготовнть тысячи три - четыре воззваній къ нигермаилаидцамъ отъ нменн нхъ Выборгскаго комнтета. Товарнщъ Яскеля распространнтъ ихъ по деревнямъ. По окончанію работы ротаторъ перешлете въ Выборгъ на нмя уполномоченнаго Наркомвнѣшторга. Онъ поднялся и обращаясь къ Розенталю сказалъ:

— Пойдемъ, Янъ. Намъ надо еще проревизовать товарнща Ярвола.

— Пошли, — пронзнесъ Розенталь н взявъ со стола фетровую шляпу надѣлъ ее.

— Итакъ, желаю вамъ успѣха,— сказалъ онъ протягивая мнѣ руку, — будьте осторожны и внимательны. Весной вамъ дадутъ другой раіонъ. Я скажу "самому" словечко о васъ. Спасибо за все, товарищъ.

XIII.

Дактило, присланная изъ полпредства, оказалась мнѣ знакомой. Ловиза Августовна Шромеръ — вдова разстрѣляннаго германцами латышскаго коммуниста - офицера I Латышскаго Стрѣлковаго полка.

Я купилъ въ магазинѣ Даніель ротаторъ и "Ремингтонъ". Работа шла подъ покровомъ ночи. На всякій случай топилась печь, "дворникъ" дежурилъ у воротъ и окна были закрыты ставнями.

На утро — заказъ былъ изготовленъ.

> — Граждане, карелы и ингерманландцы, настаетъ часъ вашего освобожденія отъ ига русскихъ насильниковъ. Финляндія — ваша скорбящая мать, съ тревогой взираетъ на ваше порабощеніе тиранами большевиками. Не думайте, что финскій народъ безучастенъ къ своимъ братьямъ и сестрамъ томящимся въ плѣну большевицкой банды грабителей и убійцъ. Готовьтесь, братья, къ бою. Мы уже формируемъ бригады опытныхъ бойцовъ, которые придутъ на помощь. Вооружайтесь. Запасайтесь лыжами и теплой одеждой. Ингерманландскій комитетъ заручился активной помощью финляндскаго правительства. Финскіе офицеры и добровольцы придутъ и покончатъ съ варварами и Карелія войдетъ въ тѣло родной

Фиилядіи. Ждите приказаиія. Боевой кличъ: Великая свободная Фиилядія. Помиите, братья, священиые жертвы павшихъ въ бою за освобожденіе Кареліи зовутъ васъ на расправу съ насильиикамн. Готовьтесь. Не падайте духомъ — мы съ вами.

Иигерманлаидскій комитетъ. Выборгъ. Корельскій комитетъ. Фиилядія.

Пять тысячъ такихъ прокламацій иа фиискомъ языкѣ были упаковаиы въ чемодаиы и въ сопровожденіи дактило доставлеиы въ полпредство иа автомобилѣ полпреда Чериыха.

При коисульствѣ въ Выборгѣ состоялъ иа службѣ иѣкій Владиміръ Илларіоиовичъ Лагутииъ, оиъ - же Тышковъ, Матвѣевъ, Харитоиенко и “киязь” Еигалычевъ. Въ средѣ сослуживцевъ Лагутииъ считался чекистомъ и его побаивались всѣ отъ консула до истопиика. Работа Лагутииа состояла въ пріемѣ лицъ желающихъ ѣхать въ Р. С. Ф. С. Р. и провѣркѣ аикетъ заполнеииыхъ возвращенцами. Для послѣдией работы въ распоряжеиіи Лагутииа сотоялъ кадръ освѣдомителей получавшихъ “подушиый” гоиораръ — двѣсти марокъ за справку. Если лицо подавшее прошеиіе коисульству оказывается по свѣдѣиіямъ агеитовъ Лагутииа опасиымъ для Р. С. Ф. С. Р. ему **давали** визу и даже помогали матеріальио при выѣздѣ. А въ Бѣлоостровѣ “возвращенца” сиимали съ поѣзда и отправляли въ распоряжеиіе пограиичиаго особотдѣла иа предметъ “израсходоваиія”.

Такимъ же “бюро регистраціи” въ Гельсиигфорсѣ вѣдалъ Бергмаиъ - Веииикасъ и помимо запросовъ въ центръ имъ приводилось иегласиое устаиовлеиіе личиости желающаго получить визу. Два моихъ сотрудиика получили распоряжеиіе провѣрять аикеты и выясиять мо-

тивы поѣздкн въ Р. С. Ф. С. Р. Помню, въ разговорѣ съ однимъ изъ агентовъ выяснилось, что капитанъ перваго ранга С. хлопочетъ о полученіи визы въ Петербургъ. Я зналъ многое о дѣятельности С. и желая провѣрить работу агента спросилъ у него:

— Что это за птица?

— Кандидатъ къ стѣнкѣ. О немъ очень скверные справки. Паршиво одно обстоятельство — онъ финляндецъ, а то бы тысяча марокъ преміи въ карманѣ, — отвѣтилъ агентъ.

Ему первый разъ отказали въ визѣ, запросили центръ и получивъ оттуда визу предложили "пустить" при второмъ ходатайствѣ.

Но кто - то предупредилъ С. и онъ не поѣхалъ. Это вызвало подозрѣніе въ полпредствѣ и мнѣ предложили узнать причину неиспользованія визы капитаномъ С.

Я написалъ подробный докладъ и указалъ въ немъ на анонимное письмо полученное С. нѣсколько дней до отъѣзда. Бергманъ потребовалъ фотографическаго снимка съ письма. Я отказался отъ этого порученія сославшись на незнакомство съ капитаномъ. Не прошло и недѣли, какъ Бергманъ сообщилъ, что все открыто и авторъ анонимки уволенъ со службы. Въ квартирѣ капераига во время его отсутствія былъ курьеръ - монтеръ Шмидтъ. По освѣдомительной работѣ для регистраціоннаго бюро Бергманомъ была нанята молодая, красивая брюнетка Софія Зильбермессеръ. Прекрасно владѣя мѣстными и русскимъ языками Зильбермессеръ вращалась исключительно въ кругахъ еврейской эмиграціи и выдавала себя за бѣженку изъ мѣстечка Винница. Намекала на то, что однимъ изъ ея родственниковъ, безпартійный спецъ служитъ въ торгпредствѣ и помогаетъ ей кое - какими средствами. Къ ней обращались за справками, просили узнать

адресъ родственниковъ въ Р. С. Ф. С. Р., переслать деньги черезъ Народный Банкъ, имѣвшій въ то время филіалъ въ торгпредствѣ, и письма.

Она пользовалась довѣріемъ и о Софіи Зильбермессеръ говорили, какъ о полезной добродѣтельницѣ. Она ссылалась на свои связи въ еврейскихъ кругахъ Берлина, бывшаго издателя Проппера, жившаго въ Гранкулла, называла "дядей", а популярнаго въ Выборгѣ доктора Абрамовича считала мужемъ своей подруги. Если - бы она работала по своей отрасли и не пошла на "крупный заработокъ" все было - бы для нея хорошо, но Бергманъ увлекъ ее въ рискованную любовную авантюру. Она у кого - то "что - то" стянула, дала снять копію, но опоздала вложить обратно въ письменный столъ...

Замѣтка въ финской печати и "карьера" Зильбермессеръ кончилась плачевно.

Бергманъ предложилъ мнѣ найти замѣстительницу.

Однажды вечеромъ я представилъ ему миловидную даму, по фамиліи Выгодчикова, и Бергманъ "оцѣнилъ" ее въ три тысячи марокъ, на первое время.

Но работать ей не пришлось долго — на святкахъ она снимала квартиру въ лучшемъ кварталѣ Гельсингфорса и имѣла "содержаніе" въ пять тысячъ марокъ отъ Бергмана и три тысячи отъ помощника Миклашевскаго.

На мѣдной доскѣ дверей было выгравировано: преподавательница музыки".

По вечерамъ бывшій ученикъ консерваторіи, Бергманъ, пѣлъ подъ аккомпаниментъ рояля романсы, а въ сизомъ сигарномъ дыму виднѣлась фигура задумавшагося лейтенанта — предателя.

Выгодчикова осталась вѣрна мнѣ и ея свѣдѣніями приходилось пользоваться не разъ.

Послѣ Новаго Года пронзошла реорганизація Фииского отдѣла.

Меия иазиачнлн внѣшннмъ резндеитомъ и монмн уполномоченными сталн номера "семь" н "четыриадцать" — оба партійцы — фнииы.

Вся агентура перешла къ инмъ н миѣ не было иадобностн встрѣчаться съ агентамн. Порученія центра я передавалъ уполномоченнымъ, онн проиэводнли расчеты, классифнцнровали матеріалъ и иазначалн задаиія по своему усмотрѣиію. Общее руководство всѣмн работамн "МЧК", "ВЧК", "Развѣдупра" н "Регнструпа" осталось за Бергмаиомъ и Бобрнщевымъ.

Двѣ коиспнративныя квартнры былн лнквиднроваиы и главиый центръ работъ помѣщался иа моей виллѣ. Пріемъ курьеровъ нзъ Р. С. Ф. С. Р. "происходилъ" на квартнрахъ Арвола нлн "Спортсмена", открывшаго теперь кафе въ раіоиѣ Сериеса.

Бобрнщевъ развернулъ свое бюро: нмѣлнсь отдѣлы — шнфровальиый, карточиый, фотооперативиый, регистраціоиный, военный, морской н полицейскій. На каждомъ нзъ отдѣловъ сндѣлы иадежные коммуннсты полпредства чнслящіеся нстопннкамн, монтерамн, перепнсчнкамн н машннистками.

Одинъ изъ его агентовъ собнралъ фотографіи вндныхъ воеиныхъ, общественыхъ дѣятелей н эмнграитовъ. Собнраніе коллекцін пронсходнло крайне прнмнтнвно: прилично одѣтый господинъ ходнлъ по фотографіямъ, синмался нлн давалъ какое - либо увелнченіе и ухнтрялся украсть со стола нлн разложенныхъ альбомовъ фотографію. Послѣ уже устаиавлнвалн адресъ изображеннаго лнца н дѣлали копін. Одна въ альбомъ Бобрищева, вторая въ "Регнстрацію", въ Москву.

Мнѣ также было предпнсано при каждомъ удобиомъ

случаѣ пополнять копіями фотографій "портретную статистику" военаташе.

Благодаря реорганизаціи мой рискъ убавился и общеніе съ двумя уполномоченными было въ значительной мѣрѣ проще и безопаснѣе, чѣмъ со всѣми шестнадцатью агентами моего сектора и девятью субъагентами военкомячеекъ.

Днями пріема я назначилъ среду и субботу, въ экстренныхъ случаяхъ агенты имѣли возможность вызвать меня по номеру кофейни "Спортсмена" и по условленному имени.

Лейтенантъ Арлсонъ подружился со мной, часто посѣщалъ меня, иногда выпивалъ со мной крѣпкій горячій пуншъ и былъ на рѣдкость корректенъ — профессіонально.

Я не разъ уходилъ изъ дома оставляя его въ квартирѣ съ незапертыми комодомъ, письменнымъ столомъ и шкафомъ, но онъ не обыскивалъ ихъ. Иногда меня угнетало его присутствіе — какъ никакъ мы были "враги", оба — охотника за дичью. Онъ за "красной", а я за "бѣлой" и "красной".

Вмѣстѣ съ нимъ приходили иногда его пріятели, баронъ Р. и юный, тщедушный прапорщикъ М., — оба сотрудники развѣдки. Они уже не скрывали своей профессіи! Иногда даже обращались ко мнѣ за справками о подозрительныхъ эмигрантахъ.

Арлсонъ постоянно нуждался въ деньгахъ, не хватало, бѣднягѣ, жалованія — контрабандный спиртъ былъ дорогой.

Занималъ у меня нѣсколько сотъ марокъ и "забывалъ" сроки платежа. Этимъ довѣріемъ я не злоупотребилъ никогда, если не считать нашего перваго знакомства.

На квартирѣ одного крупнаго спекулянта спиртомъ

кутили финляндцы — агенты хозяина и прiѣхавшiе по "дѣламъ" эстонцы поставщики "бѣлаго" золота" Я былъ приглашенъ отвѣдать "спиртяги" знакомымъ финномъ — контрабандистомъ Ландгреномъ. На этотъ своеобразный пиръ мнѣ давно хотѣлось попасть. Я зналъ, что къ этой группѣ близокъ "надоѣвшiй" мнѣ морской офицеръ Перманъ, имя котораго упоминалось почти въ каждомъ запросѣ изъ центра.

Четыре дюжихъ парня — финна и два эстонца ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ торговцевъ кильками, картофелемъ и яблоками. Такiе типы весной и осенью появляются на набережной Гельсингфорса, "Халли", и продаютъ съ парусныхъ и моторныхъ лодокъ продукты Эстонiи.

Но Перманъ, энергичнаго вида блондинъ, въ желтомъ кожанномъ пальто и англiйской кепи, импонировалъ ростомъ и какой - то гордой, величественной осанкой.

Я познакомился съ нимъ и вскорѣ между нами завязался разговоръ о Совѣтской Россiи, Эстонiи и т. д.

Перманъ — въ прошломъ лейтенантъ съ погибшаго "Грома" проживалъ въ Ревелѣ и наѣзжалъ въ Гельсингфорсъ для разсчета съ финнами за проданный въ "нетралкѣ" спиртъ.

На мой вопросъ давно - ли онъ былъ въ Россiи Перманъ улыбнулся и отвѣтилъ просто:

— Дней пять тому назадъ навѣстилъ отца и мать. Я повадился ѣздить туда... То дѣло какое либо, то къ роднымъ.

— Вы же рискуете угодить въ "чека", — сказалъ я.

— Бывалое дѣло. Уже меня таскали, къ самому Кедрову возили, а что съ меня взять? Я политикой не занимаюсь. У меня тамъ заказчики. Гриша Зиновьевъ, землячекъ Коркъ, сослуживецъ бывшiй Доброковскiй и еще

кое - кто. Кому поставляю фуфайки, кому чулочки на дамскую ножку, кому и коньякъ Мартель, — отвѣтилъ Перманъ съ хитрой улыбкой.

— Какъ вы попадаете въ "рай", вѣдь это рискованно? — спросилъ я уже не довѣряя собесѣднику.

— На границу поѣздомъ, а оттуда пѣшкомъ. Красноармейцы ждутъ меня. Колбаса, шоколадъ, масло и сыръ для нихъ припасены. Недавно гармонію подарилъ начальнику пункта. Ребята хорошіе, но вотъ финны и китайцы, бѣда. На дняхъ повезу Корку діагонали на галифе и куртку. Съ нимъ у меня давнишняя дружба, — отвѣтилъ онъ глядя на меня проницательными холодно-сѣрыми глазами.

— А вы тоже по нашей части работаете? — спросилъ онъ меня наливая въ стаканъ съ чаемъ спиртъ изъ квадратной жестянки.

— Нѣтъ, я проживаю остатки сбереженій, — усмѣхнувшись сказалъ я, — для вашей работы нужны знанія и капиталъ.

— Главное — дерзость пирата и деньги, — выпивъ полстакана "кнорри" гордо отвѣтилъ Перманъ.

— Этихъ качествъ у меня и нѣтъ, — сказалъ я взглянувъ на сосѣдній столъ, гдѣ "ребята" играли въ "марьяжъ".

— У васъ денегъ много еще есть? — неожиданно освѣдомился Перманъ.

— А что? Кое что есть.

— Входите въ компанію. Мнѣ нуженъ человѣкъ съ небольшимъ капиталомъ. Работа вѣрная. Я начну возить спиртъ въ шхеры Стокгольма, — предложилъ Перманъ и подсѣлъ ко мнѣ на диванъ.

— Начнемъ конкуррировать съ Линдрозомъ и капитаномъ Ниска. Послѣдній, пока, въ Германіи. Я имѣю

три моторныя лодки. Мнѣ нужна новая быстроходная лодка, а деньги въ товарѣ. Я заказалъ двадцать тысячъ литровъ спирта. Надо перебросить шведамъ и мы заработаемъ около 300.000 марокъ. Дѣло, а? — хлопнувъ рукой меня по колѣну произнесъ Перманъ и щелкнулъ языкомъ.

У меня созрѣлъ планъ — войти въ компанію и установить дѣйствительную работу Пермана.

— Я имѣю въ банкѣ тысячъ девяносто, — сказалъ я.

— Гмъ, маловато. Хорошая лодка стоитъ тысячъ двѣсти. Значитъ вы можете вложить ихъ въ дѣло? —

Я задумался — рисковать своими не было охоты.

— Могу, но не всѣ. Тысячъ пять надо оставить на черный день.

— Пять тысячъ не деньги, — бросилъ Перманъ, — отлично! Временемъ вы располагаете?

— Да.

— Хорошо. Завтра вечеромъ заѣзжайте ко мнѣ въ отель "Калева", комната 14. Я буду васъ ждать съ контрактомъ. Заработокъ пополамъ. Согласны?

— Есть, — отвѣтилъ я рѣшивъ пойти на эту авантюру, преслѣдуя опредѣленную цѣль.

— Хватимъ по склянкѣ на удачу и молчокъ. Никому не слова, — сказалъ Перманъ и мигнулъ въ сторону играющихъ тихо добавилъ, — тѣ тоже собираются къ "варягамъ" ѣхать.

Утромъ я далъ объясненіе Бергману и собщилъ о своемъ планѣ войти въ спиртовое дѣло.

Получилъ пачку шведскихъ кронъ на 100.000 марокъ и полное одобреніе.

Перманъ передалъ мнѣ копію контракта, подписанную нами при двухъ свидѣтеляхъ, его знакомыхъ финнахъ, сосчиталъ деньги данныя мною въ дѣло и предложилъ ит-

ти въ ресторанъ поужннать н выпнть за успѣхъ дѣла "литки".

Черезъ нѣсколько дией послѣ вступленія въ "компаиію по доставкѣ спнрта" меня навѣстнлн Бергманъ н Мнклашевскій.

Выслушавъ мой очередный докладъ о настроеніяхъ N полка н растратѣ агентомъ номеръ 5 подотчетной суммы въ 16.000 марокъ, Бергманъ вынулъ нзъ портфеля конвертъ и передалъ мнѣ.

Я вскрылъ, не поннмая въ чемъ дѣло, казеннаго формата конвертъ н вынулъ сложеиный лнстъ бумагн.

— Договоръ на 85.000 фннск. марокъ. Мы нижеподписавшіеся, Густавъ Арвндовнчъ Перманъ н... — дальше чнтать я не могъ. Буквы запрыгали передъ глазамн.

Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу.

Въ моей рукѣ былъ подлнниый контракъ, заключенный между Перманомъ н мной.

— Зиачнтъ его угробнлн, — мелькнула жуткая мысль.

— Получайте обратно вашу подпнсь. Контрактъ расторгнутъ, товарнщъ, и вашн 85.000 марокъ вотъ тутъ, — сказалъ Бергманъ, хлопнувъ по своему портфелю.

— Я не поннмаю въ чемъ дѣло, — выдавилъ я.

— Очень все просто, товарнщъ, — произнесъ Бергманъ, — васъ взялн на "мушку". Перманъ — нашъ сотрудннкъ н мы поручалн вамъ вестн за нимъ наблюденіе провѣрочнаго характера. А дальше, мы этимъ самымъ установнлн н вашу безкорыстность н преданность дѣлу партін. Спаснбо, товарнщъ!

Бергманъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Ну, знаете, разыграли вы со миой комедію, — обидѣлся я, чувствуя, какъ отъ сердца отлнвается тревога.

— Не обнжайтесь, этого требуетъ иаша работа. Оба вы отлнчно разыгралн свон ролн. Я уже сообщилъ объ

этой "сдѣлкѣ" товарищу Павлоновскому, — произнесъ одѣваясь.

Проводивъ ихъ на веранду, я спросилъ Бергмана, что дѣлать съ "номеромъ" — растратчикомъ.

Бергманъ махнулъ рукой:

— Чортъ съ нимъ, отработаетъ.

Онъ былъ въ отличномъ настроеніи и номеръ пятый получилъ "отсрочку".

***

— Навестите предсѣдателя эмигрантскаго комитета Фену и попытайтесь подъ какимъ либо предлогомъ выудить у него цѣль прибытія профессора Карташева, — сказалъ Бергманъ сидя со мной на верандѣ виллы въ Мункнесѣ.

— Мы имѣемъ свѣдѣнія, что Карташевъ прибылъ сюда для свиданія съ прибывшимъ изъ Россіи курьеромъ Врангеля. Если удастся установить его присутствіе въ Финляндіи мы нападемъ на крупную организацію, въ которую входятъ многіе видные работники красной арміи. Выборгскій "особотдѣлъ" располагаетъ данными о прибытіи изъ штаба Врангеля офицера порученій. Выясните это. Кого можно бы пустить въ ихъ организацію? — продолжалъ онъ уставившись какъ будто застывшимъ взоромъ на недвижную гладь залива раскинувшагося передъ нами.

— Развѣ только нашу "Баронессу", — предложилъ я.

— Нѣтъ, эта барынька глупа, ее не слѣдуетъ ставить на такія работы. — возразилъ Бергманъ, — а вотъ нельзя ли вклеить товарища Маслова. Онъ знакомъ съ Фену и Балицкимъ. Предложите ему "пощупать" прибывшаго курьера и узнать обратный маршрутъ. Поставьте наблюденіе за квартирами Фену, Карташева, барона Штенберга, Балицкаго и домомъ Русскаго Комитета. Невозмож-

но ли втереть въ квартиру Балицкаго одного изъ нашихъ для внутренняго наблюденія? Дать его женѣ переписку или на урокахъ французскаго языка поймать на крючокъ?

— Это немудрено, товарищъ, но прока не будетъ. Полковникъ — осторожная птица. Я возьму на себя миссію выяснить все и это самый надежный видъ изъ нашего предположеній. Черезъ нѣсколько дней вы будете имѣть данныя, а можетъ быть и фотографію бѣлаго курьера, — сказалъ я задумавшемуся Бергману и вынувъ изъ кармана рапортъ для передачи Бобрищеву, добавилъ, — пока что мнѣ не удалось скопировать "Устава Общества Русской Колоніи", но я получу оригиналъ и перешлю товарищу Бобрищеву подлинный.

— Подлинный? — спросилъ Бергманъ, повернувъ ко мнѣ оживленное лицо.

— Да! Я подкупилъ кое-кого и тотъ имѣетъ довѣріе у предсѣдателя Фену. Но насколько мнѣ извѣстно, въ этомъ уставѣ нѣтъ ничего интереснаго для штаба Р.К.К.А.

— Не наше дѣло. Приказъ достать — мы достали и баста. Отлично. Очень хорошо. Подлинный, — произнесъ Бергманъ съ какой то загадочной улыбкой и взявъ мой рапортъ, положилъ въ портфель.

— Кто этотъ "кто-то"? — спросилъ онъ, пристально взглянувъ на меня.

— Лицо, пользующееся довѣріемъ и, котораго можно кооптировать въ нашу работу. Но одно непремѣнное условіе: я никогда не назову его имени, — отвѣтилъ я рѣшительно.

— Бѣлый? Финляндецъ или эмигрантъ? — спросилъ Бергманъ раздраженно.

— Бѣлый. Его услугами мнѣ приходилось пользоваться и раньше, — отвѣтилъ я.

— Ну, ладно... Я не понимаю, къ чему эта скрытность. Много ему придется платить?

— Тысячъ пять за порученіе.

— Ого! — воскликнулъ Бергманъ, — у этой сволочи аппетитъ!

— Да, но за то и его данныя хорошія. Подлинный уставъ говоритъ за это, — сказалъ я и всталъ.

Направился къ письменному столу и, взявъ блокнотъ, вернулся къ Бергману.

— Мнѣ нужно тридцать пять тысячъ, — произнесъ я, составляя авансовую расписку, — прошу вашей выдачи.

— На какой предметъ? — спросилъ Бергманъ угрюмо.

— Подотчетныхъ суммъ нѣтъ, а завтра я долженъ заплатить товарищу Хирвонену двадцать одну тысячу марокъ за организацію новаго этапа.

— Хорошо. Задержите его до моего прихода на квартирѣ "Спортсмена". Я дамъ ему инструкціи. Винтовки и наганы находятся въ пограничной комендатурѣ. Переотправка должна происходить осторожно и если эта сволочь влопается, то я дамъ приказъ разстрѣлять его бабу и брата. Вы такъ ему и объясните. Съ ними нечего миндальничать. Деньги берутъ, проклятые, а трусятъ. Сколько числится коммунаровъ въ отрядѣ Хейсканена? — произнесъ Бергманъ, вынимая изъ портфеля пачки новенькихъ кредитокъ и отсчитывая мнѣ просимую сумму.

— По его даннымъ сорокъ три.

— Скотина! Организація отряда въ сорокъ головотяповъ обошлась уже въ полтораста тысячъ. На кой чортъ, вообще, эта Бобрищевская затѣя? Попрячутъ оружіе въ землю и будутъ ждать прихода революціи. А сами не рискнутъ подстрѣлить даже какого нибудь шпика. Эстон-

— разноснлъ финпартійцевъ Бергманъ н, передавъ мнѣ деньгн, опустнлъ портфель на полъ.

— Завтра утромъ я жду васъ около Коркеасаарн съ товарнщемъ Муценекъ. Прибыла партія "камешковъ", надо реализовать срочно. Но уже подыщнте новаго покупателя. Помимо того Павлоновскій прнложнлъ колье въ сто жемчуговъ. Позондируйте уже сегодня покупателя. Относнтельно того таннственнаго сотруднка напншнте мнѣ рапортъ. По ннструкцін, какъ вы знаете, нмя знать н не нужно. Вы отвѣчаете за него, товарищъ, не такъ-лн?

— Вполнѣ, — отвѣтнлъ я н убралъ деньгн.

— Отлично. Не можетъ лн онъ дать намъ на "прокатъ" часть перепнски между Фену и парнжскимъ комнтетомъ. Еслн онъ уже можетъ дать уставъ, то н это возможно. Интересныя пнсьма сфотографируемъ, для вербальной ноты финскому правительству составнмъ докладъ Коппу н дѣло въ шляпѣ. Къ слѣдующей недѣлѣ заготовьте мнѣ списки членовъ компартін, депутатовъ Сейма н укажнте колнчество нхъ выступленій за прошлую сессію. Къ осенн надо чистку провестн по нашнмъ даннымъ, а не по брехнѣ ихъ цнка, — сказалъ Бергманъ, надѣвая пальто н шляпу.

Взялъ свой портфель н, пожавъ мнѣ руку, вышелъ.

Уставъ "Комнтета по оказанію помощн русскнмъ эмнгрантамъ въ Фннляндін" былъ врученъ Бергману.

— Этотъ уставъ не подпнсанъ генераламн Баратовымъ, Миллеромъ, Врангелемъ и Деннкннымъ. Въ немъ сорокъ параграфовъ, а уставъ днсциплнннарныхъ взысканій имѣетъ что-то больше пятидесятн параграфовъ, — сказалъ Бергманъ, недовѣрчиво взглянувъ на меня.

— Прннесите мнѣ этн уставы н я докажу вамъ, что агента вашей развѣдкн надо **ликвидировать,** — предложилъ я Бергману, увѣренный въ нзобрѣтательностн агента.

Бергманъ далъ согласіе представить на провѣрку эти документы.

И черезъ день я сообщилъ ему, что уставы написаны на пишущей машинкѣ одного "бюро перепнски" по заказу Освальда Тирмана. Бобрищевъ и за этн "уставы" уплатилъ "Освальду" нѣсколько тысячъ марокъ.

— Совершенно правильно, аташе получнлъ отъ Освальда эти уставы. Оиъ внимательно изучалъ подписи, скрѣпленную печатью Ньюландскаго губернатора актовую бумагу и прочитавъ нѣсколько переведенныхъ страницъ, сказалъ:

— Настоящая, а въ ней нѣтъ ни черта. Значнтъ у нихъ есть еще другой уставъ, по которому всѣ военнообязанные считаются состоящимн на военной службѣ.

— Такого устава нѣтъ, — сказалъ я.

— Нѣтъ есть! У меня есть свѣденія, что каждый офицеръ получаетъ жалованіе изъ Общевоинской организаціи, — возразилъ Бергманъ, увѣренный въ явной нстинѣ своихъ "свѣденій".

— Товарищъ Бергманъ, это абсурдъ, такихъ суммъ не выдаютъ. Есть пособіе инвалидамъ н неимущимъ, — пронзнесъ я, стараясь убѣднть Бергмана и этимъ избавить себя отъ пріобрѣтенія "второго" устава.

— Хорошо, я вамъ докажу. Агентъ моей развѣдки представилъ мнѣ копію секретнаго устава, — согласился Бергманъ и положивъ въ портфель сфабрнкованные "документы" разсмѣялся.

— Идіота Бобрищева надувалн и продолжаютъ надувать всякими "важными" бумажками, вродѣ этихъ сочнненій угробленнаго Освальда. Ему вчера опять "удалось" купить у финна-коммуниста секретный спнсокъ агентовъ тайной полиціи. Имена начальника и его помощника вѣрныя, а агентура... Ха-ха-ха. Я не нашелъ нн одной на-

стоящей фамиліи — все брехня. А "пятерка" уплыла въ карманъ маргариноваго коммуниста. Знаете такого — Сало, работаетъ въ сенатской типографіи? — продолжалъ онъ съ злораднымъ смѣхомъ.

— Сало? Это-же самый вѣрный агентъ товарища Розенталя, — сказалъ я.

— А теперь онъ у кого въ спискѣ? — спросилъ Бергманъ.

— У товарища Муценека, —отвѣтилъ я, — подъ кличкой "Пекарь".

Лицо Бергмана перекосилось отъ злобы.

— Бандитъ! Я этому Муценеку дамъ жару. Слушайте, товарищъ, это же бар.... въ концѣ концовъ. Розенталь передаетъ провокаторовъ Муценеку, а тотъ, головотяпъ, пользуется ихъ услугами, — воскликнулъ взбѣшенный Бергманъ и что было силы треснулъ кулакомъ по столу.

— Я ликвидирую это. Ахъ "Пекарь", такъ значитъ. Пошлемъ-ка его въ командировку. Розенталю я предпишу убрать эту собаку въ три счета. У васъ тоже агенты Розенталя. Всѣхъ вы знаете?

— Всѣхъ.

— Чуть что замѣтите, сообщите мнѣ. Я не мягкотѣлый Розенталь или наивный Бобрищевъ, меня не надуть. Значитъ "Пекаря" утилизировать. Хорошо, что вы предупредили, товарищъ. Вотъ они финскіе партработники. Провокаторы. Мы съ вами, товарищъ, должны произвести чистку среди нашей агентуры. Я снесусь съ центромъ и приступимъ къ вылавливанію гадинъ. Подберемъ надежный кадръ, увеличимъ имъ окладъ, но за то и потребуемъ работы. У васъ есть на примѣтѣ кто нибудь? — продолжалъ Бергманъ напуганный видимо ненадежностью агентуры.

— Я могу представить отличную агентуру, но тогда они должны подчиняться только мнѣ и находиться въ сферѣ моихъ порученій. Вербовку я произведу среди финскаго пролетаріата, а не партійцевъ типа "Пекарь". Лучшее, что могу посовѣтывать — это обратиться къ комячейкамъ и по ихъ рекомендаціямъ переформировать штаты. Финскому цека я не вѣрю. Тамъ протекціонизмъ: родственный или корыстный. Идейныхъ людей мало. Эту шушеру я знаю, — сказалъ я, нисколько не преувеличивая мнѣиія о финскихъ товарищахъ по партіи.

— Да оно такъ. Товарищъ Менжинскій былъ правъ, говоря послѣ кровавой драки въ финской компартіи, что весь ихъ цека надо сослать въ Соловки, а дезертировъ вродѣ Кусииенъ, Сирола, братьевъ Рахья и другихъ прихвостней партіи разстрѣлять, — произнесъ Бергманъ нервно теребя край скатерти.

— Вы правы, товарищъ Бергманъ, — согласился я, — это была ошибка центра, что послѣ бѣгства финскаго совнаркома изъ Гельсингфорса не ликвидировали его, какъ предлагали товарищи Дыбеико, Лацисъ и Ягода. Теперь выясияется, что типы авантюристовъ Хаайалайнена, расхитивъ имущество финказначейства, вмѣсто участія въ руководствѣ военныхъ операцій, проигрывали въ "очко" милліоны марокъ, бросивъ красиую армію на разстрѣлъ нѣмцамъ и бѣлофиннамъ.

— Ну, ладно, еще и имъ будетъ крышка, — произнесъ Бергманъ вставая, — а теперь напишите мнѣ рапортъ о "Пекарѣ" и соберите матеріалъ о бывшихъ членахъ финцека.

Бергманъ ушелъ, условившись вызвать меня по телефону черезъ нѣсколько дней.

XVI

По распоряженію Бобрищева мнѣ поручили произвести вербовку среди рабочей молодежи десяти наиболѣе развитыхъ и способныхъ “комсомольцевъ” для отправки на командные курсы въ Петроградъ. Каждому кандидату полагалось: подъемныя и путевыя въ суммѣ девяти тысячъ марокъ. Финскій партком составилъ мнѣ списки, а Бобрищевъ, Муценекъ и я произвели тщательный контроль кандидатовъ и назначили смотръ въ Пакинкюльскомъ лѣсу.

Раннее утро... Проѣзжая мимо моей виллы, военкомъ и Муценекъ захватили меня въ автомобиль.

Мы понеслись къ назначенному мѣсту, изъ предосторожности пользуясь, на сей разъ, наемной машиной, — правилъ ею партіецъ — шофферъ Репола. Въ лѣсу, на полянѣ, насъ ждала группа “кандидатовъ” во главѣ съ Бергманомъ.

Бобрищевъ окинулъ начальническимъ окомъ молодыхъ парней лѣтъ по 20-22 и черезъ меня передалъ имъ свое привѣтствіе и пожеланіе успѣшно закончить курсы.

Потомъ Бобрищевъ произнесъ слѣдующую рѣчь, которую я перевелъ не безъ ошибокъ:

— Товарищи - коммунары, дѣло освобожденія порабощенной фашистами и капиталистами пролетарской массы, требуетъ вашей военной подготовки къ грядущему бою между “бѣлыми” насильниками и рабочими массами. Учитесь руководить и дѣйствовать, пріобрѣтите опытъ бойца и политработника. Наряду съ ручной гранатой пользуйтесь живымъ словомъ пропаганды. Русскіе товарищи помогутъ вамъ въ вашей борьбѣ и борьбѣ всего пролетаріата. Я, отъ имени трудящихся РСФСР, привѣтствую васъ, товарищи, и надѣюсь, что вы вернетесь сюда, упоенные борьбой и местью за жертвы 1918 года!

Онъ обошелъ фронтъ и каждому "кандидату" потрясъ руку.

Ребята пробормотали въ отвѣтъ:

— Koitamme*).

Каждый изъ отправляемыхъ подписалъ заготовленную мною подписку и получилъ деньги.

Я объяснилъ какимъ образомъ слѣдуетъ имъ ѣхать къ "этапу", откуда уже — въ РСФСР.

Къ мѣсту назначенія никто не прибылъ.

Имъ было предписано отправиться въ Н-ый районъ на сплавныя работы, по два-три человѣка записаться въ артель и, когда всѣ будутъ въ сборѣ, ждать проводника.

Въ то время "финско-совѣтское" анонимное общество, возглавляемое одной финской милліонершой-коммунисткой, производило крупныя лѣсныя разработки около совѣтской границы и тамъ были устроены три новыхъ "этапа" для перехода границъ. "Кандидаты" разошлись по лѣсу, а мы поѣхали обратно.

По пути Бергманъ сообщилъ, что ночью прибыла телеграмма, оповѣщающая о прибытіи члена ВЧК — Исаева-Горскаго.

Онъ ѣхалъ по мандату Наркомпроса въ Берлинъ и долженъ былъ произвести ревизію гельсингфорскаго отдѣла.

— Приготовьте подробный докладъ для ревизора и помимо того напишите ему сводку по вашей оперативной части. Если онъ спроситъ васъ о количествѣ членовъ партіи военячеекъ и рабячеекъ лучше увеличить данныя. Не забудьте упомянуть о вашей работѣ въ области фильтраціи партіи и настаивайте на чисткѣ. Товарищи Муценекъ и Бобрищевъ дадутъ ему согласованный съ вами матері-

*) Попробуемъ.

алъ. Мы будемъ поддерживать ваше мнѣніе о необходимости сократить выдачу коминтерномъ безотчетныхъ суммъ группировкѣ Куусинена. Что же касается жалованія, выплачиваемаго членамъ сейма, поясните ему, что это излишне. Дармоѣды, — сказалъ Бергманъ, натравливая меня противъ коммунистовъ — членовъ сейма.

— Не стоитъ ли, за одно, намекнуть ревизору о необходимости организаціи "союза возвращенія на родину" — спросилъ я, зная, что Бергманъ выдвигаетъ такой планъ и возлагаетъ на него большія надежды.

— Понятно, понятно! Вы же лучше насъ знаете настроенія бѣженскихъ массъ, — отвѣтилъ Бергманъ и обращаясь къ Бобрищеву добавилъ: не такъ-ли?

Атташе поднялъ плечи, и, зѣвнувъ, отвѣтилъ:

— Ни черта изъ этого не выйдетъ. Тутъ мало эмигрантщины во первыхъ, а во вторыхъ — нищеты то нѣтъ. Все такіе рябчики, что ихъ нашимъ овсомъ не заманишь. Попробуйте, мнѣ все равно. Поддержу.

— Можно взять на "курьерѣ", купить или обѣщать амнистію поголовно, — продолжалъ Бергманъ, — важно хоть нѣсколько дураковъ выудить, чтобы фронтъ разбить. Я хочу предложить Павлоновскому разрѣшить консульству опубликовать въ мѣстной печати объявленіе съ призывомъ возвращенія въ РСФСР. Можно расписать объ амнистіи и такъ далѣе. Первую партію приняли бы съ музыкой. Ха-ха-ха! Написали бы письма, хваля пріемъ, глядишь, другіе пошли бы. Въ Германіи работаютъ товарищи, а мы околачиваемся. Не дѣло!

— Тамъ, товарищъ, иной вопросъ. Германцы нажимаютъ на бѣлогвардейщину, а тутъ имъ лафа. Лучше за мой проэктъ взяться, — произнесъ Бобрищевъ задергивая занавѣску въ окнѣ автомобиля.

— Пустить десятокъ агентовъ въ эмигрантщину и

выбросить нѣсколько сотъ тысячъ безуспѣшно, — недовольно пробурчилъ Бобрищевъ.

— Отнюдь нѣтъ. Я плачу каждому офицеру независимо отъ его прошлаго пятнадцать тысячъ въ мѣсяцъ и командирую на работу. Я имѣю заказъ навербовать сорокъ или пятьдесятъ информаторовъ изъ среды бѣлахъ. Товарищу Гаррису нужно шесть для Алжира, Петроянцу четыре моряка въ Грецію и въ Софію, Мальскому троихъ или четырехъ штабъ-офицеровъ. Вы думаете это легкое порученіе? — возразилъ Бобрищевъ и, взглянувъ на часы на рукѣ, добавилъ, — охъ, уже девять часовъ.

— Что прямой проводъ? — спросилъ Муценекъ.

— Да, у аппарата Тухачевскій. Навѣрное опять что нибудь сложное закатятъ мнѣ, — отвѣтилъ аташе не безъ гордости.

— А какъ дѣла съ "посылкой"? — спросилъ снова Муценекъ съ едва замѣтной улыбкой на скуластомъ лицѣ.

— Запрашивалъ два раза, канитель одна. Я напишу жалобу на "инотдѣлъ". Мнѣ до зарѣзу нужны "инструменты"*), а они тянутъ, — отвѣтилъ Бобрищевъ, взглянувъ на меня.

Проѣхали Сенесъ.

— Высадите меня около моста, — предложилъ я, рѣшивъ ѣхать на трамваѣ къ себѣ.

Муценекъ постучалъ шофферу.

— Завтра ночью я буду у васъ съ Горскимъ, — произнесъ Бергманъ и открылъ дверь автомобиля.

Бергманъ, Муценекъ и Горскій прибыли. Въ Горскомъ я узналъ жестокаго садиста МЧК — помощника комендата Хирьякова, "того самаго" товарища Хирьякова, о которомъ даже такой лютый палачъ, какъ Атарбековъ, отзывал-

*) Деньги въ иностранной валютѣ.

ся, какъ о "безсердечной личности". Маленькій, съ голой, дынеобразной головой, рябымъ, со впалыми щеками, лицомъ и быстро бѣгающими рысьими глазами. Непропорціонально длинны были руки у Горскаго, его называли "Гориллой".

Онъ прочелъ мой докладъ и, видимо, удовлетворенный, сказалъ:

— Работаете сносно, но надо кореннымъ образомъ планъ работы измѣнить. Надо реальной работы, а не однѣ бумажныя исторіи. Пора финскому пролетаріату стукнуть по черепу буржуазіи. Въ задачу входитъ организовать уличное выступленіе: смотръ нашимъ силамъ. Поняли? Я оставлю товарищу Бергману планъ первомайскаго выступленія, а вы должны, товарищъ, принять мѣры къ активнымъ дѣйствіямъ финской партіи. Изберемъ же ревкомъ и къ маю все подготовимъ. Товарищи, я настаиваю! Времени много, средства отпущены и красные командиры будутъ присланы. Какіе полки по вашему пригодны для распропагандированія?

Бобрищевъ отвѣтилъ:

— Тридцать первый и девятый.

— Ячейки сильны? — спросилъ снова Горскій.

— Усилили на сорокъ процентовъ по полученіи предписанія главштаба, — отвѣтилъ аташе, взглянувъ на меня многозначительно.

— А сколько нашихъ, допустимъ, на роту выйдетъ? — не удовлетворился отвѣтомъ Горскій.

— Человѣкъ пятьдесятъ гарантирую, — солгалъ Бобрищевъ, не смущаясь.

— Маловато, но къ тому времени поднять можно. Вооруженіе для коммунаровъ затребуйте черезъ товарища Эйхманса. Общее руководство выступленіемъ будетъ возложено на товарищей Сирола и членовъ подпольнаго

ревкома. Вы, товарищъ Бобрищевъ, выработайте плаиъ захвата государствеиныхъ здаиій, главштаба шюцкорскихъ бандъ. На всякій случай, понятно, оргаиизуйте медицинскіе пуикты для иашихъ налетчиковъ. Я пришлю удариую группу курсаитовъ-фиииовъ. Словомъ, въ будущемъ маѣ надо напугать бѣлогвардейщину и покрошить мяса, — произиесъ Горскій, ехидно улыбиувшись и сожмуривъ глазеики.

Порывшись въ своемъ портфелѣ, оиъ выиулъ какіе-то мелко - исписаииые листки и, обращаясь ко миѣ, сказалъ:

— Кто у васъ работаетъ въ политполиціи? Почему вы ие устроили тамъ информатора, а? Упущеиіе. Почему до сихъ поръ ие исполиеиъ приказъ добыть переписку Миллера и Карташева? Кто работаетъ у васъ въ главштабѣ шюцкора? Почему вы ие даете приказовъ по арміи и флоту? Такъ дальше ие идетъ. Отъ имеии предсѣдателя дѣлаю вамъ выговоръ и предписываю письмеиио отвѣтить по всѣмъ вопросамъ.

— Вы, товарищъ, не въ курсѣ условій мѣстиой работы, — возразилъ я, выслушавъ выговоръ чекиста, — тутъ не легко достать иифорыаторовъ среди офицерства шюцкора и арміи.

— А, что вы говорите! — рѣзко оборвалъ меня Горскій, — деиьгами все можио сдѣлать. Купите, дайте пятикратиое жалованіе, хочетъ еще — отвалите сволочи еще. Я требую работы, а ие "докладовъ"! Поияли?

Я замѣтилъ, какъ лицо Бергмаиа перекосилось отъ гиѣва. Оиъ ие удержался и бросилъ:

— Товарищъ, ваши упреки иеумѣстиы! Мы дѣлаемъ все, что возможно. Не всегда деиьгами можио дѣлать работу.

Горскій оторопѣлъ.

— Я уполномоченъ настаивать на продуктивной работѣ, товарищъ Бергманъ. Въ центрѣ недовольны. Лично я знаю, понимаю, но тамъ, понимаете?

— Почему же намъ не предписывали? А теперь вы разражаетесь громомъ — произнесъ Бобрищевъ колко.

— Хорошо, не будемъ ссориться. Вы заполните, товарищъ Смирновъ, брешь вашей работы, а теперь давайте обсудимъ, что намъ дѣлать съ финскими депутатами сейма? Такъ дальше не можетъ продолжаться. Какъ только они вернутся съ каникулъ, надо ихъ взять въ работу. Они должны начать работать, иначе мы ихъ уберемъ! Газета ихъ труситъ, рѣчи ихъ — патока, а не революціонный призывъ. Я имѣю выписку изъ суммы выдачъ западной секціи. Финны содрали съ насъ почти 2.000.000 марокъ на работу, а что мы имѣемъ? Три тысячи членовъ партіи и ораву прихлебателей. "Мопръ" тратитъ сотни тысячъ на поддержаніе какихъ то женъ и дѣтей удравшихъ съ постовъ революціи эсдековъ. Я прошу васъ, товарищи, особенно бдительно слѣдить за членами сейма. Ихъ доклады центру — бредня. Что ни мѣсяцъ, то суммы пособій на пропаганду растутъ. По ихъ даннымъ, революція вотъ-вотъ вспыхнетъ и бѣлогвардейщинѣ смерть. Какой вздоръ! Всю переписку секціи и парткома надо пересмотрѣть. У нихъ тамъ все по домашнему. По финляндски, а не по коммунистически. **Компанія братьевъ Рахья — это партія, а семейство Куусиненъ — секція.** Я имъ, дармоѣдамъ, перо вставлю, — произнесъ Горскій, отводя свой гнѣвъ на финнахъ-партійцахъ, вполнѣ заслужившихъ эпитеты "паразитовъ" партіи.

Еще нѣсколько "грозныхъ" предписаній, и товарищъ Горскій отбылъ въ автомобилѣ Бобрищева ревизовать дѣлопроизводство лидера компартіи, члена сейма М. въ Пакинкюля.

XVII.

Прибытіе новаго секретаря Залкинда, замѣнившаго Коренца, ознаменовалось изряднымъ кутежомъ въ одной изъ конспиративныхъ квартиръ Бобрищева.

За прекрасно сервированнымъ столомъ усѣлись — самъ "герой дня", членъ западной секціи Исполкома Коминтерна, юркій, жгучій брюнетъ лѣтъ тридцати пяти, Залкиндъ, военатташе Бобрищевъ, Бергманъ, Муценекъ, завѣдующій бюро печати — Рабиновичъ, чекистъ — курьеръ берлинскаго полпредства Рыбниковъ, секретарша Залкинда — миловидная Ирма Левисъ и я.

Функціи оффиціанта исполняли два партійца — финна изъ полпредства, а "кухня" находилась въ распоряженіи повара столовой при торгпредствѣ.

"Сухой режимъ" страны не касался чиновъ дипломатическаго корпуса, поэтому столъ нашего пиршества представлялъ всѣ "буржуазные" напитки, начиная отъ старой смирновской "бѣлой головки" и кончая великолѣпнымъ, выдержаннымъ густымъ малага. Залкиндъ привезъ изъ Москвы семги, икры, копченыхъ налимовъ и фруктовъ.

Хозяйкой избрали секретаршу Левисъ, "виночерпіемъ", понятно, Муценека. За обѣдомъ Залкиндъ похвастался о своихъ политическихъ достиженіяхъ въ Абиссиніи, разгромилъ германскихъ "соціалъ-предателей" и намекнулъ на какую то важную миссію, ввѣренную ему Коминтерномъ.

По мѣрѣ того, какъ увеличивались ряды пустыхъ бутылокъ, рѣчь присутствующихъ отходила отъ коммунизма, партіи, пролетаріата, СССР и насыщалась "буржуазной" терминологіей, какъ "элегантно-сшитый фракъ",

"курортъ", "кабаре, "герлсъ", "шикарное меню", "каюта перваго класса" и т. д.

Залкиндъ и Бобрищевъ кичились своимъ "европеизмомъ" и не "брезгали" упоминать о прошломъ.

Послѣ обѣда засѣли за карты.

Везло Муценеку и послѣ трехчасовой игры его выигрышъ превысилъ сумму въ 130.000 марокъ.

Тѣмъ временемъ я "увлекся" Ирмой и расположившись на диванѣ за чашкой кофе и рюмкой бенедиктина бесѣдовалъ съ ней о Москвѣ, ея прошломъ и намѣреньяхъ будущаго.

— Москву не узнать теперь, — сказала она, какъ то стыдливо опустивъ свои золотистыя рѣсницы, — она похожа на гигантскую обитель нищихъ, голодныхъ и бездомныхъ. Дѣтишекъ — несмѣтные легіоны. Безпризорные. Какая то давящая разумъ и душу незримая сила гнететъ ея жителей. Я не понимаю, но и мнѣ въ Москвѣ было всегда непомѣрно грустно и печально. У меня все было, я не могла ни на что жаловаться, но вотъ въ душѣ не находила покоя.

— Вы, понятно, партійная работница, — спросилъ я.

— Да, уже два года состою членомъ Р.К.П. Между нами говоря, меня иной разъ охватываетъ отчаяніе, какая то внутренняя неудовлетворенность приводитъ къ этому... Тамъ же ничего нѣтъ связывающаго... Семья погибла... Бракъ — низведенъ до простого разврата. Товарищи, интеллигенты и пролетаріи, всѣ опошлились, одичали и мѣняютъ женъ чаще рубахъ. А мнѣ вотъ это не по душѣ. Не могу привыкнуть къ такому первобытному образу жизни. Мнѣ кажется я не понимаю нашихъ мужчинъ. Водоворотъ коммунизма убилъ въ нихъ то, что облагораживаетъ сильный полъ. Вы не поймете меня и подумаете, что я сохранила буржуйскую или мѣщанскую сусальную пси-

хологію. Но пусть такъ — все - же жаль, что умираетъ все то, что было красивымъ и ради чего стоило жить, — отвѣтила оиа печальио вздохиувъ.

— А развѣ ради идеи ие стоитъ жить? — спросилъ я подливая въ бокалъ виия.

Оиа покачала завитой головой и бросивъ взглядъ на играющихъ, тихо отвѣтила:

— Развѣ это идея? Ради идеи и я пошла въ партію, была иа тифозиомъ, голодиомъ фронтѣ, а дальше что? Я видѣла смерть русскаго крестьяиииа и рабочаго на фроитѣ, видѣла разстрѣлы и безсудиыя казии въ тылу. Ну, думала, коичится граждаиская войиа — все будетъ хорошо, расцвѣтетъ братство, любовь залѣчитъ раиы измучениаго иарода и солице коммуиизма согрѣетъ всѣхъ. Такъ думала я, а что же теперь вижу? Отъ крестьяиъ отиимаютъ хлѣбъ, скотину, а рабочихъ ссылаютъ иа Соловки. Кому же жить вольио и хорошо? Намъ, партійцамъ. Видите, мой шефъ жаритъ въ карты. Красиво-ли это? Мы пьемъ съ вами ликеръ. Честио-ли это? Гдѣ нибудь иа Волгѣ тысячи голодиыхъ семей ѣдятъ древесиую кору съ прогиившимъ овсомъ, а мы лакомимся балычкомъ и зериистой икрой. Вотъ до чего доводитъ служеиіе идеѣ. Преступиая ложь все.

— Вы разсуждаете, Ирма Васильевиа, совсѣмъ какъ "бѣлогвардейка", — пошутнлъ я улыбиувшись.

— Отиюдь иѣтъ, я говорю голую правду, — возразила безстрашио оиа, — такихъ мнѣній придерживается большая часть тѣхъ партійцевъ, которые увидѣлн подлиниый ликъ совѣтской бюрократіи. Почему же теперь уходятъ изъ жизии молодыя, миогообѣщающія силы партіи? Вмѣсто идейиой работы — подхалимство, вмѣсто коммуиизма — цниичный пронзволъ "киязей" партіи. Нѣтъ, мы идемъ по иевѣриому пути. Вмѣсто царства со-

ціализма восторжествовалъ **Хамъ,** облеченный властью деспота. Страшно за Россію, товарищъ. Страшно.

Въ словахъ моей собесѣдницы таилась искренняя боль и разочарованіе.

Она взяла бокалъ вина и задержавъ взглядъ на золотистой влагѣ, задумчиво сказала:

— **Тамъ** стали пить. Пьянство и развратъ. "Рыковка*)" **спаиваетъ народъ.**

Къ намъ подошелъ Рабиновичъ.

— Продулся, — сказалъ онъ грузно опускаясь на диванъ возлѣ Левисъ.

— Много? — поинтересовался я.

— Двадцать тысячъ ухлопалъ, — безразлично бросилъ "завпечати" и, вынувъ портсигаръ, закурилъ сигарету.

— Кому же везетъ? — спросила Левисъ, поставивъ бокалъ на столъ.

— Муценекъ кроетъ всѣ карты, — разведя руками отвѣтилъ Рабиновичъ и взглянувъ на бутылку ликера, добавилъ, — выпьемъ, товарищи.

Я наполнилъ рюмки.

Вечеромъ подъ аккомпаниментъ піанино, подвыпившій Бергманъ пропѣлъ "буржуазный" романсъ:

— Молчи грусть, молчи.

На краткое мгновеніе я забылъ о томъ, что нахожусь на конспиративной квартирѣ въ средѣ лицъ, которыя, погубивъ Россію, прилагали всѣ усилія къ превращенію свободной демократической Финляндіи въ **"красное", "пролетарское", безправное царство насилія, казней, голода, грабежа, оскверненія церквей и распятія духовной красоты Человѣка.**

---

*) Водка.

Разъѣхались поздно ночью...

Небесный пологъ сіялъ гирляндами звѣздъ. Была дивная ночь...

Не вѣрилось, что **тамъ**, далеко-далеко, надъ необъятной страной стомилліоннаго порабощеннаго народа нависла безпросвѣтная тьма, въ которой крикъ разстрѣливаемыхъ и стонъ голодныхъ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

По мирному договору Р. С. Ф. С. Р получила домъ на Бульварной улицѣ и всѣ учрежденія съ Эспланадной улицы перешли въ новое помѣщеніе. По этому случаю полпредъ Черныхъ рѣшилъ дать раутъ...

Были разосланы приглашенія, заказана изъ Москвы икра и цѣлый вагонъ фруктовъ, винъ и серебра прибылъ въ Гельсингфорсъ Дорогая мебель, ковры, хрусталь и цѣнныя картины украсили комнаты "посольства" грабителей и шпіоновъ.

Одна спальня "пролетарскаго" представителя обошлась въ 250.000 марокъ!

Девять чекистовъ полпредства заказали фраки за счетъ... РСФСР. Мадамъ Черныхъ украсила шею жемчугами... баронессы П., разстрѣлянной въ Петроградѣ послѣ убійства Володарскаго.

Азіатская физіономія Ленина въ рамѣ краснаго дерева взирала со стѣны косыми глазами на элегантное общество гостей, а въ средѣ приглашенныхъ "работали" спеціально прикомандированныя дамы наркоминдѣла — агентки ВЧК — Ларіонова, Бѣльская и мадамъ Устинова-Крамская.

Устинова - Крамская (Фанни Абрамовна Бродская) осталась при бюро Бобрищева переписчицей и завѣдывающей отдѣломъ заготовки документовъ. Натасканная Петровскимъ, спецомъ по фабрикаціи фальшивокъ, Крам-

ская блестяще оперировала съ различными химическими составами для подмывки подписей и снятія печатей.

Я видѣлъ однажды заграничный паспортъ съ семью визами, выдаииый 57-лѣтнему латышскому подданному, "омоложенный" для курсанта германской компартіи. Отъ визъ не осталось слѣда, но зато разрѣшеніе рижской полиціи на выѣздъ заграницу носило свѣжесть краски.

Большинство паспортныхъ книжекъ печаталось въ бывшей Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ особомъ отдѣлѣ, подъ руководствомъ товарищей Гейнчика и Витольсъ. **Образцы** доставлялись консульствами РСФСР или же агентурой иностранныхъ отдѣловъ ВЧК. Я зналъ случай, когда одинъ городской совѣтиикъ, коммунистъ шведской партіи, по паспорту болгарскаго происхожденія, получилъ подлинную визу въ **англійскомъ** паспортиомъ отдѣлѣ, гдѣ обычио устанавливалась подлинность докумеитовъ.

Однако, съ этого паспорта Фанни Абрамовна сняла всѣ даниыя о Радко Федоровичѣ и внесла имя "Олафа Срема"...

Въ связи съ переходомъ отдѣловъ ВЧК, "Мопра", "Коминтерна" и "Региструпа" въ здаиіе полпредства, на Бульвариой улицѣ, иа Эсплаидной улицѣ остался торгпредъ и хозяйственный аппаратъ миссіи.

Надзирать за персоналомъ назначили коменданта зданія Муценека и ему дали въ помощиики вѣчно пьянаго и нанюхавшагося кокаиномъ, бывшаго матроса, друга Дыбенко — Петрова II. Швейцары, истопники, прислуга и уборщицы, члены финкомпартіи, получили экономомъ чекиста Клячко. На телефонную станцію назиачили надежныхъ "барышень" — товарищей Розенбергъ и Бѣлякову.

Работа развертывалась въ крупномъ масштабѣ.

Агеиты Бергмана, Бобрищева, Муцеиека и Клячко по-

сѣщали полпредство подъ видомъ просителей, поставщиковъ, полотеровъ, моитеровъ, обойщиковъ, столяровъ и т. п. Приходили съ иструмеитами и безъ иихъ.

Всѣхъ прииималъ Клячко или Муцеиекъ, а потомъ уже иаправлялъ по "номерамъ" комиатъ.

Къ Бобрищеву былъ самый трудиый доступъ.

Чтобы попасть въ его этажъ иадо было имѣть три пропуска и личный вызовъ по телефоиу.

Изъ всей агеитуры только иѣкій фиинъ, амиистированиый смертиикъ К. имѣлъ право посѣщать аташе безъ тройныхъ пропусковъ.

Миѣ былъ воспрещеиъ входъ вообще въ здаиіе РСФСР.

Бобрищевъ "горѣлъ" работой, строилъ плаиы иа будущее и подъ шумокъ заиимался далеко ие пролетарскими дѣлами: кутилъ и копилъ доллары, иногда предлагая миѣ давать ему фиктивиые счета иа особой важиости расходы, — половииу суммы оиъ переводилъ иа доллары и просилъ купить ему валюты.

Счетъ обычио представлялся въ двойиомъ или тройномъ размѣрѣ, — таковъ былъ уже порядокъ, ио только между **своими.**

Одииъ счетоводъ торгпредства вздумалъ было примазать къ счету лишиюю тысячу марокъ, ио, уличеииый въ преступлеиіи, подвергся отозваиію въ цеитръ и угодилъ иа Соловки. Взятки брали всѣ. Въ торгпредствѣ партійцы-спецы, въ полпредствѣ — коисульскіе агеиты и экоиомъ Клячко. А сколько десятковъ тысячъ фииских марокъ гербоваго сбора, взимаемаго съ "прошеиій" возвращеицевъ, осталось въ карманахъ товарищей секретарей, одиимъ лишь имъ извѣстио.

Осеиью, когда Бобрищевъ вериулся съ октябрскихъ торжествъ, его ожидала иепріятиость. Полпредъ Чериыхъ

вызвалъ его въ кабинетъ и передалъ пожеланіе финскаго правительства объ его отозваніи изъ Финляндіи.

Бобрищевъ вызвалъ по прямому проводу Тухачевскаго, потомъ послалъ шифровку Павлоновскому, ночью снова прямой проводъ, но тщетно. Центръ просилъ сдать дѣла и выѣхать въ распоряженіе управленія военагентами РСФСР.

Теперь стало ясно — финское правительство знало истинное назначеніе военнаго агента РСФСР и его нежелательность въ странѣ объяснялась раскрытіемъ тайнъ пятаго этажа.

Я узналъ это поздно ночью отъ прибывшаго ко мнѣ Бергмана. Мы стояли передъ важной задачей: безспорно въ финской агентурѣ были свѣдѣнія о дѣятельности Бобрищева, но источника не знали.

— Если и меня тронетъ этотъ приказъ, я, прежде чѣмъ уѣхать, **разстрѣляю** провокатора, — сказалъ Бергманъ въ заключеніе и отъ этого заявленія мнѣ стало не по себѣ.

— Всю агентуру Бобрищева надо уволить. Очень ужъ онъ довѣрялъ имъ. Нельзя ли узнать въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда тамъ свѣдѣнія? — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія и, взглянувъ на меня добавилъ, — пятьдесятъ тысячъ марокъ даю на это дѣло. Попробуйте подкупить кого нибудь.

— Товарищъ Бергманъ, тутъ не въ деньгахъ дѣло, на очереди наши общіе интересы. Я даю вамъ слово, что въ ближайшіе дни раскрою все и изоблачу предателя. По моему — это то же лицо, которое предало уже товарищей Розенталя и Сайріо. Его надо искать въ мелкой агентурѣ. Нѣтъ, товарищъ Бергманъ, эта рыба плаваетъ въ глубокой водѣ. Дайте мнѣ срокъ нѣсколько дней, и я приведу вамъ

данныя, отъ которыхъ влетитъ и Бобрищеву и Розенталю, — сказалъ я.

— Кого вы подозрѣваете? — почти вскрикнулъ Бергманъ.

— Товарищъ Бергманъ, какъ вы думаете, можетъ ли идейный коммунистъ, подпольный работникъ якшаться съ агентами полиціи, принимать ихъ у себя на квартирѣ и, скажу больше, считать себя женихомъ дочери "мясника"? — спросилъ я Бергмана.

— Если это въ вашихъ интересахъ, то почему нѣтъ? — воскликнулъ онъ, не понимая, очевидно моего вопроса.

— А если наши интересы уже проданы? — спросилъ я.

— Почему вы молчали? Кто эта сволочь? — грубо, потерявъ самообладаніе, крикнулъ Бергманъ, вставая.

— Это вашъ уполномоченный — товарищъ Киппасто, — бросилъ я вызывающе.

— Киппасто! Такъ онъ же въ Ленинградѣ. Ага, собака! Ну, чортъ подери, устроимъ же ему теперь "мальчишникъ". — уже радостно сказалъ Бергманъ и, схвативъ со стола шляпу, бросился къ двери, гдѣ висѣло его пальто.

— Я поѣду. Сейчасъ сообщу все по проводу и предпишу арестовать шпіона до прибытія спеціальнаго курьера съ моимъ докладомъ. Все же, товарищъ, дайте мнѣ весь матерьялъ по этому дѣлу, — сказалъ Бергманъ, одѣваясь .

— Я представлю вамъ скрѣплечный показаніями надежныхъ товарищей докладъ и прошу вашего распоряженія ликвидировать провокатора Киппасто въ ближайшіе дни. У меня имѣются данныя, что онъ сейчасъ находится въ Ленинградѣ и въ Москвѣ по дѣлу бѣлофиновъ — шпіоновъ "23 группы". Причастныя къ этой организаціи лица находятся внѣ Россіи и предупрежденныя Киппасто, по-

нятно, въ Россію больше не вернутся. Отозваніе Ардальона Александровича помѣшало мнѣ раскрыть крупную организацію нашихъ провокаторовъ курьеровъ. Придется ограничится пока однимъ Киппасто — пояснилъ я Бергману частичный матеріалъ о Киппасто и Ко. Мнѣ представился, наконецъ, случай избавиться отъ шантажиста - провокатора и поэтому я рѣшилъ "уличить" его въ предательствѣ Бобрищева, зная напередъ, что Бергманъ распорядится разстрѣлять его по секретному пункту "положенія о секретработникахъ за границей".

Киппасто насчитывалъ, по моимъ свѣдѣніямъ, 9 "шпіонскихъ" процессовъ и по имъ было разстрѣляно не менѣе сорока человѣкъ, но ни одинъ изъ преданныхъ ВЧК агентовъ "Антанты" или "Союза Освобожденія Россіи" не былъ причастенъ къ этимъ организаціямъ, а всѣ подвергались разстрѣлу по рапортамъ Киппасто и его банды финновъ - контрабандистовъ. Но Бобрищеву эти процессы давали "имя" и деньги.

Зналъ я и то, какъ Каписто, по распоряженію Бобрищева, доставилъ въ Ленинградъ на квартиру бывшаго однополчанина пакетъ антибольшевицкихъ, напечатанныхъ въ бюро атташе, листовокъ, и капитанъ Иваницкій былъ арестованъ и разстрѣлянъ, какъ явный организаторъ возстанія.

Помимо чисто провокаціонной дѣятельности, Киппасто организовалъ еще одну банду перевозчиковъ черезъ границу и за высокіе гонорары "вывозилъ" изъ предѣловъ совѣтовъ "буржуазію", но жертвы его дьявольскихъ затѣй дальше границы не достигали — тамъ ихъ грабили и разстрѣливали. Жертвами этой банды сотрудниковъ Бобрищева пали: графиня Г., московскій домовладѣлецъ Х., капитанъ флота Кирѣевъ и вдова генералъ - майора

Я-ская, у которой Киппасто передъ разстрѣломъ отобралъ 5000 финскихъ марокъ.

Мои разсчеты оправдались — Бергманъ телеграфно сообщилъ центру о предательствѣ Киппасто и его разстрѣляли до пріѣзда Бобрищева.

Послѣ ликвидаціи главнаго бандита, я сообщилъ Бергману собранный мной матерьялъ о его шайкѣ. Оставалось еще четыре агента, входящихъ въ "пятерку". Арвидъ Матсонъ, Пекка Турунёнъ, Суло Сальминенъ и Эро Карки — всѣ жители деревни, расположенной за Сестрарѣкой...

Прошло дней пять послѣ нашего разговора о бандѣ Киппасто, и Бергманъ показалъ мнѣ фотографію, сказавъ усмѣхнувшись:

— Поглядите на вашу работу.

Я взялъ фотографію.

Около каменной изгороди на фонѣ кирки стояли привязанные къ елямъ четыре парня. Сорванныя рубахи валялись у ихъ ногъ.

Лицо Арвида Матсона было изрѣшетено пулями, а груди остальныхъ послужили мишенью красноармейцамъ отряда "финчека"....

— Вашъ докладъ угробилъ парнишекъ, — произнесъ Бергманъ и хлопнувъ портсигаромъ, закурилъ.

— Когда же? — спросилъ я.

— Въ тотъ день, когда телеграмма прибыла къ товарищу Андрингу. Это плевое дѣло: имена и номеръ для расхода. Мотивы письменно, — отвѣтилъ Бергманъ равнодушно.

Я вернулъ ему фотографію и подумалъ облегченно:

— Пятью гіенами меньше.

XVIII

Мункенскую виллу пришлось перемѣнить на квартиру въ громадномъ акціонерномъ домѣ въ Сернесѣ. Слишкомъ была "натаскана". Одинъ изъ партійцевъ купилъ за 90.000 марокъ пай и поселился въ двухъ комнатахъ, а три перешли мнѣ.

Мебель была пріобрѣтена за мой счетъ, и на новосельи меня посѣтили Бергманъ, Муценекъ, новый военагентъ Петровъ и агентъ коминтерна докторъ Вельмеръ-Поляковъ.

Поляковъ только что прибылъ изъ Ревеля, гдѣ онъ проживалъ вполнѣ легально, какъ оптантъ. Высокій брюнетъ съ холеной бородой, въ изящной визиткѣ. Въ петлицѣ — значекъ военно-медицинской академіи. Онъ владѣлъ аглійскимъ, французскимъ, эстонскимъ, нѣмецкимъ и русскимъ языками.

Петровъ — бывшій лейтенантъ, недалекій хвастунишка, партіецъ и пріятель Раскольникова.

Послѣ ужина мы собрались въ гостиной и приступили къ разработкѣ плана организаціи вооруженнаго возстанія въ Ревелѣ. Поляковъ, какъ делегатъ эстонскаго подпольнаго ревкома, набросалъ планъ выступленія, надо сказать, до смѣшного нелѣпый и "простой".

Бергманъ слушалъ насыщенную революціоннымъ пафосомъ рѣчь доктора и, когда тотъ кончилъ, сказалъ не безъ грубости:

— Такъ не выступаютъ, товарищъ. Дѣтскій бредъ. Я знаю эстонскій пролетаріатъ не меньше вашего. Мы должны согласовать дѣйствія и дать сигналъ къ выступленію не раньше учета всѣхъ силъ. Во-первыхъ, часъ начала борьбы: по моему, утренній гудокъ. Пролетаріатъ надо вызвать въ борьбу уже тогда, какъ ваши ударные ба-

тальоны захватятъ телеграфъ, штабъ, разрубятъ связь между полиціей и охранными частями. Во-вторыхъ, всю предварительную работу надо возложить на присланныхъ изъ Россіи партійцевъ, а не на мѣстныя силы. Товарищи Анвельдтъ, Рястасъ и Коркъ прибудутъ и возьмутъ общее руководство. Я не останусь сидѣть тутъ сложа руки. Выступленіе надо подготовить внезапное и быстро дѣйствующее. Сперва захватить учрежденія, разгромить полицію и поднять части гарнизона. Тюрьмы дадутъ не мало бойцовъ, Оружіе должно быть доставлено въ ближайшіе районы. "Доброфлотъ" — вооружить. Вашъ планъ выступленія во время забастовки не годится. Я категорически противъ него.

— Но, товарищъ, центръ торопитъ, требуетъ активности. Я уже подготовилъ въ этомъ направленіи многое. Предвидится забастовка типографскихъ рабочихъ, портовыхъ и нѣкоторыхъ заводовъ, — возразилъ докторъ нерѣшительно.

— Подождетъ "вашъ центръ". Я уполномоченный коминтерна и сижу тутъ не зря. Раньше моей санкціи ни одинъ рабочій Эстоніи не пойдетъ за вашимъ ревкомомъ. Поняли, товарищъ? Довольно глупостей и разныхъ скороспѣлыхъ путчей. Или вы съ Анвельдтомъ хотите послать на разстрѣлъ нѣсколько тысячъ рабочихъ и усилить бѣлый терроръ. Не говорите мнѣ о центрѣ. Анвельдтъ и Рястасъ не центръ. Если вы, какъ членъ ревкома, не дадите мнѣ отвѣтственности за исходъ выступленія, то рѣчь о немъ преждевременна. Лучше усильте пропаганду, организуйте забастовки, злите буржуазію, устраивайте мятежъ и формируйте отряды. Если нѣтъ денегъ, — просите, я поддержу, но не торопитесь на бѣлогвардейскій штыкъ, — сказалъ повелительнымъ тономъ Бергманъ и высокомѣрно оглянулъ насъ.

Докторъ не возражалъ больше, а выпивъ рюмку ликера, спросилъ:

— Какъ вы думаете, товарищъ уполномоченный, надо ли мнѣ послать докладъ эстсекціи объ отсрочкѣ выступленія?

— Ваше дѣло, товарищъ. Я не знаю причинъ торопить — отвѣтилъ Бергманъ, пожавъ плечами.

"Засѣданіе" окончилось, Бергманъ отложилъ выступленіе эстонскаго пролетаріата.

Поляковъ заночевалъ у меня. За стаканомъ кофе онъ объяснилъ мнѣ причины непріязненныхъ отношеній Бергману къ нему.

— Бергманъ уже разъ хотѣлъ подвести меня подъ пулю, но заступничество Кингисеппа спасло меня. Я старый партійный работникъ, а онъ изъ выскочекъ. Типа чекистовъ. Ему только разстрѣливать... Когда онъ былъ командиромъ бригады въ Раквере — я былъ врачемъ, подчиненнымъ ему. Вся его ненависть ко мнѣ оцѣнивается въ бутыль спирта. Онъ требовалъ выдачи изъ полевой аптеки, а я отказалъ. Прислалъ ко мнѣ отрядъ своихъ хулигановъ и приказалъ немедленно дать десять литровъ. Я отклонилъ требованіе. У него пьянствовали тогда Анвельдтъ и Кунаковъ. Меня арестовали и приговорили къ стѣнкѣ. Хорошо пріѣхалъ Кингисеппъ и меня освободили. Вообще, онъ жестокій человѣкъ. Мое положеніе идіотское. Послали работать. Организація вооруженнаго возстанія карается по эстонскимъ законамъ разстрѣломъ. Центръ торопитъ, грозитъ, требуетъ активности, а ревкомъ спрятался по уѣздамъ и никакой работы. Я одинъ въ Ревелѣ съ группой толстоголовыхъ партійцевъ. Бергманъ, понятно, правъ. Скажу больше — выступленіе будетъ ликвидировано. Рабочія массы отошли отъ насъ... Вотъ и рабо-

тай, — сказалъ откровенно Поляковъ, и на его лицѣ легли тѣни усталости.

— Я ихъ понимаю, этихъ Анвельдтовъ, — продолжалъ, закуривъ, Поляковъ, — они берутъ деньги отъ Исполкома коминтерна, врутъ нагло о настроеніи массъ, врутъ о безсиліи власти и разложеніи арміи. Вдобавокъ, агенты ревкома и партіи фабрикуютъ со своей стороны разныя красочныя сводки... Ихъ гонитъ врать боязнь потерять пособіе. Гнусно все обстоитъ въ нашей партіи. Одинъ только Кингесеппъ не спекулиревалъ суммами коминтерна. Не хочу быть пророкомъ, но вотъ увидите ни черта не поможетъ хвастливый Бергманъ — возстаніе будетъ организовано. Но это явится провокаціоннымъ дѣйствіемъ эстсекціи.

— Почему вы непосредственно не доложите коминтерну дѣйствительное положеніе вещей, — спросилъ я.

— Эге! Непосредственно доложить. Вы развѣ не знаете чѣмъ пахнетъ это. По инструкціи я подчиненъ особоуполномоченному и всѣ доклады должны идти черезъ его фильтръ, — отвѣтилъ докторъ. Онъ былъ правъ и мой вопросъ вызвалъ у него сокрушительную улыбку.

Возстаніе въ Ревелѣ все таки произошло, но черезъ годъ послѣ нашего совѣщанія и безъ руководящей роли Бергмана. Ему пришлось, по примѣру многихъ предшественниковъ, покинуть Финляндію и перебраться подъ фамиліей Вершинина на Дальній Востокъ въ штабъ Бородина.

Главари выступленія Анвельдтъ, Рястасъ и другіе идейные товарищи удрали въ СССР, а докторъ Вельмеръ-Поляковъ, оказавшійся фельдшеромъ, по постановленію эстонскаго военнаго полевого суда былъ разстрѣлянъ.

Провокація эстонской секціи стояла жизни десяткамъ одураченныхъ пролетаріевъ и отъ руки лидера Ан-

вельдта пали невооруженные прохожіе офицеры н постовые городовые. Но на совѣтско - эстонской границѣ стояли эшелоны красной арміи: на случай захвата властн.

Послѣ этого "выступленія" пролетаріата, Исполкомъ коминтерна сократилъ бюджетъ эстсекціи до 200.000 марокъ, но увеличилъ суммы "Мопру" до 700.000 марокъ на полугодіе.

По поводу растратъ въ "Мопрѣ" меня командировали на ревизію въ Эстонію, Швецію н Данію. Я выѣхалъ изъ Гельсингфорса по паспорту финскаго коммерсанта-лѣсопромышленника. До Ревеля, какъ членъ яхтъ-клуба, а оттуда на пароходѣ — «Kalewipoeg», пассажиромъ перваго класса.

Первая ревизія въ Ревелѣ дала показательный матеріалъ; комитетъ "Мопра" состоялъ изъ пяти лицъ, изъ коихъ двое имѣли уголовное прошлое. Одинъ, по имени "Видрикъ", былъ осужденъ за кражу со взломомъ, а другой Кару, оказался по справкамъ, наведеннымъ мною, лишеннымъ правъ поджигателемъ. Трое "неуголовныхъ" были рабочіе "Доброфлота", форменные портовые босяки.

Растрата превышала 300.000 марокъ и на мое требованіе представить оправдательные документы Видрикъ далъ мнѣ замасленный листъ бумаги, на которой члены комитета заносили суммы выдачъ. Сумма выдачи была выписана чернилами, а подпись получателя химическимъ карандашемъ.

На мой вопросъ, куда дѣлась недостающая сумма, Видрикъ грубо сказалъ:

— Въ тюрьму товарищамъ - декабристамъ отдали.

Мнѣ было извѣстно, что въ тюрьму посылались за счетъ "Мопра" посылки продовольствія н 500 марокъ мѣсячнаго пособія, я имѣлъ также и списки заключенныхъ — налицо была растрата. Я составилъ протоколъ ревизіи,

но никто нзъ члеиовъ правленія не далъ подъ нимъ своей подписи.

— Пропащее дѣло, — подумалъ я, разсматривая нспитую, вздутую рожу предсѣдателя "Мопра", товарища Видрнка.

Въ Швеціи дѣло было чище обставлено: мѣстный казиачей "Мопра" выправилъ заграиичный паспортъ, заиялъ съ семьей каюту иа пароходѣ "шведско - америкаиской линіи" и съ 189.000 шведскихъ кроиъ взялъ курсъ на Сѣверную Америку..

Даже ревнзовать было нечего — актъ и подпнсн другихъ члеиовъ.

Наличность кассы состояла изъ груды расписокъ и партійиаго билета.

Въ Даніи парткомъ пополнилъ растраченную сумму и всѣ члены "Мопра" былн нсключеиы изъ партіи.

Миссія резидеита — ревизора окоичилась.

***

Черезъ нѣсколько недѣль я сошелъ съ парохода въ Або. Заѣхалъ въ отель на иабережиую и за завтракомъ развериулъ номеръ "Turun Sanomat".

— Новый этапъ въ Рауду.

Арестованы агеиты коминтерна, — прочелъ я заголовокъ телеграммы изъ Гельсингфорса.

Имеиа арестованиыхъ были миѣ зиакомы.

Одииъ изъ агеитовъ должеиъ былъ доставить "коечто" отъ президіума ГПУ.

Взглянулъ иа часы — до поѣзда почти четыре часа.

Теперь была каждая минута дорога.

Я поспѣшно отзавтракалъ и наиявъ автомобиль, поѣхалъ въ Гельсингфорсъ.

Вечеромъ лнквидировалъ квартиры — "пять", "три" и "одиигъ". "Два" и "четыре" былн законспирнрованы да-

же отъ своихъ товарищей по "Развѣдупру". Переодѣлся въ форму солдата арміи спасенія и пошелъ на квартиру моего уполномоченнаго, тоже "солдата". Онъ уже принялъ мѣры, такъ какъ раньше меня прочелъ въ газетахъ о раскрытіи самой важной сѣти проводниковъ-курьеровъ.

Военагентъ Петровъ былъ въ Ригѣ и я вызвалъ къ себѣ его замѣстителя Рабиновича - Сомова.

— Вамъ необходимо бѣжать, — предложилъ мнѣ Сомовъ, — тѣ голубчики попали въ засаду и ничего не успѣли уничтожить.

— Куда же мнѣ бѣжать?

— Ночью мы вызовемъ изъ Ревеля нашъ транспортъ. Катите на моторной лодкѣ до маяка и выждите появленія "Ильича", отвѣтилъ Сомовъ, видимо встревоженный за мою участь.

— А почему мнѣ именно необходимо бѣжать? Вѣдь меня еще не выдали, — произнесъ я.

— А какая гарантія, что не выдадутъ? Если бы одинъ влопался, а то цѣлая "шестерка". Начнутъ допрашивать "перекрестнымъ огнемъ", обязательно кто нибудь и ляпнетъ все, — отвѣтилъ Сомовъ увѣренно.

— Нѣтъ я останусь на квартирѣ номеръ два. Тамъ меня самъ чортъ не найдетъ. Я уйду въ подполье на пять-шесть дней. Меня прошу информировать такъ: помѣщайте объявленія въ финской газетѣ "Uusi Suomi" въ отдѣлѣ найма прислуги. Если обо мнѣ будутъ дурныя вѣсти: ищите горничную въ провинцію и подписывайтесь номеромъ 1919, а если воздухъ чистый, то ищите прислугу за все и номеръ 9191. А письма съ предложеніями пусть лежатъ въ конторѣ газеты. Пустите глубокую развѣдку въ Выборгѣ — сказалъ я, рѣшившись не покидать Гельсингфорса.

Сомовъ принялъ мое предложеніе.

Мы расстались.

Почти недѣлю въ "Uusi Suomi" помѣщалось условное объявленіе, говорящее, что мой слѣдъ пока не обнаруженъ. Я оставилъ занимаемую въ квартирѣ вдовы пастора меблированную комнату и заявилъ хозяйкѣ, что ѣду по дѣламъ фирмы въ командировку...

Первымъ дѣломъ я послалъ съ посыльнымъ записку Арльсону, прося его притти вечеромъ въ ресторанъ "Klippan" поужинать.

Къ условленному времени мой "пріятель" явился.

Заказали "сексеръ", пива и ужинъ.

— Работы по горло, пожаловался Арльсонъ, какъ то особенно пристально взглянувъ на меня, — вотъ уже дней восемь, какъ бѣгаю ищейкой по городу и предмѣстью. Крупнаго звѣря ищемъ мы. Баронъ въ Выборгѣ, напалъ на слѣдъ и потерялъ.

— Что опять большевицкіе агенты работы дали? — спросилъ я, стараясь придаеть голосу возможно больше безразличія.

— О, да! Намъ предписано найти агента развѣдки, капитана Рудницкаго. Чортъ его найдетъ! Въ томъ то и бѣда, что никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ и какова рожа, — отвѣтилъ раздраженно Арльсонъ и выпилъ стаканъ пива.

Налилъ второй и улыбнувшись произнесъ:

— Дрянь, давайте лучше спирта выпьемъ по стаканчику. У меня есть. Нѣмецкій — дрянцо тоже, но крѣпче.

— Наливайте, — согласился я, собирая мысли и готовясь къ отпору "ударовъ" со стороны лейтенанта.

— Игра началась, — подумалъ я, — мой псевдонимъ извѣстенъ. Арльсонъ вретъ или готовитъ мнѣ западню? Надо быть насторожѣ.

Онъ вынулъ изъ кармана брюкъ плоскую бутылку и налилъ мнѣ четверть пивного стакана, себѣ же — полный.

— Уже разбавленный? — спросилъ я.

— Да, наполовину. Вы любите по капелькѣ, а я сразу, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь, и чокнулся со мной. Выпили, закусили розовымъ кускомъ "лакса".

— Что же этотъ капитанъ Рудницкій прибылъ изъ Россіи или проживалъ тутъ? — спросилъ я, предлагая лейтенанту сигару.

— Влопавшіеся ребята не знаютъ никакихъ подробностей о немъ. Фамилію назвали, да и то потому, что у одного нашлась зашифрованная переписка, адресованная капитану. Во всей странѣ ни одного Рудницкаго. Понятно, это псевдонимъ. Годъ тому назадъ въ Выборгѣ жилъ такой капитанъ, но онъ уѣхалъ въ Россію съ партіей эмигрантовъ. Начальникъ обѣщалъ намъ 5000 мар. наградныхъ за установленіе личности, но гдѣ тамъ... Агенты краснаго шпіонажа мѣняютъ шкуру по обстоятельствамъ дѣла и установить ихъ настоящій обликъ можетъ развѣ ихъ полпредчикъ Черныхъ или главарь банды шпіоновъ Петровъ, — отвѣтилъ лейтенантъ, откусивъ кончикъ сигары.

— А вы все-таки ихъ чистите здорово, — сказалъ я, — чуть ли не каждый мѣсяцъ кто нибудь изъ этой банды разоблачается.

— А дальше? Выслали какого нибудь Бобрищева или Бергмана, черезъ три-четыре дня новый на мѣстѣ. Недѣли три тому назадъ мы получили свѣдѣнія, что одинъ изъ важныхъ резидентовъ шпіонажа имѣлъ совѣщаніе съ агентами шведской компартіи. Деньги имъ передалъ, инструкціи и наказы. Въ ту же ночь мы произвели обыскъ и, понятно, ни дьявола не нашли. Оказалось, что агенты проживали въ "Катръ", въ одномъ коридорѣ съ номеромъ генерала Маннергейма. А мы искали гдѣ то въ Тээлэ. Есть у насъ и сейчасъ свѣдѣнія, что въ Гельсингфорсѣ имѣется главный резидентъ ГПУ. Одинъ изъ арестованныхъ по дѣлу распространенія листовокъ сообщилъ о немъ кое - какія дан-

ныя, но нхъ такъ мало, что на слѣдъ не напасть, — про изнесъ лейтенантъ, и наклонясь ко мнѣ, тихо добавилъ, — тоже капитанъ... Смирновъ, вашъ однофамилецъ.

— Что вы говорите? — съ невозмутимымъ видомъ, спросилъ я, чувствуя, какъ сердце сократилось, будто отъ воткнутой иглы.

— Фамилія еще не служитъ доказательствомъ, — продолжалъ лейтенантъ, — но между нами говоря, — я одно время подозрѣвалъ васъ.

— Спасибо, лейтенантъ, разсмѣявшись произнесъ я, — развѣ я похожъ на чекиста?

— Вы простите, но нашъ долгъ службы. Все, что поступало къ намъ, говорило противъ васъ, но тотъ Смирновъ, какъ оказалось послѣ наблюденія, не владѣетъ ни финскимъ, ни шведскимъ языками. А вы то настоящій "Suomalainen" — отвѣтилъ лейтенантъ съ добродушной улыбкой.

— Ахъ, такъ, — разсмѣялся я, — а если я тутъ, будучи агентомъ ГПУ, выучилъ финскій и шведскій языки?

— О, нѣтъ! Еще въ 1916 году, проживая на Калліогатанъ номеръ пять, вы знали оба языка. Это намъ сообщила ваша старая квартирная хозяйка. Справка изъ Тавастгусткой гимназін подтвердила правдивость заявленій многихъ лицъ, знавшихъ васъ до революціи, — сказалъ Арлсонъ, окончательно укрѣпляя во мнѣ чрезмѣрность моихъ опасеній.

Послѣ ужина я пригласилъ его кутить за городъ.

Отдѣльный кабинетъ. Коньякъ и шампанское... Счетъ — четыре тысячи марокъ и "размякшее" тѣло лейтенанта я доставилъ къ себѣ...

. . . .

Бастіонъ превращенный въ тюрьму... За рѣшетча-

тыми окнами плещется море.

Приговоръ вынесенъ — два года принудительныхъ работъ. Были смягчающія обстоятельства...

Я изолированъ отъ коммунистовъ, соучастниковъ процесса.

— Молодецъ лейтенантъ, — часто думалъ я сидя у окна и глядя на водную ширь, раскинувшуюся передъ взоромъ.

— Два года ты "игралъ" пріятеля и добивался цѣли, но мы разстались безъ обиды и непріязни. Я "разоблачился" раньше, чѣмъ тебѣ понадобилось сказать мнѣ, что двойникъ Смирнова — "настоящій" suomalainen. Теперь, когда моя маска снята и наша игра кончена, мнѣ хотѣлось бы сказать тебѣ, честный противникъ, что работа подрывная, вредительская и губительная продолжается. Война между азіатской красной звѣздой и бѣлымъ крестомъ христіанъ не прекращается. Вмѣсто меня твоихъ соотечественниковъ - воиновъ, рабочихъ и молодежь "покупаетъ", совращаетъ и морально разлагаетъ какой нибудь новый резидентъ изъ легіона легальныхъ и нелегальныхъ слугъ Сатаны, — такъ хотѣлось бы сказать тому славному лейтенанту, теперь, когда моя "миссія" закончена.

Но я выброшенъ изъ общества, — мнѣ надо два года подвергать себя "исправленію".

А тамъ? Не знаю...

За предательство "трудящихся массъ" меня заочно приговорили къ высшей мѣрѣ наказанія. Но заложникамъ, моей матери и одному брату, удалось избѣжать моей участи.

Младшаго брата Харьковскій отдѣлъ чека разстрѣлялъ за принадлежность къ организаціи "экономическихъ вредителей". Мать и братъ бѣжали въ Румынію

н оттуда въ Бразилію.

Однажды въ тюрьмѣ, на прогулкѣ, одинъ изъ преданныхъ мной коммунистовъ крикнулъ мнѣ:

— Мы тебя, провокатора, и тутъ "тихимъ" сдѣлаемъ.

Но этихъ угрозъ я не боялся, меня "оберегала" тюремная стража, устроивъ мнѣ прогулки соло. А помѣстили меня въ большую "комфортабельно" обставленную камеру для двоихъ.

Иногда вызывали въ канцелярію тюрьмы для дачи показаній или распознанія влопавшагося товарища.

Маленькій, косоглазый террористъ — латышъ Вейнисъ, чекистъ Сайріо, прибывшій подъ новой фамиліей, матросъ изъ "особотдѣла" Носовъ - Мурашинъ и еще нѣсколько нежелательныхъ гостей принуждены были покинуть страну по моимъ "рекомендаціямъ".

— Всѣмъ "товарищамъ": бывшему полковнику Императорской арміи, Лейбъ - Гвардіи стрѣлковой артиллерійской бригады, преданному слугѣ "О. Г. П. У." — А. А. Бобрищеву, жестокому чекисту Яну Вейникасъ - Бергману, резидентамъ - змѣенышамъ, красной коммунистической кобры — Розенталю, Муценеку, Фишману, Корейцу и прочимъ наемнымъ слугамъ шайки интернаціональныхъ "политжуликовъ" напоминаю: всѣ вы "обязаны" мнѣ, что ваша гнусная работа въ Финляндіи была пресѣчена властями и передъ вами открылась "скатертью дорога" въ порабощенную, распятую на крестѣ безмолвнаго мученичества Россію...

Одну ночь провелъ въ моей камерѣ молодой эстонецъ, "коммунистъ", приговоренный къ разстрѣлу полевымъ судомъ. Бывшій учащійся средней школы, членъ комсомола, бросившій бомбу въ домъ члена правительства, проклиналъ своихъ "учителей" Анвельдта и Хей-

деманна, растлителей молодежи. Утромъ онъ пошелъ на казнь...

Встрѣча — неожиданная и печальная.

Дружеловскій! Осунувшійся, блѣдный и еще болѣе издерганный.

— Какими судьбами? — воскликнулъ онъ входя въ камеру и увидѣвъ меня.

— Два года, — просто отвѣтилъ я пожимая его исхудалую руку.

— Предали? Понятно, — это финалъ нашей работы. Со мной ерунда. Меня просто арестовали за нелегальный въѣздъ. Я уѣду въ Россію. Идіоты эти шпики. Я активистъ - антибольшевикъ, — произнесъ Дружаловскій и, положивъ какой то узелокъ на столъ, тяжело опустился на скамью.

— Вы уже давно тутъ? — спросилъ онъ, взглянувъ на меня лихорадочно горѣвшими глазами.

— Полгода.

— Ахъ, что произошло со мной за это время, ужасъ! Я разоблачилъ дьявольскую работу большевиковъ въ Софіи: взрывъ собора. Я опубликовалъ нанцѣннѣйшіе документы коминтерна, а теперь меня сушатъ здѣсь. Я не спущу имъ этого, — истерично выкрикивалъ Дружеловскій,производя впечатлѣніе ненормальнаго человѣка.

— Вы же большевикъ? — напомнилъ я ему.

Онъ растерялся.

— Да... былъ... Да! работалъ на нихъ. Но меня бросили, бросили, какъ собаку въ Берлинѣ. Знаете, что Аренсъ въ Варшавѣ со мною сдѣлалъ? Ударилъ по лицу — вмѣсто денегъ. Я этого имъ не прощу. Нѣтъ, не прощу. Все исполнялъ по ихъ указкѣ. Провоцировалъ, а теперь они же изгнали меня изъ Германіи. Кто сфабри-

ковалъ дѣло Бора? Я, милостивые государи, я... Меня вышлютъ въ Россію. Какъ вы думаете: могутъ оии, за ненадобностью, убить меня? — произнесъ онъ съ запылавшнмъ отъ волненія лицомъ.

— Могутъ, — лаконически отвѣтилъ я.

Оиъ опустилъ голову и разсмѣялся.

— Ха-ха-ха! Палачи.. Онн все могутъ, вы правы. Онн взорвали Софійскій соборъ. Ахъ, что говорнть о нихъ. Вы сами знаете, что онн могутъ. Убить меия! Ха-ха-ха! Пусть убьютъ, но я этой сволочи раньше въ лицо брошу все, что иакопилось на душѣ.

— Это нмъ, какъ съ гуся вода, — замѣтилъ я.

— Да, да, да. Онн звѣрн, хуже! Что они ? А? — хрипло сорвалось съ устъ Дружеловскаго и онъ вскочилъ со скамьи.

Прошелся по комиатѣ заложнвъ рукн иа спииѣ.

Остановился около окна и, повернувъ ко мнѣ искажеиное злобой лицо, вскрикнулъ:

— Я знаю, что они меия убьютъ, какъ паршивую собаку. Зиаю, ио я созиательио нду на это. Передъ тѣмъ, какъ покииуть эту землю, которая терпнтъ этихъ презрѣиныхъ палачей и убійцъ, я раскрою карты. Я подведу къ стѣикѣ кое-кого. Я знаю такія дѣла, что самъ дьяволъ ахиетъ. Заплету веревочку, мое почтеніе. Пусть только иачиутъ допрашнвать. Кто убилъ товарища Гранскаго въ Констаитииополѣ, а? Куда дѣлнсь трнста тысячъ долларовъ курьера Ашниадзе? Кто былъ тотъ милостивый государь, который отравнлъ стараго партійца Лобаиовскаго - Ярева въ кильской гаванн? Я знаю всѣ тайиы господъ Ареисовъ, Воровскнхъ, Оболенскнхъ и прочихъ потрошителей. Все скажу слѣдователю, все раскрою.

— Зиаете что, господииъ Дружеловскій, успокой-

тесь лучше и не разсказывайте тайнъ, которыя мнѣ также знакомы. Хотите чаю? — произнесъ я, желая прекратить надрывъ больного человѣка.

Несомнѣнно въ это время Дружеловскій былъ близокъ къ сумасшествію.

— Я не могу простить имъ нанесенной обиды, — пробормоталъ онъ и, обхвативъ рукой рѣшетку, припалъ головой къ желѣзу.

Плечи вздрогнули. Кажется, онъ заплакалъ.

Черезъ нѣсколько дней его вызвали въ канцелярію и сообщили, что ему дана виза въ СССР.

Онъ собралъ свои вещи и, простившись со мною, покинулъ камеру.

Прошелъ мѣсяцъ или больше, точно не помню, я прочелъ въ газетѣ дѣло Дружеловскаго и финалъ его бурной жизни. Высшая мѣра наказанія.

— Могутъ ли они убить меня? — пришла на память фраза разстрѣляннаго и я отвѣтилъ его же словами: да, они все могутъ.

Еще разъ эта фраза напомнила мнѣ о дѣйствительномъ всемогуществѣ большевицкихъ агентовъ, а именно въ день моего отъѣзда изъ Гамбурга въ Южную Америку.

Случайно въ одномъ окнѣ каюты перваго класса я увидѣлъ знакомое, красное, упитанное лицо.

Бергманъ - Венникасъ.

У стюарта мнѣ удалось разузнать о знатномъ пассажирѣ слѣдующее: германскій фабрикантъ Рихардъ-Карлъ Миллеръ, родомъ изъ Ганновера 32 лѣтъ направляется по дѣламъ своего предпріятія (съ образцами трикотажныхъ издѣлій) въ Ріо-Жанейро.

— Надо подпустить ему "свинью", — рѣшилъ я, прогуливаясь по нижней палубѣ океанскаго гиганта. Но

вскорѣ я убѣдился, что мое намѣреніе можетъ стоить мнѣ жизни.

Бергманъ ѣхалъ не одинъ, а въ обществѣ какой-то элегантной дамы, блондинки, и двухъ молодыхъ брюнетовъ, не то испанцевъ, не то итальянцевъ. Весь путь я избѣгалъ попадаться на глаза "фабриканту" Бергману. Издали наблюдалъ за почтенной компаніей чекистовъ ѣдущихъ въ заокеанскія страны пассажирами перваго класса...

Наконецъ — Санъ-Паоло.

"Тѣни прошлаго" стояли около борта парохода — въ бѣлыхъ костюмахъ и махали широкополыми шляпами сошедшей на берегъ попутчицѣ. Гора кожаныхъ чемодановъ, баулы, шляпныя картонки погружены мулатомъ-шассеромъ въ автомобиль.

Она киваетъ затянутой въ лайкъ рукой "фабриканту" и роскошный "Роль-Ройсъ" мчитъ ее въ лучшій отель.

Я увидѣлъ ее вблизи... Она пронеслась мимо меня — въ зеркальномъ овалѣ я увидѣлъ ея глубокія, обрамленныя перистыми рѣсницами глаза. Ихъ я узналъ, узналъ бы всегда, въ толпѣ тысячъ крашеныхъ, подведенныхъ, омоложенныхъ женщинъ, нашелъ бы ихъ демоническій алмазный блескъ...

Гибсонъ...

На "фазіэндѣ" моего брата началась для меня новая жизнь.

Мое прошлое погребено, но самъ я не могу еще порвать съ краснымъ ужасомъ; боюсь ихъ мести, ибо **они все могутъ.**

Конецъ.

Репринтное издание

А. ОЛЬШАНСКИЙ

ЗАПИСКИ АГЕНТА РАЗВЕДУПРА

Подписано в печать с диапозитивов 20.XI.91 г. Формат $60\times84/_{16}$
Бумага № 2 Печать офсетиая Усл. печ. л. 9,8 Уч.-изд. л. 9,3
Тираж 50000 экз. Зак. 4508 Цеиа 6 руб. 00 коп.

Редакциоиио-издательский отдел ЦГА СССР
119817, Москва, Б. Пироговская, 17
Отпечатаио в 12 Центральиой типографии МО
ISBN 5—85095—010—9

6*

Готовится к печати в 1992 году

Книга знаменитых Египетских мудрецов

«ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО»

Чем увлекались и чем заполняли свой досуг в те времена, когда не было кино, телевидения, радио? Вспомните «Евгения Онегина»: Татьяне приснился страшный сон и она проснувшись по утру

«...В постеле с книгою лежит
За листом лист перебирая...
То был, друзья, Мартын Задека
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.
Сие глубокое творенье
Завез качующий купец
Однажды к ним в уединенье...
...Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит».

Почувствовать себя хотя бы ненадолго человеком романтического начала XIX в., а может быть и в самом деле помочь разрешить Ваши сомнения поможет книга, изданная в 1804 г., «Волшебное зеркало». Здесь Вы найдете не только толкователь снов, откровения Мартина Задеки, но и множество забавных и увлекательных гаданий, предсказаний, часть из которых, представьте себе, сбывается (мы проверяли на себе).

Этот раритет отыскался в фондах одной из старейших библиотек России, хранящихся ныне в ЦГАДА. Книга поступила в Московский архив МИДа в 1899 г. вместе с библиотекой купца-коллекционера Ф. Ф. Мазурина. Библиотека Федора Федоровича содержит не только редчайшие рукописные и старопечатные книги, но и книги, которые пользовались успехом у широкого круга читателей в XVIII и XIX вв.

Если переиздание этой книги заинтересует Вас, заявки на ее приобретение просим направлять в Редакционно-издательский отдел ЦГА СССР по адресу: 119817, г. Москва, ГСП, Г-435, ул. Б. Пироговская, 17.

Контактные телефоны: **245-16-26; 245-81-11.**

Готовится к печати в 1992 году

Л. М. САВЕЛОВ. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства

Автор — профессор, крупнейший русский генеалог начала XX в., директор Московского Дворцового архива. Справочник включает сведения о 3800 фамилиях русского, украинского, белорусского, польского, прибалтийского, кавказского дворянства и библиографию по истории дворянского сословия в целом.

Репринтное воспроизведение библиографической редкости — издания 1898 г. включает также дополнения, изданные Л. М. Савеловым в 1904 г. в виде отдельной брошюры.

Справочник необходим историкам и всем, интересующимся историей, краеведением, генеалогией.

Заявки на его приобретение просим направлять в Редакционно-издательский отдел ЦГА СССР по адресу: 119817, г. Москва, ГСП, Г-435, ул. Б. Пироговская, 17.

Контактные телефоны: **245-16-26; 245-81-11.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

8 –

Цена ~~6 р.~~